

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред-выдач

--

З ТМО Т. 1 илл. З. 3484—80

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предл. выдач _____

2513-25/1173

~~#7393~~

83

51706

Л64 Литературная
энциклопедия Т.6

1932 Г2171 2-50

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

83

Л64

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, И. Л. МАЦА,
И. М. НУСИНОВ, Н. А. СКРЫШНИК,

В. М. ФРИЧЕ

Главный редактор А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
Ученый секретарь М. С. ГЕЛЬФАНД

ТОМ ШЕСТОЙ

Департамент культуры РСФСР
Библиотека

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СЛОВАРНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
МОСКВА ◆ ОГИЗ РСФСР ◆ 1932

51706 / 47393
09 72174

680. 80
72
5

83я2

8

164

Энциклопедия литературная

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СЛОВАРНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Тем отдан в производство 30 июня 1931 г.
Нормисан и печати 22 декабря 1932 г.

Набор, верстка, печать текста и брошюровочно-переплетные работы выполнялись в 16-й типографии треста «Полиграфинга» под общим наблюдением директора 16-й тип. Смирнова П. Г. и помощников директора Моргунова Н. В. и Кудришова П. В. Набор и верстка произведены под руководством Калобашкина И. Г. и Корюкиной А. А. Версталя Второго П. А. и Горшков М. С. Печатью руководил Майоров С. Г. Брошюровочно-переплетные работы выполнялись под общим наблюдением Баранова В. В., Овсянникова М. П. и Курчева Н. Н. коллективом брошюровщиков под руководством Костюшина П. И. и Комарова И. М. Тисненые гравировано Законовым Г. А. Гравюры портретов выполнены художниками-граверами Павловым И. Н., Маториным М. В. и Троицким А. П. Бумага бумажной фабрики Вышмица, Дерматин Кунцевской фабрики им. В. П. Ногина, Картон Миропольской фабрики и Балахнинского комбината.

ЛИ-ЭН-И-32(Т.6)

Адрес издательства: Москва, Волховка, 14.

16-я типография треста «Полиграфинга», Москва, Трехпрудный пер., д. 9.
Занав № 648. Уполномоченный Главлита Б 12 519. Газ 37,3-50 г. Тираж 36.000.
Бумага 72x108/16, 28% п. л. В 1 в. л. 90.000 зн.

П. С. КОГАН

2 мая сего года скончался сотрудник «Литературной энциклопедии» проф. Петр Семенович Коган, историк зап.-европейской и русской литератур и литературный критик, 6. президент ГАХН и председатель Научно-художественной секции ГУС, редактор ряда советских изданий.

В дореволюционном литературоведении П. С. Коган был одним из первых ученых, мужественно ставших на сторону марксизма, вопреки нападкам буржуазной профессуры. Его «Очерки», выдержавшие ряд изданий, несмотря на свои методологические ошибки, сыграли значительную роль в деле популяризации основ марксизма, классового изучения литературы, в борьбе против идеалистической критики эпохи реакции.

В лице П. С. Когана мы лишились одного из тех представителей старой интеллигенции, которые, не колеблясь, связали свою судьбу с Октябрьской революцией и отдали ей свои силы.

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ СТАТЕЙ VI ТОМА

- ЛАВРОВ П. — В. Кирпотин
 ЛАЙЦЕН — Ю. Явель
 ЛАССАЛЬ — Г. Лукач
 ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК — Н. Дератави
 ЛАТЫШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — В. Ки.
 ЛАФАРГ — В. Гоффеншефер
 ЛАФОНТЕН — С. Мокульский
 ЛАХУТИ — А. Н.
 ЛЕВИЦКИЙ-НЕЧУЙ — Ц. Колесник
 ЛЕГЕНДА — Р. Ш.
 ЛЕЗГИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — П. К.
 ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ — А. Луначарский
 ЛЕКСИКА — Р. Шор
 ЛЕНИН (биографич. очерк) — Н. Мещеряков
 ЛЕНИН И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ —
 А. Луначарский
 ЛЕОНОВ — И. Нусинов
 ЛЕОПАРДИ — Ш. Коган
 ЛЕРМОНТОВ — Г. Лелевич
 ЛЕСАЖ — С. Мокульский
 ЛЕСКОВ — П. Калещий
 ЛЕССИНГ — Б. Пуришев
 ЛЕФ — М. Бочачер
 ЛИБЕДИНСКИЙ — К. Г.
 ЛИРИКА — А. Луначарский и Р. К.
 ЛИТЕРАТУРА — И. Нусинов
 ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА — И. Ип-
 полит
 ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗДАТЕЛЬ-
 СТВА — З.-М.
 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ — А. Цейтлин
 ЛИТОВСКАЯ ЛИТ-РА — Б. Пранскус
 ЛИТФРОНТ — Е. Михайлова
 ЛИШНИЕ ЛЮДИ — А. Лаврецкий
 ЛОЗУНГ — Э. Луния
 ЛОКАФ — Даль
 ЛОМОНОСОВ — Л. Тимофеев
 ЛОНГФЕЛЛО — А. Старцев
 ЛОНДОН — Б. Пранскус
 ЛОПЕ де ВЕГА — В. Узин
 ЛУБОЧНАЯ ЛИТ-РА — Ю. Соколов
 ЛУНАЧАРСКИЙ — Р. К.
 ЛУ-СИНЬ — Т. Х.
 ЛЮДВИГ О. — Ф. Шиллер
 ЛЮКСЕМБУРГ — И. Нусинов
 ЛЮТЕР — Б. Пуришев
 ЛЬЮИС СИНКЛЕР — А. Елистратова
 ЛЯШКО — Л. Г.
 МАЙКОВ ВАЛЕРЬЯН — С. Решетин
 МАКАРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ — С. Мо-
 кульский
 МАК-ОРЛАН — Я. Фрид
 МАЛАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — Семаун
 МАЛЛАРМЕ — М. Эйхенгольд
 МАЛЫШКИН — А. Селивановский
 МАМИН-СИБИРЯК — С. Р. и П. Ш.
 МАНДЗОНИ — В. Узин
 МАНН ГЕНРИХ — А. Запровская
 МАНН ТОМАС — А. Запровская
 МАНДЖУРСКАЯ ЛИТ-РА — Н. Поппе
 МАРИВО — С. Мокульский
 МАРИНЕТТИ — М. Эйхенгольд
 МАРКИШ — И. Нусинов
 МАРКО ВОВЧОК — П. Колесник
 МАРКС (биография и учение) — В. И. Ленин
 (т. XVIII, 2-е изд.)
 МАРКС (эстетические взгляды) — Мих.
 Лифшиц

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ПОРТРЕТЫ

(на вкладных листах)

	<i>Столбцы</i>	<i>Столбцы</i>	
ЛАФОНТЕН ЖАН (иллю- страция)	115—116	ЛЕРМОНТОВ (иллюстрацион- ный монтаж)	295—296
ЛЕНИН (портрет)	207—208	ЛЕССИНГ (портрет)	319—320
ЛЕНИН (портрет)	255—256	ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА (цветная вкладка)	595—596
ЛЕРМОНТОВ (портрет)	283—284	ЛУНАЧАРСКИЙ (портрет)	627—628
ЛЕРМОНТОВ (иллюстрацион- ный монтаж)	287—288	МАРКС (портрет)	815—816

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СЕКТОР ГСЭИ

Зам. Пред. Правления ГСЭИ—**А. П. Большемеников**; Зав. Производственно-Издательским Сектором—**Д. П. Татиев**; Зав. Планово-Учетным Отделом—**В. А. Маркус**; Иллюстративный материал подобран—**М. Д. Ицеховской**; Технический редактор по иллюстрациям—**Н. И. Хрустачев**; Зав. Технической редакцией при типографии—**М. М. Дмитриев**; Технический редактор при типографии—**А. Ф. Кулемкин**; Технические редакторы при редакции Л. Э. — **А. Н. Лейбенберг** и **М. Т. Спротенко**; Зав. Корректорской—**Н. З. Кулешов**; Бригадир корректорской бригады—**Е. М. Красовская**; Старший корректор **З. Г. Алимова**.

Л

ЛА БАРТ Фердинанд Георгиевич, де, граф [1870—1915]— историк западной лит-ры. Происходил из обрусевшей французской аристократической семьи. Окончил Петербургский университет, где занимался под руководством акад. А. Н. Веселовского (см.). Был приват-доцентом Киевского, затем Московского университетов и преподавателем Высших женских курсов. Начал литературную деятельность переводом «Песни о Роланде» [1897] (получил за него Пушкинскую премию). Главные труды Л. Б. посвящены истории романтизма, его генетике и эволюции (особенно во Франции). Сюда относятся обе диссертации Л. Б.—«Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции» (Киев, 1905) и «Разыскания в области романтической поэтики и стиля» (Киев, 1908), курс лекций «Лит-ое движение на Западе в I трети XIX в.» (М., 1914) и др. Придерживаясь сравнительно-исторического метода, воспринятого им от А. Н. Веселовского, Л. Б. стремился «расширить» его путем применения то формально-эмпирического, то индивидуально-психологического, то даже социологического анализа, мотивируя подобное «соединение нескольких методов» сложностью литературных течений, «созданных многими факторами». Такой принципиальный эклектизм, усугубленный обилием субъективно-критических оценок, крайне понижает ценность трудов Ла Барта. Последние имеют значение лишь постольку, поскольку содержат фактический материал.

Библиография: I. Кроме упомянутых выше трудов: Беседы по истории всеобщей литературы, ч. 1, Киев, 1903 (издание 2-е, М., 1914); Французский классицизм в литературе и искусстве, Киев, 1903; Импрессионизм, символизм и декадентство. Из истории эволюции художественного стиля во Франции, Киев, 1903; «Дон-Кихот» Сервантеса и испанское общество в начале XVII столетия, Киев, 1905; Метод Дарвина в художественно-литературной критике, «Педагогическая мысль», 1905, вып. II; Критические очерки по истории итальянской литературы второй половины XIX ст., Киев, 1906; Сказка не жизнь, рассказы, Сиб., 1907; Критические очерки по истории романтизма, Киев, 1908; Шатобриан и его сверстники, «История западной литературы XIX в.», под ред. Ф. Д. Ватюшкова, кн. V, гл. V; Альфонс Ламартин, там же, глава VI.

II. Петров Д. К., Граф Ф. Г. Ла Барт, «Журнал министерства народного просвещения», 1916, I. III. Словарь членов Общества любителей российской словесности, Москва, 1911.

ЛАБИШ Эжен Мари [Eugène Marie Labiche, 1815—1888]— популярный французский водевиллист. Родился в семье богатого промышленника, изучал право, много путешествовал. Его корреспонденции из Италии, напечатанные в парижских газетах, были собраны в книге «La clef des champs» (Скитания, 1838). В театре дебютировал комедией «La cuvette d'eau» (Таз с водой, 1837), за которой последовал «Monsieur de Coislin» [1838], имевший исключительный успех. В течение 40 лет пьесы Л. не сходили с парижской сцены (особенно «Palais-Royal»). Л. написал свыше 100 комедий и водевилей, частично— в сотрудничестве с другими авторами (Т. Баррьер, Гондине, Клервиль, Э. Ожье). Лучшие водевили Л.: «Le charreau de paille d'Italie» (Соломенная шляпка, 1851), «Voyage de M. Perrichon» (Путешествие Перришона, 1860), «Célimar le bien-aimé» (Возлюбленный Селимар, 1863), «La Cagnotte» (Копилка, 1864), «Le plus heureux des trois» (Самый счастливый из трех, 1870). Все это образцы лит-ры, рассчитанной на увеселение мещанства эпохи расцвета промышленного капитализма. Особенности дарования Л.—разнообразие интриг и комических положений, легкость и живость диалога, основательное знание сцены. Желание смешить во что бы то ни стало часто приводит Л. к преувеличенной буффонаде, к нарочитому неправдоподобию фабулы. При всех этих недостатках несомненны его наблюдательность и знание мещанского быта. «Галльская» веселость Л., умевшего развлекать, не отрицая, наоборот— утверждая мещанскую мораль, заставила французскую буржуазию увидеть в нем продолжателя лучших традиций старинного фарса. Следствием этого явилось избрание Л. в Академию [1880]. Многие пьесы Л. переведены на русский язык.

Библиография: I. Théâtre de Labiche, 10 vv., 1878—1879.

II. Lacoour L., Gaulois et Parisiens, 1883; Faltern H., Die Technik der Komödien von Eug. Labiche, 1909.

III. Alexandre R., Bibliographie des pièces de Labiche, «Intermédiaire des chercheurs et des curieux», 1887—1888.

ЛА-БОЗТИ Этьенн [Étienne de La Boétie, 1530—1563]— философ, переводчик и поэт

эпохи Возрождения. Получил образование в коллеже Бордо; занимал должность советника парламента. Одновременно занимался древним яз. и античной лит-рой. Его переводы фрагментов Аристотеля, экономических трудов Ксенофонта, «Жизнеописаний» Плутарха и «Неистового Роланда» Ариосто составляют ценный вклад во французскую лит-ру. Но особенное значение имеет его «Протест», написанный им еще 15-летним юношей. Горячие излияния молодого гуманиста, его любовь к свободе, его идеалы греческой демократии и римской республики являлись выражением идеологии оппозиционной буржуазии, ее протеста против феодально-средневекового уклада.

Библиография: H. Feugère J. L., Etienne de La Boétie, ami de Montaigne, précédée d'un coup d'oeil sur les origines de la littérature française, 1845.

ЛАБРИЮЕР Жан [Jean de la Bruyère, 1645—1696]—французский писатель, отнесенный к числу «великих классиков». Происходил из мелкобуржуазной семьи, был адвокатом, чиновником, сделался в 1684 гвернером внука принца Кондэ. В 1693 избран в Академию. В Шантийи (дворце Кондэ)

до) перед глазами Л. прошли все замечательные в каком-либо отношении представители феодальной аристократии и крупной буржуазии, послужив материалом для единственной книги Л. «Les Caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les Caractères et les Mœurs de ce Siècle», 1688 (русск. пер.— «Характеры и нравы этого века»). При жизни Лабрюйера вышло 9 изданий, постепенно дополнявшихся автором. Ни замысел, ни форма этой книги не были новшеством в век «афоризмов», «максим», «мыслей» и «характеристик». И тем не менее книга Л.— вместе с книгой Ларошфуко («Максимы», изд. 1-е, 1665)— пережила свое время, потому что автор глубже и ярче других отразил свою эпоху в качестве представителя буржуазной интеллигенции. Л. выдвинул те проблемы, которые в XVIII в. стала разрешать просветительная философия. Так, в своих заметках о «вельможах», «героях» и «детях богов»

(имеются в виду принцы) Л. уже намечает вопрос о социальном неравенстве, выражающемся в том исключительно привилегированном положении, в каком аристократия XVII в. находилась по сравнению с «обыкновенными людьми», например: «Дети богов, так сказать, извлекают себя из правил природы и являются как бы исключением. Они не ждут почти ничего от времени и лет. Заслуги у них предшествуют возрасту. Они рождаются образованными, они становятся совершенными людьми скорее, чем обыкновенные люди успеют выйти из детства». Труд Л. отмечен кроме того ярким талантом писателя, набрасывавшего скато и выпукло формулы целых произведений под видом характеристики того или иного типа: все «характеры» Лабрюйера жавут, действуют, движутся под его пером, и им недостает только «большой формы», чтобы превратиться в драму, роман. Несмотря на верность классической поэтике, Л. настолько реалистичен в обрисовке деталей и черт, что современники не верили в «отвлеченность» его характеристик и пытались угадывать в них живых людей. Несомненно, Л. отчасти списывал свои портреты с реальных лиц, и такие «типы», как «Эмиль», «Стратон», «Менипп», «Памфиль» и др., прикрывают Кондэ, Лоззона, Вильяра, Данко и др., но многие образы Л. имеют и собирательное значение, как это давно уже установилось в лит-ре классицизма и по традиции передавалось дальше (в русской лит-ре типы сатирического Каптемира — сколки с «характеров» Л.).

Круг интересов и наблюдений Лабрюйера замкнут «двором и городом»: вельможи и богачи, аристократическое общество и светский разговор— наиболее удачные темы его зарисовок. При этом следует заметить, что люди или различные явления общественной жизни зарисовываются Л., так сказать, со стороны их внешности; Л. не стремится, подобно Паскалю или Ларошфуко, проникнуть в тайники человеческой психики, его скорее «привлекает внешний вид наших страстей», «внешняя физиономия» человека. В этом специфичность изобразительной манеры Л., фиксирующей живописные детали явлений, которые затем связываются в картины, поражающие своей исключительной выразительностью. Стиль и яз. Л., признанные образцами классицизма, как бы предвосхищают своей краткостью фразовую конструкцию в литературе века Просвещения (в этом отношении интересны афоризмы Л., напр.: «Ханжа—это тот, кто при королевстве стал бы атеистом», или— «Источник заблуждений в политике состоит в том, что думают только о себе и настоящем», и т. п.). Книга Лабрюйера оказала огромное влияние на все европейские лит-ры и переведена на все языки (на русский дважды— в 1812 и в 1890).

Библиография: I. Характеры и нравы этого века, перев. П. Д. Перлова, с предисл. Прево-Парадокси и Сент-Евэа, СПб, 1890; Исторические некастатические притчи (Страсбургские эпюлы), СПб, 1905; Избранные мысли, с предисловием Л. Н. Толстого, М., 1908; Oeuvres, nouv. éd. par G. Seryois, 3 vv., 1865—1878; H. Aillaire E., La Bruyère dans la maison de Condé, 1886; Pellisson M., La Bruyère, 1896;

Lee E., La Bruyère et Vauvenargues, 1903; Morillot P., La Bruyère, 1904; Lange M., La Bruyère, critique des conditions et des institutions sociales, 1909.

ЛАБУЛЭ Эдуард Рене [Edouard René Lefévre Laboulaye, 1811—1883]—французский романист и детский писатель. По специальности юрист. Приобрел известность исследовательскими работами по юриспруденции; считается основателем исторической школы изучения права во Франции. Играл довольно крупную политическую роль в эпоху старой империи как один из вождей оппозиционно настроенных кругов мелкобуржуазной интеллигенции. В теории горячий сторонник американской демократии, Л. на практике мало интересовался формами государственной власти. После падения Наполеона совершенно отошел от политической жизни.

Политические убеждения Л. полностью отразились на его литературном творчестве. Он оставил несколько романов и два сборника детских сказок. Как романист Л. интересен своим стремлением сообщить художественному произведению острую политическую направленность. Его сатиры—«Париж в Америке» (Paris en Amérique, 1863) и «Принц-Собака» (Prince Caniche, 1861)—в форме фантастических романов сталкивают противоречия быта и представляют язвительную критику бюрократического режима империи и Наполеона III. Как в политике, так и в лит-ых произведениях Л. не смог дать законченного сredo, не пошел дальше злободневной сатиры и тех «высоко гуманных» «общечеловеческих» идеалов, которые мы находим в его сказках.

Сказки Л. отличаются особой интимностью передачи. Большой частью это художественная обработка разнообразного фольклорного материала, главным образом «бродячих сюжетов». Л. р-ценявает сказки как наиболее ценный материал для изучения этнографических особенностей каждого народа, оставаясь в то же время верным дидактическим принципам своего творчества.

Библиография: I. На русский яз. перев.: Принц-Собака, перев. С. Прилоз, новых сочинений автора: «Три лимона» и «История парижской прессы», СПб, 1868 (и более поздние изд., СПб, 1906, и др.); Сказки, т. I. Арабские и турецкие сказки, СПб, 1869; То же, т. II. Чешские и немецкие сказки, СПб, 1869; Новые сказки, СПб, 1869; Сборник избранных произведений, 3 тт., изд. Н. Давыденко, СПб, 1870; Париж в Америке, перев. С. Брылявита, СПб, 1874 и 1893; Волшебные сказки, перев. М. Лихтеншталт, Е. Бартолевой и С. Миримановой, СПб, 1900. На русский яз. перев. также переводы работ Л. Кроме указ. в тексте: Souvenirs d'un voyageur, Nouveaux, 1858; Abdallah, 1859; Les Etats-Unis et la France, 1862; Contes bleus, 1863; Nouveaux contes bleus, 1866.

II. О. В., Политическая сатира во Франции, «Вестник Европы» 1868, II, IV; Mallon A., Notice sur la vie et les travaux de M. Laboulaye, 1889. E. J.

ЛАВАНТ Рудольф [Rudolf Lavant, 1844—1916]—немецкий социалистический поэт и журналист, один из долготелетних редакторов соц-дем. политико-сатирического журн. «Der Wahre Jakob», оказавшего соц.-дем. партии большие услуги после издания закона против социалистов. Темы многочисленных стихов и псэм Л.—яркая сатира на юнкерско-церковную реакцию, трусливый либерализм, с одной стороны, и отклики на важнейшие

политические и партийные события (выборы, конгрессы, юбилеи, политич. процессы, революционные праздники и т. п.)—с другой. Отвергая всякий компромисс с господствующей буржуазной лит-рой, Л. считал наиболее актуальным и возможным жанром молодой рабочей лит-ры политическую лирику и сатирико-политический фельетон и проповедывал всемерное использование лит-ого наследия эпохи буржуазных революций (особенно Гейне и Фрейдригата). «Призвание» рабочего-поэта—«дать исход всему гневу, всей скорби, всему ликования, к-рым его наполняют перипетия протетарской освободительной борьбы». В этом духе Л. составил первую крупную антологию революционной и протетарской поэзии, изданную немецким заграничным партийным изд-вом под названием «Vorwärts» (6 ч., 1886). Лучшие стихи Л. собраны в томе «In Reih und Glied. Gedichte eines Namenlosen» (V т. серии «Arbeiterdichtung», Stuttgart, 1893).

Библиография: II. Schiller F. P., Die deutsche Arbeiterdichtung unter dem Sozialistengesetz, «Wolfsadisches Schulblatt», 1929, X. Ф. Ш.

ЛАВЕДАН Анри [Henri Lavedan, 1859—]—французский драматург и романист. Первая его пьеса «Принц д'Орек» (Le prince d'Orec, 1890) верна традиции старой комедии характеров. В последовавшем за ней ряде комедий, романов и повестей Лаведан отходит от индивидуалистического жанра в сторону социального (романы «Их сердца—«Leur cœurs», «Новая игра—«Le jeu nouveau» и наиболее известная у нас комедия «Путь спасения—«Le chemin de salut»). На общем фоне азартной игры современной биржи Л. развертывает картину закулисных интриг, борьбы и склоки буржуазных партий. Показывая внутреннюю опустошенность и моральное банкротство буржуазного общества, Л. все же не выходит из рамок буржуазных воззрений: иной социальной действительности он себе не представляет.

ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич [1894—]—современный беллетрист и драматург. Окончил гимназию и юридический факультет Московского университета. В 1915 был мобилизован в действующую армию. С 1918 по 1921 служил в Красной армии. Начал заниматься лит-ой работой до войны, преимущественно в области поэзии. Входил в ленинградскую лит-ую группу «Содружество»; в настоящее время является активным работником Союза сов. писателей и ЛОКАФ. В 1929 избран ленинградскими писателями в члены Ленинградского совета.

Большинство произведений Л. посвящено эпохе гражданской войны; таковы повести «Ветер», «Звездный цвет», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи», «Седьмой спутник», пьеса «Раалом» и т. д. В гражданской войне Л. ищет необычных коллизий, возвышенной героики, сильных чувств и страстей. Натуралистически снижая и развенчивая персонажи, находящиеся по ту сторону баррикады, Л. романтически возмущает и приукрашивает героев-красноармейцев и интеллигентов, борющихся за революцию. В произведениях Л. обычно действует

масса, происходят бои, ведутся горячие споры. Но в то же время в этих произведениях отсутствует показ классовых коллективов. Герои Л. деклассированы. В революции их мучит проблема «правды», и с этой—этической—точки зрения они подходят к событиям гражданской войны. В некоторых произведениях («Седьмой спутник», «Разлом») Л. показывает путь интеллигента и военного, рвущего со старыми традициями и переходящего на сторону советской власти; особенно характерен в этом плане образ

бывшего военного прокурора Адамова («Седьмой спутник»). Для Адамова, сознавшего свою «вину перед народом», есть только один выход: полное опрощение, отказ от самого себя, признание за любым красноармейцем прав посетителя «вышей правды». Такими «носителями правды» у Лавренева нередко оказываются даже представители люмпен-пролетарских уголовных низов. Л. не ставит перед собой вопроса о переделке человеческого материала в революции и о борьбе за нового человека. Его «демократические» герои не нуждаются в воспитывающем воздействии классовых коллективов. Они даны уже сложившимися, готовыми, «ставшими» революционерами, «сильными» людьми, по сути—индивидуалистами. Их характеры, опрощенные и обедненные, остаются неизменными на протяжении всего произведения.

В конструкции своих произведений Л. особое внимание уделяет сюжету, строя его зачастую по принципу отдельных повейд, скрепленных единством главного действующего лица (например в повести «Ветер»), по принципу неожиданно возникающих и преодолеваемых препятствий. Как и полагается романтику, Лавренив наделяет образы своих героических «правдоискателей» сентиментальностью. Героизм приобретает «чувствительную окраску», становится лирически-размягченным. У Л. обычен контраст между суровым революционным долгом и влечениями чувства—к родным, друзьям, любимой или любимому («Разлом», «Сорок первый»). Поэтому Л. уделяет большое внимание любовной интриге, нередко оттесняя революционные события на второй план.

Тяготение Л. к отчетливо построенному сюжету делает его произведения доступными широкому кругу читателей. Но такая доступность достигается нередко снижением художественного качества произведений, стилистическим обеднением. Большинство произведений Л. до 1927 не столько содействовало воспитанию художественного вкуса читателей, сколько как бы само снижалось до запросов читателей, воспитанных на дешевой переводной лит-ре. Отмеченные особенности творчества Л. определяют его как писателя-попутчика, интеллигента, тяготеющего к пролетарской революции, но не обладающего сколько-нибудь четким материалистическим мировоззрением.

Повесть «Гравюра на дереве» [1928] явилась для Л. попыткой отхода от прежних романтических установок и поисков творческих путей, ведущих к более глубокому художественному охвату действительности. Темой «Гавюры на дереве» является создание искусства высокого качества, достойного эпохи пролетарской революции. Повесть заострена против узаконения суррогатов искусства, примиренчества к «красной халтуре», лефовщины, тенденций схематизма, упрощенчества и лакировки действительности. Основной идеей повести является борьба за искусство, которое с такой же художественной силой выразило бы «нашу нарождающуюся силу и бодрость», как величайшие образцы искусства других классов выражали идеологию последних. Эта идея, знаменуя собой для Лавренева как попутчика начало подлинной перестройки, тем не менее получила такую разработку, которая была далека от понимания «партийности» искусства. В повести нет понимания ведущей роли мировоззрения, значения революционной практики классовой борьбы, тенденций развития пролетарского искусства, и в этом плане «Гравюра на дереве» может быть истолкована даже как защита чистого искусства от требований социальной направленности. Герой повести Кудрин—коммунист, хозяйственник и бывший художник—решает проблему индивидуалистически, в одиночку, возобновляя работу в качестве профессионала-живописца.

Перейдя в дальнейшем к современной тематике, Л. вернулся к целому ряду своих прежних приемов («переводная» сюжетность, поверхностная занимательность и пр.), сильно снижающих ценность его произведений. Это особенно сказалось в повести «Белая гильза» (на тему последнего полета Амундсена) и в пьесе «Враги». Последняя книга Л. «Так держать» показательна для писателя, обратившегося к конкретной бытовой тематике (фабула «Так держать»—маневры Балтфлота). Однако эти очерки не свободны от поверхностности и схематизма. Все это свидетельствует о недостаточном глубоком характере перестройки творчества Л., часто подменяемой линией наименьшего сопротивления, — внешне злободневной тематикой произведений.

Библиография: I. Собр. сочин., со вступ. статьей Г. Горбачева, тт. I—V, изд. «Пролетарий», Харьков.

1928—1929 (кн. I. Седьмой спутник, повести; кн. II. Сорок первый, повести; кн. III. Ветер, повести и пьесы; кн. IV. Разлом, повести и пьесы; кн. V. Грабора на дереве).

II. Медведев П., О Борисе Лаврове, вступит. к книге Лавровца «Сорок первый», Харьков, 1926 (адесъ же и автобиография Лавровца); Полякова О., О Борисе Лаврове, «Печать и революция», 1927, VIII; Берновский Н., Заметки о драматургах, «Октябрь», 1929, XII; Горбачев Г., Современная русская литература, изд. 2-е, исправл. и дополн., Гиз, Л., 1929 (издание 3-е, 1931); Селивановский А., Под двойным воздействием (Борис Лавров), «На литературном посту», 1929, VIII; Пакентрейгер С., Заметки недоуменные, «Новый мир», 1929, IV; Штейнман З. Е., Мелодрама на полосу, «Красная газета», веч. вып., 1929, № 59; «Книга и революция», 1930, № 3.

III. Владиславлев И. В., Литература великого десятилетия (1917—1927), том I, Гиз, М.—Л., 1928.

ЛАВРОВ Петр Лаврович [1823—1900]—социолог, философ, публицист и критик. По происхождению дворянин. Образование получил в артиллерийском училище в Петербурге, — был профессором математики в Артиллерийской академии. В 60-х гг. принимал деятельное участие в лит-ре и общественной работе и в студенческом движении, сблизился с Чернышевским, входил в состав первой «Земли и воли». После покушения Каракозова Л. был арестован и сослан в Вологодскую губ. В ссылке Л. было написано самое известное его произведение—«Исторические письма». В 1870 он при помощи Лопана

тина бежал в Париж, где связался с зап.-европейским рабочим движением и вступил в число членов I Интернационала. В целях организации помощи осажденной Парижской Коммуне ездил в Лондон, где познакомился с Марксом и Энгельсом. В 1873—1877 редактирует журн. «Вперед» и одноименную двухнедельную газету [в 1875—1876]—органы возглавлявшегося Л. направления русского народничества, так наз. лавризма. После убийства Александра II сблизился с народолюбцами и в 1883—1886 редактирует вместе с Тихомировым «Вестник Народной воли». Л. умер в Париже, где и похоронен.

По философским своим воззрениям Л. был эклектиком, пытавшимся сочетать в одно учение системы Гегеля, Фейербаха, Ф. Лан-

ге, Канта, Спенсера, Прудона, Чернышевского, Бакунина, Маркса. Основной чертой его мозаичного миросозерцания был позитивистический агностицизм. Как историк и социолог Л. был идеалистом и субъективистом. Процесс исторического развития он оценивал с точки зрения субъективно выбранного нравственного идеала. Историю в конечном счете делает по своей воле образованное и нравственное меньшинство («критически мыслящие личности»). Поэтому первой задачей революционных деятелей является выработка нравственного идеала, к осуществлению которого им и надлежит стремиться в своей практической деятельности. Своему идеалу Л. дал следующую формулировку: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости». Морализующий и академический характер социально-политической программы Л. сделал его вождем правого крыла русских революционеров 70-х гг. Революционный подъем 70-х гг. привел к быстрой потере Л. его популярности и переходу гегемонии в революционном движении к бакунизму. Призывая к единству всех социалистических направлений, Л. стремился к включению в свою систему и элементов марксизма. Несмотря на это, социализм Л. носил типично народнический характер (учение об особых путях развития России, о крестьянстве как носителе социалистического идеала и т. д.). Однако связь лавристов с международным рабочим движением, их большое внимание к работе среди городских рабочих привели к тому, что лавризм сыграл некоторую роль в деле подготовки кадров для первых соц.-дем. кружков в России.

В вопросах искусства Л. первоначально [в 50—60-х гг.] стоял на позиции чистого искусства. В 70—80-х годах Л. стал ценить искусство с точки зрения соответствия его содержания идеалам революционной интеллигенции (ст. «Два старика», 1872, — о Гюго и Мишле — и др.), не переставая говорить о «стройности форм». Реакционное искусство признает им не только вредным, но и не имеющим эстетической ценности. Л. один из первых занялся изучением революционной и рабочей поэзии (статья «Лирика тридцатых и сороковых годов» — о Гервеге, Эб. Эллиоте и др., 1877). В 90-х гг. Л. становится на точку зрения отрицания искусства как самостоятельной надстройки: единственная задача, к-рая по его мнению останется за искусством, — это «украшение жизненных и научных потребностей». Эта динамика воззрений Л. на лит-ру дала себя знать в статьях, посвященных явлениям зап.-европейской лит-ры (помимо упомянутых статей — «Лаокоон» Лессинга, 1860, «Мишле и его „Колдунья“», 1863, «Г. Карлейль», 1881, «Лонгфелло» и «Шекспир в наше время», 1882), представляющих интерес и в том отношении, что в них раскрывается литературно-критический метод Л. (см. «Критика»). Призывая писателя за «отсутствие страстного и живого участия в интересах и вопросах современности» (статья

«Лонгфелло»), Л. преимущественно сазировался на творчестве таких авторов с социальным уклоном, как Гюго, Гервег, Уитмен и др., давая им не лишнее социальной и политической остроты характеристики.

Л. был дворянином, ушедшим от своего класса и перешедшим на сторону крестьянства. Дворянское прошлое внесло в народническую идеологию Л. своеобразные ноты—теорию уплаты долга народу за привилегированное положение свое и своих предков.

Библиография: П. Русанов Н., Лавров, Очерк его жизни и деятельности, в кн. «Социалисты Запада в России», СПб, 1908; П. Л. Лавров, Сборн. статей, изд. «Колос», П., 1922; Энгельс о П. Лаврове и И. Ткачеве, с предисл. Ризанова, «Под знаменем марксизма», 1922, май—июнь; Плеханов Г. В., Наши разногласия, Собр. сочин., т. II; Егоров К. Вопрос о развитии монастического взгляда на историю, Собр. сочин., т. VII; Егоров же, О социальной демократии в России, Собр. сочин., т. IX; Горев В., Лавров и утопический социализм, «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7; Фриче В., Лавров и чистое искусство, там же; Козьмин Б., Ткачев и Лавров, сборн. «Воихающий материализм», кн. I, М., 1924; Ладоха Г., Историческое и социологические воззрения П. Л. Лаврова, в сборн. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. I, М., 1927; Книжнич-Ветров П. в. С. П. Л. Лавров, М., 1930. В. Кирпотин

ЛАВРУХИН (Георгиевский) Дмитрий Исаевич (1897—) — пролетарский писатель, член ВКП(б) с 1917. Отец — трубочник, мать — крестьянка. Работал слесарем на ряде заводов: Балтийском, Шлиссельбургском и др. Сражался против Колчака и сидел в тюрьме у белых в Благовещенске, где подвергался истязаниям. Был членом «Кузницы» (см.). В декабре 1930 вместе с другими членами этой группы вошел в РАПП.

Л. принадлежит несколько произведений, напечатанных в журн. «Пролетарский авангард», «Ленинград», из к-рых важнейшие — «Повесть в очерках», «Последа героя» (1930). При слабой сюжетной связи очерки, составляющие повесть, органически объединены общностью темы: социалистической стройки и переделки человеческого материала в процессе активного участия в этой стройке. «По следам героя» является одной из удачных попыток показать рабочий класс в его многообразии. В центре внимания Л. — образ крепкого передовика-коммуниста, четко осознавшего необходимость «глядеть в оба, кругом, бдительно, как на вахте в непогоду, в ночь», тип беспартийного активиста, старого производственника, заявляющего: «Мы и не в партии, а за нее стоим, и наконец тип рабочего, связанного с деревней («крестьянская психология»). Л. выдвигает ряд актуальнейших по своей политической остроте проблем: поднятия производительности труда, взаимоотношения рабочих со специалистами, взаимоотношения новых специалистов со старыми, международной связи пролетариев и пр. С особым вниманием Л. останавливается на проблеме борьбы нового со старым, показывая сложные социально-бытовые и психологические коллизии, когда люди «спотыкаются», запутываются и все-таки преодолевают настроения «сторонности» — эту «грязь старого общества».

К дефектам повести следует отнести излишнюю перегрузку в показе авторской лабо-

ратории («связки-развязки-миниатюры-темы-детали-факты-мелочи-замыслы»), целый ряд композиционных мудрствований и экспериментаторские излишества в области яз. Слишком увлекаясь поисками «блещущих и полных соков жизни слов», автор нередко, по его собственному признанию, заставляет своих героев «стоять в нетерпении», «топаться на месте» и «больше, чем надо, махать руками». В самое последнее время «Издательством писателей в Ленинграде» издана вторая книга Л. — «Речь по поводу» (1931) — сборник рассказов на темы современного быта.

Библиография: П. Отказы о романе «По следам героя»: Пердольчик Ю., «Звезда», 1930, III; Коредин Л., Очерк, беллетристика, публицистика, «На литературном посту», 1930, III; Саянов В. и Воронцов А., «Красная новь», 1930, V; Бахметьев В. Л., По следам жизни, «Пролетарский авангард», 1930, IV; Амурский Д., Заметки о герое, «Молодая гвардия», 1930, XV—XVI. Б. Брандта

ЛАГАРП Жан Франсуа [Jean François de La Harpe, 1739—1803] — известный французский драматург и критик. Происходил из обедневшей дворянской семьи. Дебютировал в модном жанре «героид» (подражание Овидию). Затем обратился к трагедии, следуя в ней Вольтеру. Первая трагедия Л. «Warwick» [1763] имела большой успех. Остальные трагедии его успехом не пользовались, исключая «Philoctète» [1783], познакомившей французскую публику с Софоклом. Лагарп отдал дань также мешанской драме: он перевел «Лондонского кушача» Лилло («Barneveldt», 1778) и написал антиклерикальную драму «Mélanie» [1770], поставленную на сцене только в 1791. Однако теоретически Л., как и его учитель Вольтер, не признавал за мешанской драмой права на существование. Дворянин по происхождению, Л. примыкал тем не менее к буржуазной интеллигенции и был одно время сторонником революции. С углублением революционного движения оказался на правом фланге и был арестован якобинцами. Литературную славу Л. приобрел как критик журн. «Mercure de France», в котором выделялся своими темпераментными, подчас очень резкими статьями, создавшими ему множество врагов. Лит-ые суждения Л. не отличались оригинальностью. Он был типичным классиком, догматиком, следовавшим Буало и Вольтеру; признавал высшими образцами произведения аристократической литературы XVII в. и предпочитал их античным писателям. В то же время в суждениях этого критика заметен эклектизм. Политическому «поправению» Л. соответствовала аналогичная эволюция его лит-ых взглядов. Нетерпимость, борьба со всяким поваторством, крайний формальный ригоризм характерны для последних лет жизни Л., когда он отвернулся даже от своего учителя Вольтера, резко осуждая его за безбожие и богохульство. Л. — последний теоретик отрицающего французского классицизма. Авторитет его был в течение долгого времени непрерываем. На курсе истории лит-ры («Le Lycée», 17 vv., 1799), проникнутом тенденциями догматического рационализма, читавшемся Лагарпом с 1786 по 1798 во вновь основанном лицее, воспитывалось несколько поколений буржуаз-

ной интеллигенции, и только победа романтиков, начавших ожесточенную борьбу с Л. как одним из вождей классицизма (см. напр. предисловие к «Кромвеллю» Гюго и др.), положила предел его влиянию.

Библиография: Л. Липей, или круг словесности древней и новой, 5 чч., СПб, 1810—1811; Граф Варвин, в 5 т., перев. О. Ширева, СПб, 1814; Черный рыцарь, Исторический роман осьмого столетия, содержащий не волшебные, но удивительные приключения принца Британского, Москва, 1816; Послание к гр. Анр. П. Шувалову о действиях сельской природы и о поэзии описательной..., М., 1817, и др.; Le Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne, 17 vv., 1799; к нему дополнения: Philosophes du XVIII siècle, 2 vv., 1805; Новое полное издание под ред. Saint-Surin, 16 vv., 1820—1822; Mélanges inédits de littérature, «Mercure», 1819; Supplément au cours de littérature, ed. Barbier, 1818; Œuvres (без «Инциза»), 16 vv., 1820—1821.

II. Sainte Beuve, Causeries du lundi, т. V, Julien V. Du «Lycées de La Harpe, «L'Investigateur», 1846; Bertrand L., La fin du classicisme et le retour à l'antique dans la seconde moitié du XVIII siècle, P., 1897. С. Мокруцкий

ЛАГЕРЛЕФ Сельма [1858 —] — шведская писательница. Принадлежит к древнему обнищавшему дворянскому роду. На лит-ое поприще Лагерлеф вступила в 1890, напечатав отрывки из романа «Геста Берлинген». Исключительный успех последнего дал возможность Л. всецело отдаться лит-ой ра-

боте. В течение всей лит-ой деятельности Л. буржуазные критики весьма благосклонно встречают ее произведения. Л. переводится на все европейские яз., ей посвящается ряд монографий. В 1909 Л. получает Нобелевскую премию, в 1914 она первая женщина — член Академии наук.

Л. — одна из самых реакционных писательниц конца XIX и начала XX вв. Ее идеал — Швеция до второй половины XIX в., страна крестьянских усадеб и мелких дворянских поместий. С 70-х гг. прошлого столетия шведский капитализм начинает занимать господствующее положение в экономике страны. Рост промышленного капитала открывает широкий доступ в Швецию дешевому русскому хлебу. Старая помещица и крестьянская Швеция вступает в полосу длительного кризиса. Л. отразила настроение шведского дворянства этой эпохи, судорожно бьющегося за сохранение своих прав

эксплоататора крестьянства и в то же время запуганного и озлобленного обострением классовых противоречий, ростом рабочего движения: «Хорошо жилось прежним обитателям усадьбы, время их делилось между работой и удовольствиями, — они сеяли розь, но сажали также розы. Платья их были изготовлены из домотканной материи, но жили они беззаботно, и никто их не притеснял» («Путешествие маленького Нильса в страну чудес»). Все произведения Л. посвящены изображению жизни дворянских поместий и крестьянских усадеб. Причины оскудения своего класса Л. усматривает в измене самого дворянства старым дворянским традициям. Дворяне или разорились и ушли от земли или превратились в крупных помещиков-рантье, проживающих доходы от земли. Помещик перестал заниматься землей и заботиться о крестьянах, работающих на ней. В некоторых произведениях Л. звучат также нотки народнического «покаяния». Ее герой Геста Берлинген — олицетворение всех дворянских доблестей — пытается даже «жить так бедно, как мужики живут», и клянется в любви «к этим жалким людям в грубых рубахах и вонючих сапогах», но дальше «забот» феодала о принадлежащих ему мужиках реакционный демократизм Л. не простирается. Заботой о крестьянах мотивируется и необходимость поднятия благосостояния помещичьих усадеб. Запущенное поместье майорши Экебю («Геста Берлинген») необходимо восстановить, чтобы помочь бедным получить хороший заработок. Богатство дворянских поместий и зажиточность крестьянских усадеб — залог счастья. За бесхозяйственность карают не только люди, но и весь сонм духов, мистических сил. За бесхозяйственность кавалеров, завладевших Экебю, все население наказано разными бедами — засухой, голодом («Геста Берлинген»); за игру в карты домовый заставлял топиться молодого помещика («Гномы и люди»); собирающемуся покинуть свою усадьбу крестьянину Ингмарсену многочисленные предки грозят проклятием. Эти произведения отражают идеологию той части шведских помещиков, к-рая держала курс на капиталистического фермера, вплоть до сращивания с последним, в интересах совместных действий против основной крестьянской массы, а главное — против нарастающего пролетарского движения в городах. Элементы грубейшей мистики и суеверий занимают в произведениях Л. весьма значительное место. «Духи» и т. п. — настоящие вершители судеб ее героев, к-рыми играют, как пешками, во всех важных случаях жизни. Действия героев predeterminedены волею свыше. По велению свыше или просто сообразно установившимся нормам старой дворянской морали герои Л. легко отказываются от личного счастья (женитьба Ингмарсена, супружество Микаэлы, судьба Эллалскиль и др.). Свое отречение они переносят со смирением, к-рое у Л. является высшей добродетелью. В смирении одних (подчиненных) и в филантропии других (господ) видит Л. возможность восстановления старого по-

рядка. Смирение и филантропию Л. провозглашает единственными силами, могущими бороться с идеями социализма; а социализм для Л.—это последний величайший искус антихриста, проповедывающего счастье и наслаждение на земле в противовес раю не-

Иллюстрация к повести Лагерлеф «Геста Берлинге»

бесному. Равенство противоречит идее бога, создавшего мир, ибо «с тех пор как сотворена земля, никто не может избавить людей от горя и страданий» («Чудеса антихриста»).

Имperialистическую войну Л. встретил как пацифистка, выражая убеждения господствующих классов Швеции, для которых позиция нейтралитета была чрезвычайно выгодна. Идеолог мелкопоместного дворянства, обескровленного экономически и политически, Л. не могла не чувствовать, что сдвиги, порождаемые войной, несут с собой окончательную гибель старому укладу жизни. Антивоенный «протест» Л. является поэтому сугубо реакционным, ханжеским. Она осуждает войну как преступление против пятой заповеди, нарушающей «закон жизни», установленный богом («От смерти к жизни»). Ужасам войны Л. уделяет место и в послевоенных произведениях, которые ни по содержанию ни по форме не отличаются от ее произведений довоенного периода.

Основные жанры творчества Л.—сага, легенда и сказка. Ее произведения страдают от перегруженности событиями и действующими лицами, последние в большинстве своем схематичны. На русский яз. переведены почти все произведения Л. Особой популярностью в России Л. пользовались в годы реакции [1907—1910].

Библиография: I. Полное собрание сочин., 10 тт., изд. Саблина, М., 1910; Император португальский, перевод М. Благовещенской, М., 1917; Гномы и люди, Рассказы, перевод С. Г. Займовского, под ред. К. М. Юхарева, Гиз, М.—П., 1922; От смерти к жизни,

Роман, перевод М. Благовещенской, изд. А. Ф. Маркс, Л., 1924.

II. Брандес Г., Собр. сочин., т. II, изд. 2-е, СПб., 1908; Фриче В. М., Очерки по зап.-европейской литературе, «Пролетарий», 1927; Лертин, Ст. в «Северных сборниках», т. I, изд. «Шиповник»; Berg R. G., Selma Lagerlöf—Gustav Fröding, 1911.

III. Bücher A., Lagerlöf-Bibliographie, mit einer Einführung: S. Lagerlöf, von Leopold Mason, 1920. Л. Блюмфельд

ЛАЖЕЧНИКОВ Иван Иванович [1792—1869]—исторический романист. Р. в Коломне в богатой и культурной семье купца, «коммерции советника». Получил широкое домашнее образование. Во время Отечественной войны, захлестнутой волной шовинизма, убежал из дома и вступил в ряды армии. Результатом похода 1813—1815 явились «Походные записки русского офицера», доставившие популярность молодому писателю; «Записки» печатались отрывками в журналах, затем в 1820 вышли отдельным изданием. Начиная с этого времени, Л. становится постоянным сотрудником ряда журналов. Оставив в 1819 военную службу, Л. поступает в министерство народного просвещения, где с некоторыми перерывами работает в качестве директора училищ и инспектора студентов вплоть до 1837. Затем в течение 12 лет служит вице-губернатором и 2 года цензором. Отслужив положенный срок, Л. переходит на пенсию. В 1831—1833 вышел в свет первый исторический роман Л. «Последний Новик» (из эпохи Петра Великого). Л. серьезно работал над романом, в течение нескольких лет изучая исторические источники. Вслед за ним последовали исторические романы «Ледяной дом» (Бироновщина, 1835), «Басурман»—из эпохи Иоанна Грозного [1838]. Из всего написанного Л. особенно интересны эти три романа, создавшие ему славу «русского Вальтера Скотта». Все, что было написано Л.

после, значительно слабее его первых романов. В конце своей жизни, в 60-х гг., Л. пишет автобиографические повести, шовинистическую пеленофобскую повесть «Внучка паншьярного боярина» и роман «Немного лет назад». Интересны также воспомина-

ния Л. — «Мое знакомство с Пушкиным» и «Заметки для биографии В. Беллинского».

Творчество Л. выражает тенденции наиболее просвещенных слоев крупной буржуазии 30-х гг., не доросших до какой бы то ни было оппозиции дворянской гегемонии и

Иллюстрация к «Ледяному дому» Лажечникова (изд. 1855)

шедшей на поводу у диктатуры крепостников. Неслучайно его внимание привлекали те периоды истории, когда русское государство вставало перед необходимостью укрепить свою мощь для того, чтобы сзывать к себе «богатства и просвещение Европы». Завоевание Лифляндии Петром I занимает Л. помимо новизны темы еще и потому, что там, в Лифляндии, была «колыбель нашей воинской славы, нашей торговли и силы». Отсюда — восхищение Л. перед Петром, всею своей кипучей деятельностью облегчавшим преспеяние русского торгового капитала: «Куда... ни заброшены были семена его бессмертных дел, к-рыми Россия доныне могуча и велика. Под сенью Кавказа садил он виноград, в степях полуострова России — сосновые и дубовые леса, открывал порт на Бельте, заботился о привозе пива для своего погребца, строил флот, заводил ассамблеи и училища...» В «Басурмане» Л. рассказывает о молодом иностранце, враче Антонио Эрештейне, приехавшем в эпоху Ивана III на Русь, чтобы передать ее народу «запасы науки». «Идея романа — приведение на очную ставку московской и европейской культур» (Сакулин) — очень важна для установления социальных корней творчества Лажечникова. Культуршческие мотивы у него звучат сильнее, чем у Булгарина, Кукольника и других буржуазных романистов той поры.

Исторические романы Л. изобилуют «местным колоритом», столь характерным для романтиков той поры; в текст его произведений в изобилии вбрасываются исторические документы и образцы устного творчества (русские и латышские песни в «По-

Иллюстрация к «Ледяному дому» Лажечникова (изд. 1855)

следнем Новике»). Фабула их по большей части запутана, язык патетичен.

У современников автор «Последнего Новика» пользовался громадным успехом. Навивный патриотизм Лажечникова был как-раз по плечу среднему читателю 30-х и 40-х годов; запутанность сюжета и романтическое влечение к старине вполне соответствовали непритязательным вкусам. «Ледяной дом» и «Басурман» читались долго после смерти их автора. Первый из этих романов послужил в наше время материалом для киносценария (Межрабпомфильма).

Библиография: I. Полное собр. сочин., с критико-биографическим очерком С. Венгера, 12 тт., изд. Вольф, СПб., 1899—1909. Ранее: Сочинения, 8 тт., СПб., 1858; Собрание сочинений, с монографией о Лажечникове С. Венгера, 12 тт., СПб., 1883—1884.

II. Белинский В., Сочинения, т. I, СПб., 1896; Скабичевский А., Наш исторический роман в его прошлом и настоящем, Сочинения, т. II, изд. 3-е, СПб., 1903.

III. Мельер А. В., Русская словесность с XI по XIX ст., включительно, ч. 2, СПб., 1902; Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. III, П., 1914 [указания не поизданы 1899]; Владиславлев И. В., Русские писатели, издание 4-е, Гиз, М.—Л., 1924. К. и П.

ЛАЗАРЕВ Николай Артемьевич [1863—1910] (псевдоним Т е м ы й) — один из зачинателей русской пролетарской лит-ры. По происхождению крестьянин. С детских лет был отправлен в Москву для обучения слесарному мастерству. Большую помощь в самообразовательной работе и в лит-ом творчестве оказал ему писатель-народник Н. Златовратский. Не принимая активного участия в революционном движении, Л. тем не менее навлек на себя преследования охраны, ибо, работая в мастерских б. Смоленской железной дороги, он престоерегал товарищей от сношений с агентами Зубатова. За это он был подвергнут тюремному заключению, а потом сослан в Воронеж, где должен был пробыть около двух лет. Для характеристики Л. необходимо отметить, что он был самоучкой-изобретателем. О достигнутой им известной степени классовой сознательности свидетельствует его отказ

отдать свое изобретение по выделке английских веретен кому бы то ни было из частных лиц и предложение «организовать фабрику на таких началах, чтобы каждый рабочий был равноправным членом предприятия».

Рассказы Л. печатались в «Русском богатстве», а потом выходили отдельными дешевыми изданиями. Его лит-ое наследство весьма невелико: семь рассказов и один путевой очерк. Основная тема всех его произведений — тяжелая жизнь рабочей массы в эпоху развития в России промышленного капитализма, когда рядовые рабочие, не принадлежащие к авангарду класса и потому еще далекие от понимания путей классовой борьбы, могли выявить только смутное, неопределенное недовольство своим положением. Потомственный мастерской Иван Кубасов, эксплуатируемый хозяином мелкой мастерской, надеется на то, что на заводе он будет поставлен в лучшие условия; однако обманутый в своих ожиданиях, Кубасов во всем обвиняет собственников-крестьян, приходящих в город на сезонные работы и своей нетребовательностью снижающих заработную плату («Наследство»). Девушка-работница подвергается обыску; сторож раздевает ее в присутствии многочисленной толпы рабочих («Обыск»). Темой другого рассказа Лазарева является сорокалетний юбилей токаря, к-рый начал работать вместе с хозяином, когда тот был владельцем маленькой мастерской. Теперь он крупный фабрикант, в то время как его помощник остается все в том же положении обездоленного труженика («Юбилей Блохи»). Вот темы трех наиболее ярких произведений Л. В каждом его рассказе противостоят друг другу два мира: хищные герои ракивы и замученные рабочие. Служила интеллигенция, иногда вспоминающая, как о грехах молодости, о прежнем своем либеральном отношении к трудящейся массе, солидаризируется с буржуазией («Сироткин», «Собачья доля»).

Ни в одном рассказе Л. нет организованного протеста рабочей массы. В отличие от Шкулева (см.), воспевавшего борьбу за освобождение рабочего класса от капиталистического гнета, Л. изображал преимущественно «рабочих тяжелые муки», но не показал подъема пролетариата. Завод он изображает исключительно как место каторжного труда рабочих, как чудовище, к-рое подавляет измученных рабов, но не как силу, объединяющую пролетариев в их борьбе с капиталистами. Отвращение к нему выражено хотя бы в следующем образе: «На главном корпусе, словно большая дубина с грязным набалдашником, торчала неизменная труба, тонкая и красная».

Л. — писатель заметного художественного дарования. Короленко справедливо говорил об его рассказах, что материала в них хватило бы на большие повести. Наличие в его рассказах художественной обработки чувствуется в очень метких, запоминающихся деталях из жизни рабочей массы. Иногда Л. поднимался на высоту подлинно художественных обобщений. Противопоставление в

рассказе «Юбилей Блохи» доли рабочего жизни владельца завода, торжественное чествование токаря с лавровыми венками, молебнами, хором певчих — все это прекрасно подчеркивает чудовищность социальных контрастов. В рассказе «Собачья доля» сопоставление судьбы чиновника, уволенного от должности самодуром-начальником и потом им помилованного, с долей собак, тщетно пытающихся отведать зайцев, убитых охотниками, имеет обобщающе-сатирический смысл.

Хотя изображение распыленной рабочей массы и отдельных жертв капиталистического строя заслуживает в творчестве Л. показ роста классового самосознания пролетариата, Л. является все же одним из пионеров пролетарской лит-ры; лишь с дальнейшим развитием рабочего движения она перешла от одного лишь показа тяжелого положения пролетариев к раскрытию идеологии пролетариата, выковывавшейся в борьбе с эксплуататорами.

Библиография: I. Рассказы (со вступ. ст. П. А. Белоусова), Гиз, М., 1920; Собачья доля, Рассказы, изд. «Кузница», М., 1923, и др.

II. Полянский В., Н. Темный, «Творчество», 1924, № 4—3 (ст. не подписана); Кубиков И. Н., Рабочий класс в русской литературе, Иваново-Вознесенск, 1926.

III. Владиславлев И. В., Литература первого десятилетия (1917—1927), т. I, Гиз, М., 1928.

ЛАЗАРЕВИЧ Лазарь [1851—1890] — сербский писатель. Врач по профессии, учился в Белграде и в Берлине, где участвовал в студенческих социалистических кружках. Увлекался теорией материализма, перевел главу из романа Чернышевского «Что делать?», отдельные произведения Гоголя, Писемского. Впоследствии стал идеалистом; идеалистическим мировоззрением проникнуты и все его немногочисленные художественные произведения. Лит-ую известность доставил ему рассказ «Первый путь с отцом к заутрене» [1879], за которым последовали и другие, вышедшие в 1886 отдельной книгой — «Шесть рассказов». Л. — мастер художественного слова. Его произведения ярко отображают гл. обр. крестьянский быт. Еще при жизни Л. прозвали «сербским Тургеневым». При всех своих художественных достоинствах Л. — по существу органический консерватор, ставший проводником идей реакционных зажиточных групп крестьянства. Для него характерны традиционализм и стремление навязать мораль этих реакционных групп.

Библиография: I. Русск. перев.: Школьная школа, «Русская мысль», 1887, IV; В первый раз у заутрени, «Вестник Европы», 1888, VII; Рассказы из сербской жизни: I. За народом не пропадет, II. У колодца, «Русский вестник», 1890, XII; Мой отец, «Мир божий», 1894, II; Гайдуки, в добрый час, «Вестник знания», 1904, III (со ст. А. Я. Циммермана), Л. Лазаревиц и его рассказы; Стабляна, 1891.

II. Писанович, Предговор, «Приноветкима Лазару Лазаревицу», 1898; Трубицац М., О Вертеру Л. Лазаревица, Белград, 1910. М. С.

ЛАЗАРЕВСКИЙ Борис Александрович [1871—] — беллетрист. Сын украинского историка; окончил юридический факультет Киевского университета. Служил в военноморском суде в Севастополе. Его повести и рассказы печатались в «Русском богатстве», в «Журнале для всех», «Вестнике Европы», «Ниве» и др. Ряд рассказов и повестей на-

писан на украинском языке: «Святой город» [1902], «Земляки» [1905] и др. В настоящее время — в эмиграции.

Творчество Лазаревского отмечено сильнейшим влиянием Чехова. Дать что-либо самобытное Л. не мог. После поражения революции 1905, когда буржуазная интеллигенция замкнулась в кругу узко личных проблем, основным мотивом творчества Лазаревского становится идеализация немощи этой социальной группы. Белоэмиграция — логический итог этого писательского пути.

Библиография: I. Собр. сочин., 7 тт., СПб., 1911—1914; Во время войны, Рассказы, II, 1915; Вечное, Рассказы, II, 1915; Любимое, Рассказы, II, 1917; Вена (История одной женской души), Повесть, II, 1917; Мое сердце, Повесть, Константинополь, 1921; Душа женщины и др., Берлин, 1921; Обреченные, Берлин, 1921; Темная ночь, Рассказы 1919—1922 гг., Берлин, 1923.

II. Автобиография в сборе. Первые литературные шаги, Собрал Ф. Ф. Фидлер, Москва, 1911, Реденин: «Образование», 1903, X; «Русское богатство», 1904, II; 1906, IX; 1908, II; 1910, II; «Современный мир», 1913, VII; «Заветы», 1913, I и III; «Ежемесячный журнал», 1914, V; «Киевская мысль», 1911, № 283; 1914, № 58; «Речь», 1910, № 286, и др.

III. Владиславлев И. В., Русские писатели, изд. 4-е, Гиз, М.—Л., 1924; Его же, Литература великого десятилетия (1917—1927), т. I, Гиз, М.—Л., 1928. В. Б.

ЛАЗДИНУ Пеледа [Peleda Lasdinu, 1867—1926] — всеядным литовским писателем Софии Шибылевской. Происходила из дворянской среды. В литовской литературе Л. является наиболее видной представительницей стиля деклассированного дворянства. Творчество Л. (многочисленные новеллы и ряд более крупных повестей, из которых многие еще не вышли отдельными изданиями) тематически охватывает разоряющиеся дворянские гнезда в их взаимоотношениях с деревней и городскую мешанскую среду. Отношение писательницы к этим социальным группам крайне отрицательное; она изображает их в сугубо натуралистических красках. Все зло Л. усматривает в развивающихся капиталистических отношениях. Ее герои, будь то капитализирующиеся дворяне (повесть «*Ir prazuvo kaip sarnas*» и др.), крестьяне (в ряде новелл и повестей), интеллигенция и революционеры («*Klaida*», «*Klaidus kelia*») или рабочие («*Vankas*») — люди с извращенной психикой. Этим героям противопоставляются идеализированные смиренники — носители добрых старых патриархальных традиций, христианской морали, чистые душой крестьяне и дети. Если в целом Л. родственна натурализму, то в своих противопоставлениях она слащаво-сентиментальна, что еще больше снижает художественную ценность ее весьма плодovitого, но довольно посредственного дарования. Не чужды Л. и националистические увлечения, выражающиеся в утверждениях литовской патриархальной самобытности в противопоставлении «чужестранным» культурам.

Библиография: I. *Klaida*, 1909; *Rastai*, тт. I—V, 1921; *Klaidus kelia*, *Skaitymai*, тт. XX.

II. *Gira L., Dvi seserys Ivanauskaitas, «Zidinyss», № 52—54.* II.

ЛАЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — почти не изучена. На существование письменности у древних лазов встречаются указания у античных и византийских историков (Проконий,

VI в.); однако каких-либо памятников этой письменности не сохранилось. Лазы в течение многих столетий находились в положении угнетенного национального меньшинства, язык и национальная культура которого подвергались государственным гонениям. Попытка создания национальной письменности на основе арабского алфавита, сделанная национальным деятелем, лазом Фаик-Эфендиши, в 70-х гг. XIX века, привела его к тюремному заключению; его работы были конфискованы и сожжены.

Естественно, развивается лишь устная литература — сказания, былины, пословицы, песни: лирические, трудовые «нодеруди», исполняемые во время коллективных работ, и «обиру» или «отрогуду» — импровизированные стихи во время танцев или состязаний. Каждая сельская община имеет своих известных народных певцов и сказителей, особенно среди женщин; хорошо зная язык и обряды, они являются хранительницами чистоты речи и обычаев, певцы-мужчины подражают им. Некоторые из текстов устной поэзии лазов, в частности сочинения известного лазского поэта начала XX в. Решид-хилма Пехлеван-оглы, напечатаны в хрестоматии акад. Н. Я. Марра «Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем» (СПБ, 1910).

С 1927 начинается рост национально-культурного строительства в советском Лазистане. Развитие письменности облегчается введением латинизированного алфавита. Правда, советская Л. л. только лишь родилась. Во главе лит-ого движения стоит поэт Мустафа Баниши, отражающий в своем творчестве новый быт, стройку колхозов, классовую борьбу в лазской деревне; но и прошлое Лазистана захватывает Мустафу, он воспекает древнюю Лазиду — Колхиду; призывая лазов идти вперед, к новой культуре, по пути, указанному Лениным, он вспоминает прошлое, чтобы пробудить в лазях национальное самосознание, вселить бодрый дух в новое поколение.

За Мустафой Баниши идет комсомольский молодежник Чаланиши Кязим, давший переводы революционных песен, написавший ряд стихов и пьесу сатирического характера, одобрительно встреченную общественностью; Ванлиши Мамети — лирик, к-рому принадлежат также 2 пьесы из лазской жизни и ряд рассказов; И. Питаш — поэт и публицист, давший переводы Жарова, Безыменского, Горького и др., ряд рассказов из лазской жизни, стихотворений и поэм.

Библиография: Марр Н. Я., акад., Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по фонетическому языкознанию, т. II, СПб., 1910. II, II.

ЛАЗСКИЙ ЯЗЫК — яз. обитателей горной страны Лазистана, которая северной своей частью входит в СССР (в автономную республику Аджаристан), а большей, южной своей частью — в Турцию, составляя часть Ризского и Артвинского вилайетов. Л. язык исследован еще очень мало. Судя по имеющимся данным, он распадается на три наречия: восточное, среднее и западное, которые в свою очередь распадутся на

ряд говоров. Из говоров наиболее обследованы: атинский, булепский, винский, архабский, хонский, чхальский. Говорят на Л. яз. и лазы, переселившиеся в Абхазию (до 2 000 человек); здесь есть представители всех наречий Лазистана. Л. язык, стоящий близко к мегрельскому яз. (см.), с к-рым он образует пишущую группу яфетич. яз., обнаруживает также связи со сванским; вместе с этим яз. и представителем свистящей группы — грузинским — он составляет сибилитную группу яфетич. яз. Южного Кавказа.

Кроме лазов Л. яз. владеют армяне-мусульмане, так наз. хемшины, и греки, живущие среди главной массы лазского населения или имеющие с ним торговые связи. Акад. Марр отмечает в Л. яз. значительное количество греческих, армянских и грузинских заимствований. Сильное влияние турецкой культуры через школу, печать и церковь (лазы, как и турки, — мусульмане) привело к тому, что в Л. яз. женская речь стала заметно отличаться от мужской. В то время как женская часть населения, не владея государственным турецким языком, сохранила архаизмы лазской речи, мужская его часть, часто двуязычная, стала вводить в речь турецкие слова и ряд грамматич. форм, создавая так. обр. смешанный тип языка.

В древности область распространения Л. языка была по всем историческим данным гораздо обширнее, захватывала местности западнее Трапезунда, доходя до р. Кизил-Ирмака (древней Галиси, как показывает и само название этой реки; ğali по-лазски — река), а на севере по всей вероятности захватывала современный Аджарстан и Гурию, позднее грузинизировавшиеся. Имели ли лазы свою древнюю письменность, остается невыясненным, хотя историк Прокопий [VI в.] и сообщает, что в Лазике были архивы, где хранились государственные документы.

До последних лет лазы оставались бесписьменным народом. Правда, в 70-х годах XIX века, в эпоху сильного национально-освободительного движения, Фаик-Эфендиши впервые составляет лазскую азбуку на основе арабского алфавита. Пользуясь этой азбукой, он составляет грамматику Л. яз. и пишет ряд статей, работ. Но абдул-гамидовская реакция расправляется жестоко с пионером лазской письменности: Фаик попадает в тюрьму, а его труды публично сжигаются.

Октябрьская революция пробуждает к национально-культурному творчеству советских лазов. В 1927 составляется лазский алфавит на латинской основе, в 1929 он реформируется и широко распространяется.

Библиография: Марр Н. Я., акад., Из поездки в турецкий Лазистан, «Изв. Академии наук», 1916; Ег о н е, Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, т. II, СПб., 1916; К и п ш и д з е И., Дополнительные сведения о чанском языке; Ш о р Р., К вопросу о консонантизме яфетических языков Южного Кавказа, «Уч. записки Института народов Востока», М., 1936; A d j a r i a n H., Études sur la langue laze, «Mémoires de la société de linguistique de Paris», 1898. И. Цумаица

ЛАЙОНС Нейль [A. Neil Lyons, 1880—] — современный английский писатель-романист, драматург и журналист. Произведения

Лайонса посвящены по преимуществу изображению быта лондонских «низов». Завсегдатаи дешевой кофейни («Arthur's»), страждущие мелкие торговцы («Moby Lane»), лондонские босяки — вот обычные персонажи Лайонса. Творчество его было своего рода реакцией против английского натурализма, возглавлявшегося Джорджем Гиссингом, — реакцией, характеризующейся поверхностным оптимизмом и стремлением к разрешению социальных проблем, провозглашением победы доброго начала человеческой природы над злым. Юмор служит Лайонсу, как и огромному большинству мелкобуржуазных юмористов, средством примирения с действительностью. Мировая война, способствовавшая полению ряда мелкобуржуазных писателей, подобного действия на Лайонса не оказала: его военные очерки — «Kitchener's Chaps» (Китченеровские ребята, 1915), «A Kiss from France» (Поцелуй из Франции, 1916) — прославляют британскую армию.

Библиография: I. Письма и Матильда, перевод Е. Тама, с предисловием С. И. Раппопорта, изд. Универсальная библиотека, М., 1917; Sixpenny Pieces, 1909; Cottage Pie, 1911; Simple Simon, His Adventures in the Thistle Patch; Moby Lane and thereabouts, 1915; A London Lot, 1919; A Market Bundle, 1921; Fifty-fifty, 1923; Love Us All, 1924; The Ring O' Bells, Drama, 1925.

II. Brimley Johnson, Some Contemporary English Novelists, 1922; Gould, The English Novel of to-day, 1924. А. Е.

ЛАЙЦЕН Линард [Linards Laicens, 1883—] — виднейший революц. поэт и писатель соврем. Латвии. Сын крестьянина, был сперва садовником, впоследствии журналистом. В 1904 привлекался к ответственности за распространение нелегальной литературы, участвовал в революционном движении 1905. С наступлением реакции скрылся, прожил в разных местах нелегально, в 1909 был арестован и два года сидел в тюрьме, затем учился три года в университете Панявского. Во время войны увлекся национал-демократическим шовинизмом, от которого стал отходить лишь после Октябрьской революции. После падения советской власти в Латвии Л. сблизился с революционным рабочим движением, принимал активное участие в работе левых профсоюзных организаций, несколько раз был арестован. Неоднократно подвергался также репрессиям за лит-ую деятельность и как редактор журнала «Kreisi fronte». Член МОПР. В настоящее время — член рабоче-крестьянской фракции латвийского сейма.

Первые книги стихов и рассказов Л. [1907 и 1912] прошли в латвийской лит-ре незамеченными. Они ничем не выкупаются над средним уровнем лит-ых произведений мелкобуржуазной интеллигенции эпохи реакции: тот же идейный разброд, преобладание интимно-индивидуалистических мотивов, некоторое манерничество в духе декадентства. Сборник рассказов «Малена» обращает на себя внимание эпически-спокойной манерой реалистического повествования; Л. выступает в нем как хороший стилист и знаток крестьянской жизни. Но здесь еще полностью преобладает пассивно-самодовольный анализ, нет понимания социальной сущ-

ности явлений в их противоречивом движении. Известная активизация писателя по отношению к отображаемой действительности наблюдается в книге рассказов «Заклученные» и в особенности «Фонарь во тьме»; с этого момента в творчестве Лайцена намечается новый этап, сущность к-рого — в постепенном разочаровании писателя сперва

в буржуазной культуре, а впоследствии, после Октябрьской революции, и во всем капиталистическом общественном строе. Отсюда — характерная для всего дальнейшего его творчества общественная активизация, злая сатира и издевательство над опозоренными мещанскими добродетелями — гнилыми семейными устоями, любовью, основанной на денежном расчете, и слащавой романтикой. Сильное влияние на писателя оказывает Октябрьская революция, но особенно резкий перелом в его творчестве намечается после падения советской власти в Латвии. Последнее получает свое отражение в книге «Оправданные», где Л. обнаруживает высокую концентрацию мысли, стилистическую и образную целеустремленность, целиком направленную против буржуазных общественных отношений. «Оправданные» — это книга, оправдывающая революционное насилие, это документ, с большой художественной силой утверждающий лозунг: «Да здравствует долой!» Тем не менее и в этой книге организованная борьба пролетариата еще ускользает из поля зрения писателя. Л. видит лишь стихийный анархический бунт личности, над к-рой издеваются, к-рую доводят до положения затравленного животного и к-рая в свою очередь ломает нормы буржуазной морали, права и восстает против «старческого заговора старого мира». Последующие книги («Мебельная рига», «Прекрасная Италия») в значительной мере варьируют мотивы «Оправданных», не достигая однако их силы и местами даже возрождая опасность эстетизирующей созерцательности. Следующим значительным шагом вперед являются книги последних

лет («Взывающие корпуса», третья часть «Эмигранта», «Камеры»), которые вплотную уже подводит к организованной борьбе рабочего класса, хотя и здесь еще значительную роль играет анархическая стихия (в тюремных рассказах — уголовные). Здесь писатель дает синтетически-реалистическое изображение действительности без того налета экспрессионистического «активизма» (см. «Аktion»), который в известной степени присущ его творчеству на предыдущем этапе.

В стихотворениях послеоктябрьского периода больше, чем в художественной прозе, чувствуется некоторое родство Л. с русскими лефовцами, в особенности с Маяковским и Третьяковым. Переломным моментом здесь является сборник стихов «Караван» [1919], в к-ром новая социальная целеустремленность вкрапывается пока лишь отдельными стихотворениями, резко выделяющимися на общем фоне данной книги, включающей стихотворения еще с 1913. В 1923 Л. пишет свои «Принципы поэзии» — поэтический манифест, согласно к-рому поэзия должна быть активным борцом и двигателем жизни к определенной цели. Борьба за новое содержание немислима без борьбы за соответствующую

Е. Калас. Обложка к книге Лайцена «Взывающие корпуса» (Рига, 1930)

ему новую форму, ибо последовательное осуществление нового идейного содержания не допускает применения символов прежней идеологии. Л. призывает сократить до минимума эпитеты, сравнения, непосредственную образность выражения, не снижая од-

нако образности изображения. Последующие книги стихов («Семафор», «Берлин», «Азиат») с исключительной последовательностью осуществляют «Принципы поэзии». Особняком стоит насыщенная экзотикой книга любовной лирики «Хо-Тай».

Нельзя обойти молчанием также драматические произведения Л., большинство которых написано для клубной сцены («Альфа и Авто» и др.) и для массового представления на открытом воздухе («Глубины Китая», «Компромисс» и др.). Издаваемый и редактируемый Л. с 1928 журнал «Левый фронт» (Kreisla fronte) пока еще не освободился от известной тенденции к левовским установкам в области искусства (в настоящее время журнал закрыт распоряжением латвийского правительства). Резко противопоставляя себя гнилой буржуазной лит-ре, журнал все же не сумел сконцентрировать вокруг себя кадры революционной мелкобуржуазной интеллигенции, в особенности лит-ой молодежи, близкой СССР и революционному рабочему движению в Латвии.

Лайцен — значительное и в высшей степени самобытное явление в современной латышской литературе. В последней Л. не уступает Маяковскому в русской литературе послеоктябрьского периода. Со всей силой своего художественного мастерства писатель обрушился против эстетизации буржуазных общественных отношений, обнажая продажность и эксплуататорскую сущность этого класса. Подобно Маяковскому, Лайцен вводит в поэтическую речь слова, которые считались «непоэтичными», снижая поэтическую речь до разговорной простоты, средствами языка срывая покровы буржуазно-мещанской сентиментальной идеализации социальной действительности. Но в отличие от русских левовцев лучшие произведения Лайцена при высокой концентрации мысли не впадают в грех абстрактного схематизма. Задача активного общественного воздействия не противопоставляется задаче изображения, а наоборот — последовательно вытекает из классового понимания изображаемых процессов реальной действительности.

Библиография: I. Оправданные, Рассказы, перев. Э. Сильмана, издание «Прибой», Л., 1925; Камнем в окно (Skaista Italiya), Рассказы, перев. Л. Латани, изд. «Прибой», Л., 1927; Избранные произведения, [с предисл. Ю. Либелинского и М. Чумандрина (при т. I) и статьи Р. Пельше «Художник и революционер» (при т. III)], перев. Э. Я. Сильмана, 4 тт., изд. «Прибой», Л., 1929—1930 (т. I. Эмигрант, Роман; т. II. Гибель Британского флота, Рассказы; т. III. Вызывающие морпуса; т. IV. Да здравствует долгой!, Рассказы).

II. Запровская А., Ливард Лайцен, «Книгоноша», 1926, № 35; Эйдук Я., Ливард Лайцен, «На литературном посту», 1927, № 24. Ю. Ямель

ЛА КАЛЬПРЕНЕД [Gauthier de Costes de La Calprenède, 1610—1663] — французский писатель. Происходил из гасконского феодального рода, служил в гвардейском полку. В лит-ре Л. К. является типичным представителем стиля барокко (см.) в его феодально-дворянском выражении. Увлечение красочным, редкостным и грандиозным — характерная черта многотомных романов Ла Кальпренеда. Он порывает

с лиризмом пасторального романа начала XVII века («Астрея» д'Юрфе) и обновляет форму рыцарского романа внедрением в него исторической тематики. Его «Cassandre» (10 тт., 1642—1645) изображает распадение державы Александра Великого, «Cléopâtre» (12 тт., 1647) — крушение римского владычества, «Faramond» (12 томов, 1658—1681) — возникновение французской монархии. Тяга к исторической фабуле отражает как интерес дворянства к изображению крупных политических событий, так и характерное для эпохи становления капитализма стремление к правдоподобию, фактической достоверности повествования, умеряемое чисто феодальным культом героизма. «Красота чувств, стремительность страстей, величие событий» — вот что пленяло в романах Л. К. г-жу Севинье. Отсюда — их громадный успех, предел которому положила только строгая критика Буало.

Кроме романов Л. К. писал также трагедии («La mort de Mithridate», «Bradamante», «Le comte d'Essex» и др.).

Библиография: II. Koertling G., Geschichte des französischen Romans im XVII Jahrh., 2 Bände, Lpz., 1885—1887; Brunetière F., Études critiques, IV série; Carrington Lancaster H., La Calprenède-dramatist, «Modern Philology», v. XVIII, 1920; Seillière E., Le romanier du grand Condé; Gauthier de La Calprenède, 1921. C. M.

ЛАКЛО [Pierre Ambroise François Choderlos de Laclos, 1741—1803] — французский писатель. Дворянин по происхождению, был капитаном инженерных войск, служил под командованием герцога Орлеанского и во время революции принимал участие во всех его политических авантюрах. Редактировал «Journal des Amis de la constitution», был членом якобинского клуба и добивался сначала вложения, а затем казни Людовика XVI. После ареста герцога Орлеанского [1793] Л. попал в тюрьму, однако Робеспьер пощадил его; по преданию (впрочем мало вероятному), Л. помогал ему сочинять речи. В эпоху директории Л. командовал артиллерией в рейнской армии.

Л. оставил ряд трудов по истории революции и по военному делу. В истории литературы вошел как автор романа «Опасные связи» (Les liaisons dangereuses, 1782), являющегося одним из замечательнейших произведений XVIII века. Французская критика долго пренебрегала этим романом, зачисляя его в разряд безразличных и чуть ли не порнографических книг. Но в этом пренебрежении было много лицемерия и ханжества. «Опасные связи» — необычайно яркая и правдивая картина бытового разложения аристократического общества конца XVIII в. Герой романа, маркиз де Вальмон, — своеобразная вариация типа Дон-Жуана (см.), выродившегося в условиях жизни социально-паразитического класса в тип утонченного, тщеславного и бесстыдного развратника (goué), смысл существования которого — в развращении женщин. Л. мастерски обрисовал психику этого хищника, равно как и его жертв. «Опасные связи» выдержали 2 издания подряд и в течение нескольких лет вызвали до 50 контрафакций.

Библиография: I. Опасные связи, перев. Н. Д. Эфроса, ред. и введение А. Эфроса, т. I, изд. «Федерация», М., 1930; Les liaisons dangereuses, 4 тт., 1782 (новые изд. 1903 и 1913); De l'éducation des femmes, publié par Edme Champion, 1903; Les poésies de Ch. de Laclous, 1908; Lettres inédites, 2-е éd., 1904.

II. Л е в и н с о н А., Опасные связи и их автор, «Русская мысль», 1914, II; Dard E. M., Un acteur caché du drame révolutionnaire: le général Ch. de Laclous, 1904; Caussy F., Laclous d'après des documents originaux, suivi d'un mémoire inédit de Laclous, 1905; Boisjolin J., de, et Mossé G., Notes sur Ch. de Laclous et «Les liaisons dangereuses», 1909; Palache J. G., Four novelists of the old régime: Crebillon, Laclous, Diderot, Restif de la Bretonne, N. Y., 1926. C. M-estib

ЛАКОМБ Поль [Paul Lacombe]—современный французский литературовед и историк. Признавая в теории, что история литературы должна уделять одинаковое внимание индивидуальному и неиндивидуальному в творчестве писателя, Лакомб на практике суживает значение объективных факторов и углубляется в изучение психологии художника («Введение в историю лит-ры»—«Introduction à l'histoire littéraire», 1898). Л. занялся исключительно вопросами психологии творчества, исходя из того, что все историко-литературные явления определяются самодовлеющими процессами в психике творческой личности. В результате своих психологических исследований он пришел к заключению, что в основе каждого лит-ого произведения имеется определенная эмоциональная установка, являющаяся его главным организующим принципом; колебания между тэннизмом и психологическим методом и неумение преодолеть эклектизм характерны для Л. Он выступал также как историк [«Семья в римском обществе», 1889, «Социологические основы истории» (русск. перевод, СПб., 1895) и др.] и здесь придерживался того же психологического метода.

В марксистской лит-ре критика Л. дана Плехановым («Нечто об истории», Социн., т. VIII, изд. 2-е, М., Гиз, стр. 223—236).

ЛАКОНИЗМ, ЛАКОНИЧНОСТЬ (речи)—максимальная сжатость фразы. Греки противопоставляли пышному красноречию афинских ораторов простоту и сжатость речи ораторов Лаконии (Спарты), откуда и пошел этот термин. Примеры: «Со щитом или на щите», «Пятилетка в четыре года». См. «Ситтаксис», «Стилистика».

ЛАКРЕТЕЛЬ Жак, де [Jacques de Lacretelle, 1888—]—современный французский романист и очеркист. Ставя в большинстве своих произведений проблему столкновения личности-одиночки с обществом, он ищет ее разрешения на пути отказа от активной социальной практики. Стремясь уйти от действительной социальной борьбы, Л. культивирует в своих произведениях мотивы эротически окрашенного самосозерцания и самопознания, характерные для утонченного психологизма. Если на раннем этапе развития Л. социальные проблемы занимали хотя бы некоторое место в его творчестве, напр. антисемитизм, служащий основной темой романа «Silbermann» (Зильберман, 1922), то за последние годы он приходит к чистому эстетизму. Жанр путешествий, связанный с уходом в романтическую экзотику, получает преобладание в творчестве Л. Особенно

характерна в этом отношении его последняя книга «Le Demi-Dieu, ou le voyage de Grèce» (Полубог, или путешествие по Греции, 1931). Л.—типичный буржуазный эстет, исходящий из представления о незыблемости буржуазного строя.

Библиография: I. На русск. яз.: Зильберман, перев. П. К. Губер, под ред. С. С. Вермеля, П.—М., изд. «Петроград», 1923; La vie inquiète de Jean Hermelin, 1920; La Bonifas, 1925; Lettres espagnoles, 1927; Réveries romantiques, 1927; Le retour de Silbermann, 1930; Arge «Le Christ aux bras étroits».

II. E mi è L., Jacques de Lacretelle, «La Revue Nouvelles», juin, 1929; Martin du Gard M., Vérités du moment, P., 1928. A. E.

ЛАКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Как большинство лит-р колонизированного царизмом Востока, письменная Л. л. развивалась медленно, обезличивая почти исключительно образованную верхушку господствующих классов. В развитии Л. л. можно наметить три основные эпохи: лит-ру феодального периода, лит-ру эпохи русского завоевания и лит-ру послеоктябрьского периода. В лит-ре первых двух периодов господствующее место занимает религиозная поэзия и религиозно-дидактическая лит-ра: грамотными были почти исключительно представители духовенства, записывавшие только те произведения, которые должны были служить интересам пропаганды ислама. Основные мотивы религиозной поэзии: восхваление аллаха и его пророков, толкование в стихах догматов Корана. В значительной части эта поэзия не оригинальная, а переводная, и главнейшие ее представители заслуживают скорее названия переводчиков. Таков Магомед Балхарский (Маллай), издавший в начале XX в. (после организации в Темир-Хан-Шуре мусульманской литографии) сб. стих. «Мажмуатул Ашар». В этом сборнике помещены произведения Заида Койкинского, описывающие смерть шейха Гаджи-Мусы-Гаджи и его мюридов, произведения самого шейха Гаджи-Мусы-Гаджи и др. Из других произведений религиозной поэзии следует отметить: 2 сборника Гази-Сейд-Гусейнова: «Анбаруд-Думуз» (Река слез), описывающая жизнь и страдания Гасана и Гусейна, сыновей пророка Али, и «Киссатуль-Анбия», содержащая легендарные биографии пророков; религиозно-дидактические произведения Омара Балкаринского «Бустануль Хокук» (Сад истины) и «Мовлуд» (легендарная биография Мухаммеда); «Tohratul madanija» (Подарок из Медины) Абдул Керима Кумухского, эротико-мистические произведения паши Бачинского, Ума-хана Качаева и др. Все эти произведения почти недоступны широкой массе лаков, так как яз. их насыщен арабизмами.

В дальнейшем мотивы религиозные в Л. л. переплетаются с мотивами национально-шовинистическими, а частью—с национально-революционными; глубочайшая ненависть к угнетателям, представителям русского самодержавия, соединяется с настроениями панисламизма и пропагандой объединения с султанской Турцией. К лит-ре этого периода относятся: творчество ученого арабиста, знатока персидской и арабской лит-ры Ю с у ф а К а д и М у р к и л и н с к о г о

[ум. в 1918], пытающегося перенести в лакскую поэзию формы арабско-персидской газелы и касиды («Газали», «Касиды» и др.); его лирические произведения используют весь комплекс традиционной тематики арабско-персидской любовной лирики; в его последних произведениях преобладают мотивы резни и недовольства жизнью:

«Правды в явном виде не видел,
Все, что видел—только ложь видел...»

пишет он, подражая турецкому поэту Вакифу; произведения большого мастера слова—Шифи Ницовкрянского [ум. в 1918], наряду с лирическими произведениями написавшего ряд поэм: «Низложение султана Абдул-Гамида и балканская война», «Европейская война», «Японская война», ряд диалогов: «Каусарат», «Берлинару барышня» и др.; песни Будугая Мусы, написанные в Сибири (куда он был выслан за участие в восстании 1877), песни, полные проклятий предателям и надежд на грядущее отмщение; песни Гасана Гузуова, указывающие на ошибки, связанные с восстанием 1877. От этих песен резко отличаются своим революционным содержанием произведения старого революционера-коммуниста Саида Габиева, основателя и редактора первой лакской газ. «Заря Дагестана» (издавалась в СПб в 1912). К этому же периоду следует отнести ряд писателей, последние годы деятельности которых по времени совпадают уже с послеоктябрьской эпохой, но творчество которых обращено еще к прошлому. Таков уже упомянутый ученый арабист Гасан Гузуов (род. в 1854 в Казикумухе), автор трактатов по астрономии и богословия и поэтических произведений на политические (восстание Шамиля) и любовные темы.

Ряд писателей послеоктябрьской эпохи следует начать именем безвременно погибшего Гаруна Саидова (род. в селении Вачи в 1891, расстрелян белыми в Кумухе в 1919), основателя лакской газ. «Ильчи», автора ряда стихотворных и прозаических произведений и первой социальной драмы на лакском яз.—«Калайчитал», рисующей тяжелую жизнь лакских кустарей-лудильщиков. К послеоктябрьской л. л. относится и творчество Саида Габиева. Им написан сб. стих. «Звуки лакской чунгуры» [1927], «Сааг Саида» (на русск. яз.), повесть «В народ», а также ряд исследований по истории («Юридикам на Кавказе», в газете «Красный Дагестан»). Интересна фигура Хаджи-Мурада Амитаева (Лутфи) [ум. в 1918]. Бедняк по происхождению, не получивший образования, Амитаев издавал в 1910 в Дербенте газету на турецком яз., резко нападая на духовенство и лакскую буржуазию, изобличая их продажность, фанатизм, невежество и лицемерие и пародируя при этом их стиль. Ему принадлежит комедия из жизни торговцев и сборник «Асарул-Лутфи».

Из современных поэтов следует отметить: Ахмеда Каради Заку-Задэ (Курди), Муеддина (Мурада) Чаринова и Ибрагим Халил Курбан Али-

е в а. Ахмед Каради Заку-Задэ—прозаик и научный работник, автор психологического романа «Обманутое чувство», психологических этюдов «Любовь» и «Уроки психологии»; им написан также ряд стихотворений на национально-освободительн. темы: «Проститесь, лаки», «На арчивских горах», «Свободное человечество» и др.; после революции редактировал одно время газ. «Ильчи» и «Чанна Цуку» (Полярная звезда), в настоящее время ведет научно-педагогическую работу в Азербайджане. Чаринов [р. в 1893]—поэт, исследователь лакского фольклора и автор драматической поэмы «Габибат и Гаджияну» [1919], исторической драмы «Шахалай», драмы на тему борьбы революционно настроенной молодежи с средневековым бытом—«Шумайсат», «Будущий век» и «Лучи солнца». В лирике Чаринова мотивы социально-бытового характера переплетаются с национальной романтикой; ему принадлежит также ряд переводов на лакский яз. из Лермонтова, Гейне, Шекспира и др. Курбан Алиев—автор революционных песен молодежи, редактор ныне существующей лакской газ. «Захматчи» (Труженник); его стихи, собранные в «Книге для взрослых»—«Серп и молот», «Трактор»—создают совершенно новый стиль в лакской поэзии, решительно порывая с формами прошлого.

Из молодых писателей надо отметить еще Гусейна-Гази Гитинаева, автора ряда стихотворений на революционные и социальные темы («Привет Октябрьской революции», «Лаккудару» и пьеса «Давуд и Лейла» и др.). Абдурахмана Омаршаева, автора песен на бытовые темы, Хаджи-Мурада Аминова, автора комедии «Иньля Эму», Магомед-хана Пашаева, автора драм «Три сестры», «Пастух» и драматической поэмы «Омар и Айшет», Исмаила Эфендиева, А. Магомедова, А. Таджиева, М. Алиева, С. Гусейнова.

Латинизация лакского письма безусловно способствует развитию и широкому распространению художественной л. л. В настоящее время на лакском языке выходит газета, выпускается ряд учебников, книг по общественным наукам, популярных брошюр.

Лакский фольклор богат и разнообразен. Героический эпос восходит к эпохе феодализма и отображает боевые захватнические настроения феодальной аристократии, подчас приобретает подлинно агитационный характер и восхваляет подвиги отдельных героев в борьбе с Грузией, в борьбе с Персией и Россией. Много общего у лакского эпоса с эпосом аварским не только по форме, но и по содержанию. К героическому эпосу относятся следующие произведения: «Моллачул Иса», «Даддакал Балай», «Казамиль Али», «Шариль-Мисиду» и др.

Лирическая песня в значительной степени, если не исключительно, создается женщинами; темой этих песен является протест против тяжелого положения несправной женщины, против насильственных браков. Обычный размер лакской песни (балай)—четырнадцати- или одиннадцатисложник; в настоящее время в лакскую устную лирику проникают также и другие размеры.

Лакская сказка (маха) большей частью разрабатывает общие всем народам сюжеты волшебной сказки; характерны традиционные зачины («Были не были, и куда же идти, когда не были») и концовки («Так они дошли до цели, и гулял на их свадьбе и сейчас иду оттуда»).

Широко распространенным и любимым жанром устной Л. л. являются пословицы и (учальартту), в которых отразилась «житийская мудрость» старого феодально-родового общества: «Не оставляй хлеба, хотя бы ты был сыт, не оставляй бурку, хотя бы нет дождя»; «Для неплательщика нет хлеба». Для развлечения употребляются загадки (разгадки), напр.: «В одной бочке два разных вина» (яйцо), «От ходьбы не устают, от еды не наедается» (мельница). Очень древним пережитком являются так наз. поговорки и (учай махру); так, проходя мимо работающих, говорят: «вам будет удача», мимо молотящих—«да будет много», при каком-либо несчастном случае—«да охранит вас от несчастья» и т. п. К сожалению, богатая устная Л. л. мало изучена; собранные некоторыми лакскими работниками (Чариновым, Гитинаевым и др.) материалы еще не опубликованы.

Библиография: Чаринов М., Лакская поэзия, «Известия Общества исследования и изучения Азербайджана», Баку, 1926, № 2. Г. Г. и М. Ч.

ЛАКСКИЙ ЯЗЫК [lakku maz]—яз. народности, численность которой доходит до 50 тыс. Лаки занимают почти весь одноименный район в центральном Дагестане; живут они еще одиночными аулами в Даргинском, Самурском, Курахском и Чародинском районах. В диалектическом отношении Л. яз. мало дифференцирован; поэтому лаки с противоположных концов территории распространения Л. яз. понимают друг друга совершенно свободно.

Фонетический состав Л. яз. беднее аварского: в нем совсем отсутствуют латеральные звуки типа *l*. Другая особенность фонетической системы Л. яз. заключается в ясно выраженных так наз. «удвоенных» согласных. Согласных фонем в Л. яз. 40, гласных—5. Письменность (на основе арабского алфавита) существует довольно давно (сохранились записи, датируемые предположительно XV в.), но служила исключительно целям религиозной пропаганды (см. «Лакская лит-ра»). В настоящее время лаки, как и все народности Дагестана, пользуются унифицированным латинским алфавитом; таблицу лакского алфавита—см. «Дагестанские яз.».

Библиография: Услар П., Лакский язык, Тифлис, 1890 (Этнография Кавказа, Языкознание, IV); см. также «Дагестанские языки». А. Шамалов

ЛАЛИОНИ (псевдоним Арсена Мамулашвили) [1866—1918]—грузинский беллетрист. Сын мелкопоместного дворянина, образование получил в Тифлисской учительской семинарии, по окончании которой занялся педагогической работой.

Первое произведение Л.—повесть «Разбойник Давладзе»—напечатано было в журн. «Моамбе» (Вестник), 1895.

В произведениях Л. отражается классовое расслоение в деревне, «оскудение» дво-

рянства и рост капиталистических отношений («Разбойник Давладзе»). Л. гл. обр., как и Ниношвили (см.), изображает жизнь грузинских крестьян, которых угнетало, с одной стороны, гибнущее и озверевшее дворянство, с другой—дворянско-полицейская власть («Участь Бежука») и др.

Л. не идеализирует деревни, а бичует патриархальные традиции крестьян, их невежество, уродство их старого быта. В своих этюдах Л. рисует жестокость карательных отрядов в Гурии при наступлении реакции [1905—1906].

Библиография: I. Разбойник Давладзе, журнал «Моамбе», кн. IV, V, 1895 (на груз. яз.).

II. Цулукидзе А., Сочинения, Тифлис, 1927 (на груз. яз.). Д. Л.

ЛАЛЛУ ДЖИЛАЛ—см. «Хинди лит-ра».

ЛАМАРТИН Альфонс [Alphonse Lamartine, 1790—1869]—французский поэт. Р. в Маконе в обедневшей дворянской семье. Образование получил в иезуитской коллегии

в Белле. В 1820 выпустил первый сборник стихотворений под названием «Поэтические и религиозные размышления» (Méditations poétiques et religieuses). Следующие книжки стихов—2-й т. «Размышлений» и сборник «Созвучия» (Les Harmonies)—вышли в свет в 1823 и в 1830. Так. обр. основным периодом творчества Л., когда он создал наиболее прославившие его произведения, следует считать 20-е гг. В 1830 избран в члены Французской академии. Около этого же времени стал депутатом палаты и отдался преимущественно политике. Л. был членом партии легитимистов—немногочисленных сторонников прежней династии, крайней правой во время июльской монархии. В 30-х гг. написал поэмы «Жоселен» (Joselyn, 1836) и «Падение ангела» (La chute d'un ange, 1838), к-рые являются частями задуманной грандиозной эпопеи в 10 видениях о падшем ангеле Элоиме. Л. написал только эти 2 части. Во время революции 1848 занял пост президента временного правительства, несмотря на то, что представлял дворянскую партию. Дело в том, что «ле-

титимисты и орлеанисты и те вначале осмеливались выступать лишь под республиканской маской. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата» (К. М а р к с, Борьба классов во Франции). Роль Л. кончилась с июньским восстанием рабочих. Подготовив диктатуру Кавеньяка, Ламартин отходит от политики, пишет «Историю жирондистов» [1848], «Историю реставрации» [1851—1853], романы «Рафаэль» и «Граумала». Из этих произведений Ламартина наиболее интересна «История жирондистов».

Л.—представитель французского консервативного романтизма. В начале XIX в. дворянство оттесняется с общественной арены растущей и крешущей буржуазией. Хотя в 20-е гг. у власти и находится старая династия, однако аристократия обречена. Реставрация Бурбонов была по сути дела компромиссом остатков старого дворянства с верхами буржуазии—компромиссом, к-рый не мог спасти дворянство. На этой почве расцветает пыльным цветом консервативный романтизм, с его уходом в чистую лирику, отрицанием цивилизации и идеализацией абстрактной природы. Л.—типичный выразитель этих умонастроений. Его три сборника стихотворений написаны на отвлеченные темы. Содержание стихов туманно и ограничено интимным «я» поэта. Это содержание подяжено форме, которая кажется самодовлеющей. Такое соотношение формы и содержания характерно для нисходящего, обреченного на гибель класса, когда этот класс уже перестал играть какую-либо общественно-полезную роль в экономическом и политическом развитии общества, но когда его писатели сохраняют еще формальное мастерство. Впрочем и это последнее не было у Ламартина в достаточной степени высоким.

Основные мотивы лирики Л.—любовь и философски-религиозные думы. В области философии Л. примыкает к той идеалистической реакции против материализма, к-рая характерна для эпохи реставрации Бурбонов. Дворянству была враждебна философия материалистов XVIII века и оно выбрало своим духовным вождем идеалист-мистика Жозефа де Местра. Идеи Жозефа де Местра оказали большое влияние на Л. Свои философские взгляды Л. излагает в речи «О судьбах поэзии»: «Эпоха Империи была воплощением материалистической философии XVIII в. Геометры, к-рые имели право голоса, давили на молодежь всей тяжестью своей наглядной тирании. Они боялись, как бы поэзия не воскресла вместе со свободой, и с корнем уничтожали ее ростки в своих школах, лицеях и в особенности в своих корпусах и политехникумах».

Идеалистические воззрения Л. находят свое завершение в религиозности. Он созерцает бога, растворенного во всей природе, как то животворящее духовное начало, к-рое всем повелевает и к-рому человечество должно поклоняться. В думе V он пишет: «Ты помнишь ли тот край, где с первого взгляда зародилась наша любовь? Ты

часто говорила мне: „природа—это храм, в котором скрыт бог... мир—его отражение, день—его взор, красота—его улыбка...“ Так говорила ты, и наш дух возносился к этому неведомому богу, и наши восхищенные взоры созерцали землю, место нашего изгнания, и небеса, его царство». Его религиозность окрашена глубоким пессимизмом. Тот же пессимизм разлит и в его любовной лирике. В стихотворении «Одиночество» Л. жалуется: «Реки, скалы, леса, вы, некогда столь дорогие моему сердцу! Нет с вами только одного существа, и пелый мир превратился для меня в пустыню. Я похож на увядший лист, пусть же дыхание бури умчит меня».

Индивидуализм Л., его пессимизм, утонченная чувствительность, религиозно-мистические воззрения, уход в идеализированную абстрактную природу, преобладание мелодии стиха над конкретным содержанием—характерны для французского дворянского романтизма. У Л. эти черты выявлены наи-

Тони Жоанно (Тону Жоанно). Иллюстрация к стихотворению Ламартина «Озвон (Le Lac)», изд. 1862

более ярко по сравнению с другими представителями консервативного романтизма (Шатобриан, Вивьи и др.), и именно поэтому его поэзия так бескровна. Если у его предшественников и есть известный публицистический пафос, то поэзия Л. совершенно беспредметна; из его стихов как бы вытравлены всякие социальные элементы.

Изгнанных Бурбонов смещает июльская монархия, царство крупной буржуазии. Роялисты, к которым принадлежал также и Ламартин, становятся в оппозицию. Они добиваются свержения буржуазной монар-

хии. Маркс говорит: «Провозглашение республики 48-го года уничтожило господство буржуазии. Все роялисты превратились в то время в республиканцев» («Борьба классов во Франции»). Перемена общественной ситуации повлияла и на творчество Л.: в его поэзию начинают вплетаться социальные мотивы. Он пишет поэму «Жоселен», где развернуты те же темы, что и в лирике, но уже на конкретном материале. В центре — образ католического священника Жоселена, жизнь которого — апофеоз самоотречения. Жоселен участвует в духовной семинарии. Во время революции семинария разгромлена бунтующей толпой. Жоселен принужден уйти на лоно природы, которую он предпочитает развращенным городам. Вскоре после этого он все же сталкивается с цивилизованным обществом, и единственным содержанием его жизни среди культурных людей является самоотречение во имя духовных идеалов. В этой поэме ярко сказана обреченность дворянства: Л. видит лишь один путь — самопожертвование до конца. Выхода нет. Можно только уйти от цивилизации к диким племенам, которых Л. хочет противопоставить буржуазному государству. Эта тема развертывается в поэме «Падение ангела». Путь спасения человечества лишь в максимальной близости к природе и в непротивлении злу, во всепрощении, говорит Л. Но и тут город может настичь беглецов и погубить их. Для обреченного дворянства спасения нет; сознание безнадежности его положения Л. воплотил и в этом характерном для него произведении.

Своеобразна историческая работа Л. «История жироидистов», написанная на основании редких документов. В ней Л., как и следовало ожидать, окружает ореолом мученичества аристократию, восхищается жироидистами и негодует на якобинцев. Работа до такой степени субъективна, настолько искажает факты, что никакого научного значения не имеет, представляя собой один из бесчисленных образцов дворянского очернения Великой революции 1789—1794.

Библиография: I. На русский язык перев.: Судьбы поэзии. Из путешествий по Востоку, «Телескоп», ч. 20, 1834, №№ 15 и 16; Шарлотта Корде (из истории жироидистов), «Современник», 1847, III; Признание, «Современник», 1849, тт. XIV—XV, 1850, тт. XXIII, XXIV; Рафаэль. Страницы из двадцатых годов жизни, «Библиотека для чтения», 1849, ч. 94 и 95; Антонизелла, Роман, СПб, 1868 и СПб, 1875; История жироидистов, 4 тт., СПб, 1902; Жанна д'Арк (Орлеанская дева), изд. Суворина, 6 г. («Дешевая биб-ка»); Oeuvres, 40 vv., Hachette, 1869—1863.

II. Полонский Л., На досуге, об. статей, СПб, 1884; Пельсье Ж., Литературное движение в XIX в., М., 1895; Брандес Г., Литература XIX века в ее главных проявлениях. Французская литература, СПб, 1895; Пти де Жюльвалье, Иллюстрированная история новейшей французской литературы, М., 1908; Ла Барт Ф., де, Размысливания в области романтической поэтики и стиля, Киев, 1908; Коган П. С., Романтизм и реализм в европейской литературе XIX в., изд. 2-е, М., 1923; Покровский М. Н., Ламартин, Кавелин и Николай I, в об. «К 75-летию революции 1848 г.», М., 1923; Луначарский А. В., История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах, ч. 2, Гиз, 1924 (и нов. изд., 1930); Ла Барт, де, Альфору Ламартин, история западно-европейской литературы, под ред. Ф. Ватюшкова, кн. V, изд. «Мир», 6 г.; Лансон Г., История французской литературы, том III, перевод П. Морозова, СПб, 1897;

Фаге Э., История французской литературы. XIX в., СПб, 1901; Brunnetière, La poésie de Lamartine, «Revue des Deux Mondes», 15 août, 1886; Domville M., Life of Lamartine, 1888; Deschanel E., Lamartine, 1893; Zyromski E., Lamartine, 1897; Masson P. M., Lamartine, 1911; Domic R., Lamartine, 1912; Whitehouse H. R., Life of Lamartine, 2 vv., 1918; Lebevy A., Lamartine dans ses horizons, P., 1929. А. Пезанер

ЛАМЕНТАЦИЯ (латинское lamentatio) — плач, рыдание — первоначально узаконенный в античной риторике прием ораторского искусства. В конце V в. до христ. эры в Греции, а в древнем Риме в I в. до христ. эры резко обострилась классовая и политическая борьба; судебно-политическое красноречие принимает страстный и патетический характер. Оратор пытался потрясти судей и публику, стремился вызвать у судей сострадание к обвиняемому; для этого он должен был сам проникнуться скорбью и в соответствующий момент даже зарыдать, прося пощадить обвиняемого. Этот патетический момент речи был приурочен к ее заключению, эпилогу, и часто при этой Л. оратор (как неоднократно поступал римский оратор Цицерон) устраивал целую сцену: со слезами брал напр. на руки маленьких детей обвиняемого, чтобы их несчастным видом растрогать судей. В современном русском лит-ом яз. слово Л., не обозначая никакого определенного риторического приема, употребляется нередко в ироническом смысле вместо выражений «жалобы», «сетования». В таком же смысле Л. применяется и в немецком языке (ср. Гейне, «Lamentationen»).

Библиография: Volkmann R., Die Rhetorik der Griechen und Römer, 2 Auflage. Н. Дерптин

ЛАНГ — см. «Мифология» и «Сюжеты бродячие».

ЛАНГЕ Антоний [1863—] — видный польский поэт и переводчик, писал также под псевдонимами Don Kirzot, Katullus, Kwiesinski, Wrzesień. Один из зачинателей польского модернизма — деятельный участник лит-ой группы «Молодая Польша». В произведениях Л. гражданские мотивы (негодование против русского царизма) уживаются с религиозно-метафизическими абстракциями. Жизненную правду Л. ищет в Зендавесте, Коране и в книге пророков. Л. — типичный бунтарски настроенный мелкобуржуазный интеллигент эпохи реакции, и все его творчество очень характерно для его общественной группы. Л. — большой эрудит, энциклопедист в поэзии. Он перевел между прочим ряд произведений зап.-европейской литературы.

Библиография: I. Poezje, cr. I, 1895; Poezje, cr. II, 1898; Wybór poezje, 1900; Fragmenta, 1901. Д р а м ы: Atylla; Wenedzi. Новеллы: Elfrida; W czwartym wymiorze.

II. Яцимирский А. И., Новейшая польская литература, т. II, СПб, 1908; L o g e n t o w i c z I., Młoda Polska, I.

ЛАНГЕНДЕЙК Питер [Piter Langendijk, 1683—1756] — известный голландский писатель, наиболее яркий представитель народно-национальной комедии быта и нравов XVIII в. В своих многочисленных комедиях «Don Quichot, Huwelijksbedrog» (Брачный обман, 1712), «De Zwetser» (Хвастун, 1712), «Wiskunstenars» (Математики, 1715), «Qui-

самроix» [1720] и мя. др. он высмеивает быт и нравы, роскошную праздную жизнь высшего торгового мира и ученое чванство. Идеолог среднего слоя городского мешанства, Л. веде противопоставляет «испорченным», растрачивающим целые состояния сыновьям—старых, честных и предприимчивых отцов. Лучшее его произведение, рисующее этот мир «отцов и детей»—*Spiegel der Vaterlandesche Kooplieden* (Зерцало отечественных купцов, 1760). Лангендейк находился под сильным влиянием таких представителей французского классицизма, как Мольер, но его комедии гораздо менее социально заострены, перенасыщены дидактикой, герои часто охарактеризованы слишком шаблонно.

Библиография: I. Gedichten, 4 Bände, Amsterdam, 1721.

II. Meyer C. H. Ph., P. Langendijk, Den Haag, 1891; Mehler F. Z., P. Langendijk, Culemborg, 1892.

ЛАНГЕНДОНК Проспер, ван [Prosper van Langendonck, 1862—1921]—фламандский поэт и критик, представитель мелкобуржуазного, национально-радикального движения в новейшей фламандской лит-ре (так наз. младофламандцы), идеологическим вождем которого был А. Вермейлен (см.). Сотрудник журнала «*Didit*» и один из редакторов главного органа движения «*Van Nu en Straks*» (Сегодня и завтра); его перу принадлежит большое количество литературно-критических статей и очерков («*Nerleving van den Vlaamschen Parnassus*»—Возрождение фламандского Парнаса), в которых он борется со старой лит-рой за радикально-мелкобуржуазные идеалы. Л. принадлежал к умеренному крылу движения и поэтому не так резко порвал с лит-ым наследием предшествовавшей эпохи; его произведения проникнуты интеллигентско-индивидуалистическими, религиозными и национально-освободительными мотивами. Славу выдающегося лирика ему доставил сборник стихов, вышедший в 1900.

Библиография: II. *Voorden J.*, Prosper van Langendonck, Antwerpen, s. a.

ЛАНГМАН Филипп [Philipp Langmann, 1862—]—немецкий драматург. Р. в Моравии в еврейской рабочей семье. В 80-х гг. был фабричным рабочим, самоучкой подготовился к поступлению в высшее техническое училище. До 1897 был техником и фабричным служащим в Брюнне, затем переехал в Вену, где стал заниматься журналистикой и лит-рой. Успех пьес Л. с течением времени все уменьшался, и с 1914 он совершенно перестал писать.—Л.—самый последовательный представитель немецкого натурализма в Австрии. Господствовавший в конце XIX и начале XX вв. в австрийской лит-ре созерцательно-пессимистический, проникнутый резиньацией реализм (Ф. фон Заар, Эбнер-Эшенбах, Давид) игнорировал быстрый рост фабричной промышленности. Поэтому безусловная заслуга Л. в том, что он первый решительно ввел в лит-ру пролетарское предместье, рабочий поселок, фабричный район большого австрийского города. Его первые новеллы из жизни рабо-

чих—«*Arbeiterleben*» (Жизнь рабочих, 1893), «*Realistische Erzählungen*» (Реалистические рассказы, 1896), «*Ein junger Mann 1895*» (Молодой человек 1895 года, 1896)—всецело проникнуты отвлеченной, морализирующей критикой современного общества, состраданием к угнетенным. Драма Л. на тему о забастовке «*Bartel Turaser*» (Бартель Туразер, 1897), с большим успехом шедшая в венском Бургтеатре (шла в России в революционных любительских драмкружках в 1905—1906; была тогда очень популярна), по силе революционного пафоса значительно ниже «*Ткачей*» Гауптмана, с которыми ее часто сравнивали. Герой Л.—не борец, не классово-сознательный пролетарий, а рабочий, еще всецело проникнутый мешанской добродетелью и верой в ее силу, трагически погибающий в условиях капиталистического мира. Лучшие всего удавались Л. характерные типы из среды мелкого мешанства, полупролетариата и рабочего класса раннего периода капитализма, особенно типы австрийского провинциального захолустья. Однако центр тяжести у него—не в социальной жизни, а в трактовке индивидуальных характеров.

Библиография: I. Драммы и новеллы, перев. М. Толмачевой, СПб, 1903; Драммы, СПб, 1903; Die vier Gewinner, Drama, 1898; Tedaldo, Drama, 1899; Gertrud Antress, Drama, 1900; Korporal Stöhr, Drama, 1901; Die Herzmarke, Drama, 1902; Gerwin, Drama, 1904; Leben und Musik, Roman, 1904; Die Prinzessin von Trapezunt, Drama, 1908; Wirkung der Frau, Novelle, 1908; Der Statthalter von Seeland, Drama, 1911; Erlebnisse eines Wanderers, Novellen, 1911; Ein fremder Mensch, 1914.

II. Lemmermayer F., Philipp Langmann, «Das literarische Echo», 1899—1900. Г. Г.

ЛАНДАУЭР Густав [1870—1919]—немецкий мелкобуржуазный философ и писатель. В студенческие годы был социал-демократом, после падения закона против социалистов перешел с группой «молодых» в оппозицию. Исключенный Эрфуртским съездом из партии, он объединил вокруг себя независимых и стал издавать анархический орган «Социалист» [1892—1899]. Публицист, оратор и организатор маленьких рабочих и интеллигентских кружков («Община», «Социалистический союз»), а также потребительских обществ («Освобождение»), он сочетал борьбу против вильгельмовского государства, парламентаризма, соц.-дем. и милитаризма со страстной враждой к марксизму. Однако, когда разразилась революция, занял в 1919 при первой Баварской советской республике должность народного комиссара по просвещению. Это участие Ландауэра в советском правительстве выражало процесс приближения части мелкобуржуазной интеллигенции к пролетариату. После падения второй Баварской советской республики Ландауэр был убит белогвардейским офицером.

Мировоззрение Ландауэра характеризуется резко выраженным этическим субъективизмом. В своей политической деятельности он склоняется к анархизму прудоновско-кропоткинского пошиба. Отвергая государство вообще, он отвергает также диктатуру пролетариата, скорбит о «трагическом безумии» большевизма. Подобно Люд-

вигу Рубинеру и Эриху Мюзаму, близко стоявшим к его кругу, он мыслит социальную революцию, исходя из идеалистически-этической точки зрения,—как акт основания «настоящего общества» независимых личностей. Путеводной звездой Л. является вера в «единственного» — в отдельный индивидуум, который должен подчиняться только «духу». Социализм Л. основан не на объективных исторических силах и научном познании, а на внутреннем чувстве совести, интуиции и энтузиазме человечества. В соответствии с этим его критические работы оценивают лит-ые произведения по их философской значимости, как символ и как призыв к созданию совершенного общества свободных людей. Так, нравственную активность ищет он в шекспировских образах. Гамлета напр. Л. признает активной натурой: она не имела возможности раскрыть себя в гнилой Дании, ее идеализм обрекает ее на гибель в стране насилия, но она еще покажет себя в «царстве духа». Эта концепция характерна для мировоззрения мелкобуржуазного немецкого интеллигента военно-революционной эпохи, не находящего себе места в капиталистическом обществе и склонного объяснять свои неудачи высокими стремлениями, высокими идеями, а не объективным положением своей социальной группировки, обреченной на гибель. Гамлет и здесь оказался удобной формой для воплощения чаяний и чувств данной общественной прослойки в данное время. Не признавая как типичный ее представитель значения классовой борьбы, Ландауэр конечно не мог найти пути к новому миру.

Л. является одним из основателей берлинского народного театра; в 1918 был драматургом дюссельдорфского театра. В 1903 издал произведения мистика Эккарта. Вместе со своей женой, поэтессой Г. Лакхманн, перевел прозаические произведения О. Уайльда.

Библиография: I. Macht und Mächte (Сб. новелл), 1903; Aufruf zum Sozialismus, 1911; Die Revolution, 1918; Rechenschaft, 1919; Shakespeare dargestellt in Vorträgen, Literarische Anstalt Rütten und Loening, Frankfurt a/Main, 1922.

II. Gustav Landauer. Gedächtnisrede von J. u. L. в а. b., 1919; «Frankfurter Zeitung», 12/V 1919; «Das werdende Zeitalter», 1929. VIII; «Weltbühne», 1930, IV; «Weltbühne», XVII, 37—39; «Maskens», Ztschr., Düsseldorf, XIV, 18—19 Heft. Г. Гуннеп

ЛАНДОЙ Зиша [Žiše Landoj, 1889—] — современный американско-еврейский поэт из группы «молодых». Р. в г. Плоцке в купеческой семье. В 1906 эмигрировал в Нью-Йорк. Там дебютировал в 1906 в еврейской газете «Форвертс» стихотворением «Майн Лид» (Моя песня). Печатался в разных еврейско-американских сборниках и журналах. В годы империалистической войны редактировал вместе с поэтом Мани Лейбо (см.) журн. «Literatur un Leb» (Литература и жизнь), где выступил с декларацией, отрицающей «социальные мотивы в поэзии» и утверждающей принципы «чистого эстетизма», «искусства для искусства». Л. — самый яркий представитель эстетствующей американско-еврейской буржуазной интеллигенции. Корни его творчества уходят в далекое прошлое, и не случайны циклы его

стихов, воспевающих «предков-раввинов и бога-творца». Л. крепко связан с буржуазной культурой: «Я рожден в старом мире и принадлежу ему до последнего часа», — прокламирует Л. в 1919 в стихотворении «Гимн». Изысканной эротикой проникнуто большинство его стихотворений. Полное пренебрежение к социальным проблемам принимает у него характер обывательского самолюбования. С 1925 Л. участвует в журнале «Insel» (Остров) — этой цитадели крайних эстетов-индивидуалистов в еврейско-американской поэзии.

Библиография: II. Basin M., Antologie, II, N. Y. III. Rejsen L., Leksikon fun der jid. Literatur, B. II, 2 Ausgabe, Вильна, 1929. М. В.

ЛАНИЙ Шарлотта [1893—] — венгерская поэтесса; начала лит-ую деятельность в рядах буржуазно-радикальной лит-ой группы «Запад». Ее первые стихи (собранные в трех сборниках) представляют типичные образцы субъективной интеллигентской лирики. Позже творчество Л. приближается к пацифистской лирике; в нем запечатлелись события венгерской революции. В СССР (куда Л. эмигрировала вслед за своим мужем) творчество писательницы становится более актуальным, хотя еще и продолжает оставаться в рамках субъективной революционной лирики. Некоторые стихотворения Л. переведены на русский яз. Она сотрудничает во многих венгерских коммунистических газетах.

ЛАНСОН Густав [Gustave Lanson, 1857—] — видный французский литературовед, с 1903 — профессор Сорбонны и директор Высшей нормальной школы (после Брюнетьера). Свою деятельность литературоведа и историка лит-ры Л. начал рядом монографий — о Нивелле де ля Шассе [1897], Боссюте [1891], Буало [1892], Корнеле [1898], Вольтере [1906]. Исследовательский метод Лансона во всех этих работах один и тот же: это — культурно-исторический метод, который соединяет характеристику «культуры эпохи» с анализом «идейного содержания» и «стиля» произведения, с биографическими и библиографическими комментариями к нему. Типичный представитель современного буржуазного эмпиризма, Л. не торопится с выводами и обобщениями. Правда, он пытается подвести путем сообщения ряда конкретных данных к некоторому целостному восприятию личности и творчества исследуемых им авторов, но не выходит здесь за пределы общих рассуждений о «духе эпохи» и «духе французской нации», сочетая документальность и насыщенность фактическим материалом с засильем психологизма, индивидуальными характеристиками при неумении дать типовые социальные зарисовки. Так, говоря о жанре слезной комедии, Л. выводит его из ряда личных особенностей Нивелля де ля Шассе и его предшественников, почти не упоминая о социальных предпосылках к созданию этого жанра; аналогичным образом поступает он и с сатирой Буало и с «вольтерьянством», объясняя то и другое литературное явление личными особенностями характера

писателей и национальными чертами французского народа.

Те же особенности метода Л. сказались и на его «Истории французской литературы» [1894], выдержавшей до 10 изданий. Исследуя французскую литературу начиная с X в., с первых лит-ых текстов, и кончая началом текущего столетия (особенно подробно останавливаясь на XVII—XIX вв.), Л. соединяет хронологический принцип изложения с формальным критерием и ведет исследование по литературным родам (лирика, драма, эпос). Следуя укоренившимся во французском литературоведении со времен Монтескье и Вильмена традициям, Л. кроме лит-ых произведений исследует яз. и композицию современных им сочинений исторического, мемуарного, моралистического и религиозного характера.

Всех тех писателей, которые противостоят своим творчеством «духу времени», Л. объявляет нетипичными для него, «заблуждающимися», отсталыми от данной эпохи или, наоборот, «застрельщиками», «инициаторами» нового века. Так, признавая основным принципом XVIII в. атеизм, Л. определяет Сен-Симона как пережиток XVII в., а С. Эвремента и Фонтенеля—как «первых ласточек» энциклопедизма.

Исследовательская установка Л. подчеркнута индивидуалистично: «Не следует упускать из виду,—пишет он,—что история литературы имеет целью характеристики отдельных писателей и что в основе ее лежат индивидуальные впечатления индивидуальной интуиции... она изучает не виды или категории, но Корнеля, Расина, Гюго...» Разбивая изучение многообразия лит-ры на вереницу отдельных монографий, тем самым делая невозможным установление конкретных этапов лит-ого процесса, Л. приходит к отрицанию за историей лит-ры прав на научность; историю лит-ры нужно знать, но, изучая литературу, нужно помнить, «что ее нельзя изучить, ею можно заниматься, разрабатывать ее и любить».

Помимо указанных трудов Л. принадлежат справочные указатели—«Manuel bibliographique de la littérature française» [1912], несколько работ по методике и прикладной поэтике—«Principes de composition et de style, des conseils sur l'art d'écrire», «La méthode de l'histoire littéraire», в последнем издании [1925] включающая в себя три статьи, написанные в разное время: 1. «Leçon d'ouverture du cours d'éloquence française» [1904]; 2. «L'esprit scientifique et la méthode de l'histoire littéraire» [1909], переведена Гершензоном и комментирована им в 1919 (см. «Видение поэта»); 3. «Quelques mots sur l'explication de textes» [1892]. Работы этого последнего типа при полной их методологической беспомощности дают немало полезных методических указаний по работе с книгой, по технике библиографии и критике текста.

Библиография: 1. На русский яз. перев.: История французской литературы, 2 тт., изд. Солдатовой, М., 1897 (т. I. Средние века. XVII в.; т. II. XVIII век); То же с 3 тт., изд. «Образование», СПб., 1897—1899 (т. I. XVII век, перев. С. Венгеровой; т. II. XVIII век,

перев. П. Морозова; т. III. XIX век); История французской литературы. Современная эпоха, перевод К. Баратынской, изд. Лешковского, М., 1909; Метод в истории литературы, перевод и послесловие М. Гершензона, изд. «Мир», Москва, 1911 (ср. переизданию в издате М. Гершензона «Видение поэта», Гиз, М., 1919); Nivelles de la Chaussée et la comédie larmoyante, 1887; Principes de composition et de style, des conseils sur l'art d'écrire, 1887; Bossuet, 1891; Boileau, 1892; Quelques mots sur l'explication de textes, 1892; Histoire de la littérature française, 2 vv., 1894—1923; Hommes et livres, Préf., 1895; «Revue de synthèse et de métaphysique», 1900, août; Cornelle, 1898; L'histoire littéraire et la sociologie, «Revue de métaphysique et de morale», 1904, juillet; Voltaire, 1906; L'art de la prose, 1909; Manuel bibliographique de la littérature française moderne, 4 vv., 1912; Culture allemande, humanité russe, 1915; Esquisse d'une histoire de la tragédie française, 1920—1926.

II. Morceau P., Le victorieux XX siècle, 1911—1925; Thienne H. P., Guide bibliographique de la littérature française, 1906; La méthode de l'histoire littéraire, 1925 (Études françaises étudiées sur l'initiative de la société des professeurs français en Amérique); реп. Г. В. Плеханова на ил. Лансона, «Литературное наследство», кн. I, 1931. В. Д.

ЛАНЦЕЛОТ (Lancelot del Lac)—знаменитейший из рыцарей Круглого стола. Чудесное воспитание Ланцелота феей озера (откуда его прозвище), многочисленные перипетии его любви к королеве Джиневре—супруге короля Артура (см.), тщетное его участие в поисках святого Грааля, добыть который ему препятствует тяготящийся над ним грех прелюбодеяния, магические чары ложной Джиневры, зачатие им чистого от греха Галаада, овладевающего Граалем, покаяние и смерть Ланцелота—составляют важнейший сюжетный цикл прозаического рыцарского романа (см.). Сюжет Л. появляется в артуровском цикле сравнительно поздно. Его совершенно не знают кельтские источники, не затронутые французским влиянием. В стихотворном куртуазном эпосе его разрабатывают: «Рыцарь в тележке» (Le chevalier de la charrette) Кретьена де Труа (см.) и «Ланцелот» Ульриха фон Пашихофен (конец XII в.); Л. играет также более или менее важную роль в ряде менее значительных романов, как «Dieu Klon» Гейнриха фон дем Тюрлин (ок. 1215), «Ригомер» и др. В прозаическом французском романе XIII в., представляющем разложение и циклизацию куртуазного эпоса, сюжет Л. становится в центре повествования; к нему приспосаблиются, с ним контаминируются сюжетные циклы Мерлина, поисков святого Грааля и гибели короля Артура. Так создается около 1215 большой прозаический роман о Л., лежащий в основе многочисленных переделок и пересказов почти на всех европейских языках (немецком [Ульрих Фюетерер и его продолжатели], голландском, итальянском, английском (куда относится и печатная «Mort d'Arthur» Малори, XV в.), испанском, португальском) и в течение веков определяющий тематику рыцарского романа. Все исторически засвидетельствованные обработки сюжета Л. в своей основной части без особых затруднений могут быть сведены к «Chevalier de la charrette» Кретьена. Так. обр. сюжет Л. в его основной части—проявлением нарушающей узы церковного брака и обеты феодальной верности любви вассала Л. и королевы Джиневры—оформляется у Кретьена де Труа—основополож-

ника и величайшего мастера куртуазной литературы во Франции—в романе, написанном по намерению самого автора для пропаганды нового «куртуазного» мировоззрения и нового воззрения на любовь. Сюжет Л. является так. обр. частью этой литературы—выразительницей первых проблем нового индивидуалистического мировоззрения, с его реабилитацией земной радости и земной любви, с его сублимацией сексуальных отношений в форме «служебной даме» (см. «Куртуазная лит-ра»). Традиционные элементы сюжета—если таковые вообще имелись—теряют по сравнению

thek des lit. Vereins in Stuttgart); среднеголландский стихотворный пересказ, изд. Jonckbloet, s'Gravenhage, 1846; английский (шотландский) пересказ XV века, Stevenson, 1865; английский прозаический пересказ—Т. Малори (Mort d'Arthure)—ряд изданий, лучшее: O. Sommer, London, 1899; итальянский прозаический пересказ—старопечатное изд., 1558, переиздано 1862. П. Вахтольд, Lancelot des Ulrich von Zatzikhofen, Frauenfeld, 1870; Maertens P., Zur Lancelotsage, Strassburg, 1880; Weston J. L., The Legend of Sir Lancelot du Lac, London, 1901; Lot F., Étude sur Lancelot en prose, P., 1918. См. «Куртуазная лит-ра», «Роман» (разд. «Роман рыцарский»). Р. Шор

ЛАПО ДЖАННИ (Lapo Gianni)—итальянский поэт второй половины XIII и начала XIV вв., флорентийский нотариус, произведения которого—баллады, канцоны и сонеты—сохранились в многочисленных сводных рукописях XIV—XVIII вв. О личной жизни Лапо Джанни сведений не сохранилось: во флорентийских актах и документах этой эпохи упоминается о нескольких Эрнесто Ламма установить тождество одного из них с поэтом остается мало убедительной.

Лирическая продукция Л. Д. образует как бы связующее звено между любовной схоластикой Гвидо Гвиницелли (см.) и болонской школы и поэзией dolce stil nuovo (см.). С поэтами «сладостного нового стиля» Л. Д. связывали очевидно и узы личной дружбы—Данте (см.) посвящает свой знаменитый сонет о «закарованном чельне» Гвидо Кавальканти (см.) и Л. Д.: «Guido, vorrei che tu e Lapo ed io...» («Гвидо, я хотел бы, чтобы ты и Лапо и я...»).

Черты dolce stil nuovo выступают уже достаточно четко в творчестве Л. Д. Как у Гвидо Кавальканти и Данте, и у Л. Д. образ земной любви превращается в символ высшего совершенства, поклонение которому очищает от скверны и суетности: «Благородный промысел, который обращаю к юной владычице, мне явившейся, побуждает меня презреть низость и подлость» (баллада «Dolc'è il pensiero»). Как у них, у Л. Д. переносятся на возлюбленную с «ангельской красотой» (angelica bellezza) традиционные славословия гимнов к Мадонне: «Как волхвов звезда, так ведет меня любовь узреть ее» (баллада «Si come i magi»). Философское содержание лирики Л. Д. соединяется у него, как и у других поэтов dolce stil nuovo, с «земной», реальной все же концепцией любви—отсюда восхваление «радости» и «веселой юности», прославление «нежного смеха», «сияющих, как звезды очей» и «белокурых кос». Но стиль Лапо Джанни еще схоластичен—его манера медлительна, важна, порой суховата, и лиризм его канцон подавляется нередко схоластически-утонченным обсуждением проблем любви и смерти.

Библиография: I. Rime di Lapo Gianni, a cura di E. Lamma, Imola, 1895; *Liriche del «Dolce stil nuovo»*, a cura di E. Rivalta, 1906; *Lapo Gianni e Alfani Gianni*, Rime, Edizione completa a cura di E. Lamma, 1912. R. S.

Заглавные буквы средневековой рукописи романа «Ланцелот»

с новой тематической установкой свою значимость. Возможно, как предполагают некоторые исследователи, что история Л. и Джаневры представляет собой (как и история Клийдкеса и Фенисы в другом романе Кретьена) лишь «куртуазную» переработку сюжета Тристана и Изольды (см.). Во всяком случае индивидуалистическая и антицерковная заостренность сюжета была воспринята достаточно четко. Об этом свидетельствует огромная популярность сюжета в эпоху начинающегося распада феодализма; об этом свидетельствует и оценка сюжета Ланцелота у Данте (см.), вкладывающего в уста Франчески да Римини знаменитую ссылку на роман о Л. («Божественная комедия», Ад, п. V, терц. 43—46). Момент протеста против традиционных форм идеологии и быта в сюжете Л. не ускользнул и от Теннисона (см.): поэт-лауреат пресуевающей викторианской буржуазии воспринимает и трактует как сугубо «постыдный» и «греховный», подрывающий устои общества, эпизод любви Л. и Джаневры («Idylls of the King»).

Библиография: I. Издания текстов: «Chevalier de la charrette» Кретьена—лучшее издание: W. Foerster, Halle, 1899; *Roman de Rigomer*, W. Foerster, 1908; *Lancelot*, K. A. Hahn, Frankfurt a/M., 1845; *Die Kröne*, Scholl, Stuttgart, 1852; прозаический французский роман, сохранившийся в многочисленных рукописях и печатных изданиях с XV века—The vulgate version of the Arthurian romances, ed. by H. O. Sommer, Washington, 1908—1911; *Der altfranzösische Prosaroman von Lancelot del Lac*, Marburger Beiträge, 2, 6, 8, 1911—1912; пересказ на французский современный яз.: Paris G., *Les romans de la table ronde*, P., 1868—1877, III—IV; прозаическая версия немецкого пересказа Фюетера, Peter, 1886 (Biblio-

ЛАПОРТ Рене [René Laporte, 1905—] — современный французский писатель. Дебютировал поэмами «Да здравствует жизнь» (*Vive la vive*, 1926) и «С веревкой на шею» (*La corde au cou*, 1927). Издатель тулузского журнала «Свободные тетради» (*Les cahiers libres*). Писатель деградирующих слов мелкой буржуазии, Л. предстает в своих произведениях как мечтатель, к-рый, не находя выхода в активном протесте, уходит от жизни в мистические искания. Особенно ярким выражением последних служит роман «Исцелитель» (*Le guérisseur*, 1928), где автор видит единственное спасение для рушащегося капиталистического мира в деятельности потусторонних сил. Творчество Лапорта продолжает развиваться в этом же плане. Так, весь его последний роман «Джойс» (*Joyce*, 1930) базируется на любви двух персонажей романа к несуществующей женщине, Джойс, являющейся лишь продуктом их воображения. Эта болезненная призрачность образов и их отношений накладывает на все творчество Л. печать мертвенности и загнивания.

А. Е.

ЛАПУЭНТ Савиньен [Savinien Lapointe, 1812—1893] — французский поэт-ремесленник. Из ремесленной верхушки. Р. в Саве (Savoie), почти всю жизнь провел в Париже.

По ремеслу — сапожник. В юности работал в сапожной *chambre* — артели-обшестии. Участник июльской революции 1830 и республиканских восстаний против июльской монархии. Подолгу сидел в тюрьме Сент-Пелажи, где и начал литературные опыты. Печататься стал в 1840 в «*Ruche populaire*» — в период обозначившегося в рабочей и ремесленной верхушке разочарования в заговорщицком бунтарстве и мелкобуржуазно-интеллигентском политическом руководстве. Л. попал под влияние мирного мелкоремесленного экономического и культурничества, враждебного политике (которую они ассоциировали с буржуазной интеллигенцией) и проникнутого религиозно-утопическими настроениями. На Л. обратили внимание сен-симонист Оленд Родриг и Ламенне, а

с другой стороны — Беранже и Эжен Сю (Л. считал себя учеником Беранже, которому впоследствии посвятил «*Mémoires sur Béranger*», 1857). В сборнике Родрига «*Poésies sociales des ouvriers*» [1841], сыгравшем при всей тенденциозности позднесен-симонистского отбора литературного материала историческую роль введения в литературу рабочей (точнее — предпролетарской) социальной поэзии, Лапуэнту уделено первенствующее место.

В 1844 вышел сборник Л. «*Une voix d'en bas*» с предисловием Эжена Сю, включавший также его драму «*Les Juifs sous Charles VI*». Стихотворения этого сборника, тяжеловесные по форме (растянутость, риторичность, напыщенность под Ламартина и пафос под Гюго), не лишены достоинств (волнующие повествования из быта рабочих). Романтическая тоска отживающего свой век ремесленничества по средним векам сочетается с гимном труду и индустрии, самоутверждением молодой рабочей поэзии и суровой критикой социальных противоречий. Вместе с тем в сборнике отразилось разочарование в бунтарской интеллигенции и в политике вообще, в к-рой рабоче являлись гораздо больше орудием, чем самостоятельной силой. Характерные Л. черты утопизма часто накладываются на не менее характерный живописно-идиллический фон. Сборник Л. «*Echos de la Rue*» [1850] — значительное достижение автора в отношении эластичности и самостоятельности формы — отображает эволюцию настроений Л. в эпоху февральской революции и Второй республики. Февральская революция 1848 и особая, уже самостоятельная роль рабочих масс в ней всколыхнули Л. Поэма «*Les deux maçons*» [1847] — глубоко драматическая повесть о товарищеской жертвостности рабочих, хотя и не возвысившаяся еще до общеклассового содержания. «*Les enfants de Paris*» [март 1848] — боевой гимн февральской революции. В резком противоречии с ними стихи 1850 — призыв к религии и обращение к Луи Наполеону, к-рого Л. убеждает ограничить роль «организатора республики». В 1848 Л. напечатал цикл социальных сатир «*Prolétariennes*» (в сотрудничестве с Ш. Деля) и выступил социалистическим кандидатом на выборах в Учредительное собрание, но потерпел неудачу. В 1849 под влиянием глубокого разочарования рабочих масс итогами февральской революции призывает — в форме кукольной комедии «*Vaquette à Polichinelle*» — парижских рабочих не ввязываться из-за Учредительного собрания в вооруженный конфликт с Луи Наполеоном и не способствовать возможному поражению восстановления монархии. Тем не менее при Второй империи Лапуэнт вместе с частью верхушки ремесленнической интеллигенции под влиянием идей так называемого «наполеоновского социализма», аналогичных русской зубатовщине, сблизился с монархией; он променял ремесло на место мелкого чиновника, хотя и предпринял издание специального журнала для сапожников, и посвятил Наполеону III поэму

«L'homme de Sainte Hélène» [1869]; за это император бросил ему денежную подачку. После Франко-прусской войны и падения Наполеона III Л. выступил убежденным бонапартистом. Он отчасти отразил настроения того небольшого правого крыла ремесленничества из смежных пролетариату кругов, которые, растерявшись после разгрома Коммуны, искали выхода в противовес реакционному и роялистски настроенному Национальному собранию в так наз. «наполеоновском социализме», якобы не успевшем выполнить свою программу.

В «Espérance Nationale», издававшейся на деньги низложенного Наполеона III и искавшей симпатий бывших коммунаров, Л. писал свои «Dimanches d'un prolétaire» [1872]. В 1873 он написал бонапартистскую поэму «Sédan».

Библиография: I. Кроме указ. в тексте: Poésies complètes, P., 1863 (вышли только первые 2 выпуска); La politique d'un prolétaire montmartrois, s. a.; Contes, P., 1856; Mes chansons, P., 1859; Le Monde industriel, Paris, 1862; Chanson libre, Paris, 1877; Le christianisme dans la rue, Paris, 1887; En ce temps-là (contes), Paris, 1888.

II. Sue Eugène, Préface, к сборнику Ларбо «Une voix d'en bas», P., 1844; Писать Беранже, Гюго и Гюгана к Ларбу, там же; Rodrigues Ollivier, Poésies sociales des ouvriers, P., 1844.

А. Дробинский

ЛАРБО Валери (Valéry Larbaud, 1881—) — французский писатель. Начинатель «космополитического» течения в современной французской литературе. Ознакомил Францию с рядом английских писателей от Сам. Бетлера до Джойса, с испанским писателем Рамоном Гомес де ла Серва. Являясь постоянным сотрудником английских и аргентинских изданий, он в течение ряда лет помещает в них статьи о французской лит-ре, которые пишет непосредственно по-английски и по-испански. Л. начал свою лит-ую деятельность рано: 15 лет он издал книгу стихов «Les Portiques» (Портики, 1896). В начале XX в. Л. определялся как поэт империалистической крупной буржуазии, интересной откровенной апологией капитализма. В «Обращении ко всем писателям и художникам», своеобразном «приказе по армии искусств» (сборник «Стихи богатого дилетанта» — «Les poèmes par un riche amateur», 1910), Л. возвещает полное господство буржуазного стиля в жизни и в искусстве: «Я люблю все крепкое, толстокожее, кричащее и богатое, все, от чего отдаст выскочкой. Поймите же, печальные нищие, я не товарищ вам». В оде «Стихи А. О. Барнабуса» [1923] о поезде-люкс, в вагонах к-рого «спят миллионеры», Л. воспекает движение без малейшего оттенка мистицизма, присущего динамизму мелкобуржуазного поэта Маринетты. Поэт относится к движению, как богатч к принадлежащему ему предмету роскоши.

Приняв свои стихи юному американскому миллиардеру Арчибальду О. Барнабусу, Л. создал и прозаический «Дневник А. О. Барнабуса» (A. O. Barnabooth, Journal d'un Milliardaire, 1913), в котором лирически, ласково-насмешливо доказывает: и миллиардер может иметь чувствительное сердце, и ему не чужды глубокие переживания, благородные побуждения, — эти бед-

няки несправедливы, презирая тугих «самодовольных» богачей.

После «Дневника Барнабуса» Л. продолжает работать в области психологического жанра. О тонкости его психологического метода дают представление книги: «Enfantes» [1918], — на психологии ребенка, подростка, юноши он вообще как бы специализировался, — «Fermine Marquez» и особенно «Amants, heureux amants» [1921—1923], где он разрабатывает прием «внутреннего монолога», отталкиваясь от метода, которым написан «Улисс» Джойса (см.). Космополитизм этих книг выражается в том, что герои их принадлежат к самым разнообразным «экзотическим» нациям (например креолы) и всегда готовы отправиться даже в такую «экзотическую» страну, как Россия.

Библиография: I. На русск. яз. перев. «Дневник Барнабуса», А. О. Barnabooth, ses œuvres complètes, c'est à dire: un conte, ses poésies et son journal intime, Bruges, 1913 [16*]; «Nouvelle Revue Française», 1914 [12*].

II. Лейтейсен М., Валери Ларбо, «Печать и революция», 1928, II; Clouard H., La poésie française moderne des romantiques à nos jours, P., 1924; Crémieux V., XX siècle, I série, 4 édition, P., 1924; Lefèvre Fr., Une heure avec... V. II, 1927.

Я. Фрид

ЛАРИН Кюэсти [Каарло Кюэсти Ларсон, 1873—] — финский поэт-лирик. В начале своей лит-ой деятельности пишет проникнутые юмором лирические стихи на темы из деревенской жизни, затем переходит к городским темам, пишет пьесы, новеллы, а также переводит скандинавских писателей. Его стихи «Корпинякноя» (Видение тайги) пользуются большим успехом. Л. — автор ряда баллад-былин. Он пишет языком, понятным широкому народному массам. Не прымкая к какой-либо политической группировке и являясь сторонником теории «искусства для искусства», Л. выражает настроения мелкобуржуазной интеллигенции. После поражения в 1918 пролетарской революции в Финляндии он вместе с другими буржуазными писателями клеветает в своих произведениях на рабочий класс.

ЛАРОШ София (La Roche, 1731—1807) — немецкая писательница. Дочь врача. Издавала «Ежемесячный журнал для немецких дочерей». Широкою известность приобрела написанным в манере Ричардсона (см.) романом в письмах «Geschichte des Fräuleins von Sternheim» [1771]. В романе изображены переживания девушки, к-рая принуждена выйти замуж за недостойного и нелюбимого человека. Современная критика признавала за Ларош большое мастерство в изображении человеческих страстей и чувств. За названным произведением последовали: «Moralische Erzählungen» [1782], «Geschichte von Miss Long» [1789], «Schönes Bild der Resignation» [1795], «Melusinen Sommerabende» [1806] и др. Этими произведениями Л. кладет начало немецкому роману для семейного чтения, в к-ром значительное место уделено нравственному поучению и культуре бюргерской добродетели.

Библиография: II. Wieland Ch. M., Briefe an S. von La Roche, 1820; Goethe, Briefe an S. v. La Roche und Bettina Brentano, 1879; Bach A., Neues aus dem Kreise: La Roche und Brentano, «Euphonia», Band XXVI, 1925.

Е. П.

ЛАРОШФУКО Франсуа [François de La Rochefoucauld, 1613—1680]—французский писатель. Герцог и блестящий придворный. Л. принимал самое деятельное участие в политической жизни Франции той эпохи, был противником Ришелье и Мазарини, играл видную роль в движении «фронды», стоял в центре больших интриг. Удалившись от двора, Ларошфуко поддерживал тесную связь с салонами мадам Сабле и мадам Лафайет. В 1662 опубликовал «Мемуары», а в 1665 «Réflexions ou Sentences et Maximes morales», сначала анонимно. С 1665 по 1678 вышло 5 переработанных и дополненных изданий. Неизменный успех «Максим» объясняется афористической четкостью мышления автора. Классовая точка зрения аристократа не маскируется стремлением отметить «общечеловеческие» недостатки и особенности характеров, служившие неизменным предметом обсуждений в салонах, посетители которых проявляли свое остроумие в обсуждении выдвинутых картезианской философией вопросов морали, религии и природы эмоций. Личный опыт сложной политической игры в «макиавелизм» эпохи фронды определил основные взгляды Л., для которого главным стимулом деятельности человека является эгоизм: человек любит, потому что приятно, если и его самого любят, человек милосерд, потому что ему неприятно видеть страдания, и т. д., словом, «все добродетели теряются в расчете, как реки в море», и «пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств».

Современники высоко ценили умение Л. отмечать тончайшие оттенки явлений, находить выразительные и вместе с тем крайне сжатые идейные формулы, его меткость в характеристике предмета и т. п. Основной прием Л. правильно указан французской критикой—он сводит рассматриваемую добродетель к смежному с ней недостатку: великодушные или храбрость—к тщеславию, честность—к желанию внушить доверие в корыстных целях и т. п.

Как историко-культурная фигура Л.—типичный показатель общих упадочнических моментов в идеологии французской аристократии XVII века. Герцог Ларошфуко понял, что абсолютизм одержал победу над той частью феодальной знати, которая ему сопротивлялась. Мало того, он убедился в том, что она продала свои притязания на политическую власть за те выгоды, которые предоставит ей абсолютизм. Общий упадок класса не мог не сказаться в утрате традиционных феодальных доблестей, в неустойчивости таких, казалось бы, неизменных его устоев, как честь и гордость аристократии. Л. в течение своей бурной жизни пришлось быть свидетелем того, насколько мнимыми оказались эти добродетели в новых социально-политических условиях. Отсюда—крайний пессимизм, мизантропия Л., обобщившая его разочарование в своей классовой прослойке. Разложение последней, ослабление в ней социальных связей определили крайний индивидуализм Л., сосредоточенность его на личных переживаниях,

которые подвергаются обостренному самоанализу. Убеждение Л. в испорченности человеческой природы лишь формально связано с янсенизмом, популярным в то время религиозным течением, по существу же является продуктом кризиса мировоззрения фрондировавших против абсолютизма феодально-аристократических группировок.

Библиография: П. Киричников А. И., Французская литература в эпоху псевдоклассицизма, во Всеобщей истории литературы, под ред. В. Керша, т. III; Vinet A., Les moralistes français au XVII s. La Rochefoucauld, Paris, 1837; Prévost-Poradot, Etudes sur moralistes français, Paris, 1865; Bourdeau J., La Rochefoucauld, P., 1895.

ЛАРРЕТА Энрике [Enrique Larreta, 1875—совр. аргентинский писатель представитель домашнего стиля в современной аргентинской лит-ре. Получив юридическое образование, занялся политической деятельностью и изучением международного права; неоднократно был избираем депутатом аргентинского национального совета; с 1910 по 1917 был аргентинским посланником в Париже. Ларрета—автор всего только двух романов, к-рые выдвинули его однако в первые ряды писателей Латинской Америки.

Первый роман Л. «Слава дон Рамиро» (La Gloriate don Ramiro, una vida en tiempos de Felipe segundo, 1908, рус. перев. К. Жихаревой, Подвиг дон Рамиро, Берлин, 1923, и М., 1928), в котором автор обнаруживает незаурядную добросовестность в собирании и обработке материала, посвящен Испании времен Филиппа II. В нем Л. не только воскрешает события и героев эпохи (конец XVI в.), но и воспроизводит всю обстановку и атмосферу, в к-рой они складывались, отличительные особенности и детали быта двух миров: красочного и жизнерадостно-мавританского мира, с одной стороны, и мрачного, чопорного, монастырско-католического—с другой.

Художник изображает движение морисков (крещеных мавров), делающих попытку ниспровержения испанского гнета, а также борьбу части старинной феодальной знати против режима Филиппа II, завершающуюся вооруженным восстанием. Роман этот проникнут аристократическими тенденциями, к-рые сочетаются с элементами мистического миропонимания (эпизод и др.). Высший подвиг героя произведения дон Рамиро заключается в том, что он отрекается от поисков земной славы во имя идеалов христианской мистики. Те же аристократические тенденции, не замаскированные исторической обстановкой, еще отчетливее выступают во втором романе Л. «Согойби» (Zogoibi, 1926), действие к-рого развивается в Аргентине наших дней. На фоне любовной истории Л. пыгается дать картину жизни богатого поместья современного аргентинского землевладельца, однако его изображение страдает крайней односторонностью, поскольку Л. не способен видеть и понимать представительнейших классов, кроме господствующего; последнее обстоятельство вызвало резкие выступления радикальной аргентинской критики против Л. как против

реакционера - аристократа, смотрящего на мир «сквозь монокль» своей кастовой ограниченности.

Библиография: I. Подвиг дон Рамиро, перевод К. Жихаревой, с предисл. и примеч. Г. Лозинского и И. Крачковского, Берлин, 1923 (Всемирная литература); в этом же переводе, но под названием «Слава дон Рамиро», изд. «Круг», М., 1928.

II. Рец.: Игнатюв С., «Печата и революция», 1928, V.

ЛАРСЕН Карл [1860—1930]—датский писатель. В литературе выступил в 90-х гг. Лучшие его произведения—«Kresjan Westebro» [1847], «Старый квартал» [1899]—обрисовывают жизнь и обитателей современного Копенгагена. Перед глазами читателя

проходит вереница «странных и примечательных людей». Все они принадлежат к разным слоям городской мелкой буржуазии, умонастроения которой Л. отражает в своем творчестве. Мелкобуржуазной моралью пропитаны его романы, посвященные проблемам семьи и брака. «Современная брачная история»—апологетика современного буржуазного брака, «основанного на любви»,—«Исповедь женщины» и «Записки Акселя Галк» весьма сложны по психологической запутанности произведения.

Последние произведения Л., написанные во время и после империалистической войны, проникнуты мелкобуржуазным пацифизмом. Специально войне посвящены полупублицистические очерки «Народ в войне» и «Банкрот милитаризма». В них война рисуется бессмысленной бойней, к-рую можно объяснить только низким уровнем культуры воюющих.

По художественной манере Л.—импрессионист, его произведения—это мозаика отдельных впечатлений и образов. Ему принадлежит также несколько очерков путешествий: «Поэтическая Германия», «Прекрасная Португалия» и др.

Л. Б. **ЛАСАРИЛЬО-де-ТОРМЕС**—см. «Роман», раздел «Плуттовской роман».

ЛАСК Берта [Berte Lask, 1887—]—революционная немецкая писательница. Огромный сдвиг в мировоззрении радикальной

немецкой интеллигенции, обозначившийся под влиянием событий 1918—1919, наложил свой отпечаток на первые поэтические произведения Л. Ранний сборник ее стихотворений «Stimmen» (Голоса, 1919), точно так же как и лирико-драматическое произведение «Senta» (Сента, 1921), стоит под знаменем немецкого послевоенного экспрессионизма. Для них характерен тот отвлеченный тон призыва ко всему человечеству, к-рый был свойственен многим поэтам группы «Action» (см.). Однако мотивы соц.-полит. агитации, проявившиеся вначале в анархо-синдикалистском направлении, звучат у Л. более отчетливо и действенно. Революционная напряженность лирики Л., страстное стремление понять массы и быть понятой массам отличают ее от эгоцентристских социал-моралистов того времени и приводят к творчеству в формах ритмической прозы для коллективной декламации. Два произведения Л. этого жанра—«Weihe der Jugend» (Призвание молодежи, 1922) и «Weg in die Zukunft» (Путь в будущее, 1923)—написаны еще в тонах космической мечтательности и предсказаний о всемирном братстве, объединяющих и песнопевцев анархизма и представителей соц.-дем. чисто фразерского культа человечества и мира.

Бурная осень 1923 сблизила Л. с коммунистами. Ее книга для чтения для молодых пролетариев «Auf dem Flügelpferde durch die Zeitung. Bilder vom Klassenkampf der Jahrtausende» [1925], несмотря на ряд недостатков композиции, указывает на рост писательницы и понимание ею тех требований, какие должны предъявляться к книге для пролетарского юношества. Им удовлетворяет и рассказ «Wie Hans und Gretel nach Russland reisten» (Как Ханс и Гретель съездили в Россию, 1927). Наиболее значительны революционные драмы Л. После таких пьес, как «Thomas Münzer» (Фома Мюнцер, 1925) и «Befreiung» (Освобождение—16 картин из жизни немецкой и русской женщины от 1914 до 1920, 1926), Л. достигает высшей точки в развитии своего дарования в драмах «Leuna in 1921» (Леуна в 1921), «Drama der Tatsachen» (Драма фактов, 1927) и «Giftgasnebel über SSSR» (Газовая завеса над СССР, 1928). «Леуна в 1921» изображает борьбу рабочих-химиков во время восстания в Средней Германии, строго и точно следя за историческим ходом событий. Здесь писательница изживает мелкобуржуазные иллюзии, которые делала ее произведения не вполне приемлемыми для классово-сознательного пролетария. С 1923 по 1924 Берта Ласк сотрудничает в коммунистической прессе Германии.

Г. Гунтерт

ЛАСКА [Lasca, 1503 — 1580]—псевдоним Антонио Франческо Грацини, итальянского новеллиста XVI в., ярко и красочно отразившего в своих новеллах быт и настроения итальянской, гл. обр. флорентийской буржуазии. Аптекарь по специальности, Л. был основателем первой флорентийской «академии»—«Академии Мокрых» (Gli Umidi) и как член ее принял кличку «пискаря» (il lasca). Она сделалась его проч-

но утвердившимся лит-ым именем, под которым он опубликовал ряд комедий, сатир и новелл. Порвав с «Мокрыми», Ласка основал новую академию «Отрубей» (*Accademia della Crusca*), которая впоследствии приобрела громкую славу блюстителю чистоты тосканской речи. Среди пуристов, избравших своим образом стиль Бокаччо, Л. выгодно отличался своей превосходной прозой. В новеллах Л., как вообще в новеллах XVI в., уже чувствуется отчуждение от народа и его говора. Новеллы Л. «Вечера» (*Cene*) представляли в противоположность sentimentalным мотивам многих других новеллистов того времени своеобразное развитие комических элементов «Декамерона» Бокаччо. Большинство новелл Л.—с гротескным и бурлескным уклоном. Его буффонады носили далеко не безобидный характер: это были шутки злые и беспощадные. Жестокость уживалась с изысканной учтивостью и напускной sentimentalностью у представителей буржуазии данной эпохи, по выражению одного критика—твердых и холодных, как сталь, находивших удовольствие в такого рода лит-ре, к-рая могла бы позабавить Калигулу и его гладиаторов».

Библиография: I. Новеллы итальянского Возрождения, набр. и перев. П. Муратором, т. II, ч. 3, М., 1912; *Le rime burlesche*, edite ed inedite di A. F. Gracini, detta il Lasca, per cura di C. Verzone, 1882; *Cene*, per cura di C. Verzone, 1890.

II. *Gentile G.*, Delle Comedie di A. F. Gracini detto il Lasca, 1896; *Pizzi F.*, L'anima del Cinquecento, la lirica volgare, Milano, 1928. *Г. И.*

ЛАСКАРАТОС [1811—1901]—новогреческий беллетрист и критик. Происходил из знати Ионийских островов. Учился в Италии. По окончании университета вернулся оттуда на родину и вскоре выпустил роман «Кефалонийские тайны»; этот роман дает широкую картину нравов современной Греции. Л. описывает ужасающее состояние дела народного образования, беспросветную нищету, бессилие и лень бедных и разврат богатых. За свои резкие высказывания о религии Л. был торжественно отлучен от церкви и должен был искать убежища в Англии. По возвращении на Ионийские острова он издает сатирический журнал, направленный против господствовавшей бюрократии. За свою прямоту и нападки на греческую администрацию Л. в дальнейшем не раз подвергался тюремному заключению. В греческой лит-ре Л. стоит особняком, представляя собой тип морализирующего интеллигента, борющегося с национальной ограниченностью отечественной буржуазии.

Библиография: II. *Lebesque Phyllas*, La Grèce littéraire d'aujourd'hui, 1906; *Палас*, *Графика*, 1913; *Perron*, Etudes de la littérature grecque moderne, I et II séries, 1910—1918; *Hesseling*, Littérature grecque moderne, 1929.

ЛАСКЕР-ШИЛЕР Эльза [*Else Lasker-Schüler*, 1876—]—немецкая писательница; примыкает к группе молодых экспрессионистов, куда входили: Бени, Блей, Брод, Верфель, Шикеле и др., печаталась в различных журналах («Die weissen Blätter», «Saturn», «Die Action», «Sturm» и др.). Для творчества Ласкер-Шилер характерен: протест против капиталистической механизации,

борьба за индивидуальность, гибнущую в тисках железной необходимости. Л.-Ш. не может освободиться от своего эгоцентризма. Почти каждое произведение ее—исповедь. Преобладающей идеей писательницы, представляющей сильно ущемленные капитализмом слои мелкобуржуазной интеллигенции, является уход от действительности. Творчество Ласкер-Шилер насыщено восточной экзотикой, идиллической фантастикой («Книга Петра Гилле», 1907). Мотив ухода в «мир грёз» характерен и для таких ее произведений, как «Фиванский принц» (*Der Prinz von Theben*, 1914) или «Ночи Тино из Багдада» (*Die Nächte Tinos von Bagdad*, 1907). Библиейскими мотивами проникнуты ее «Еврейские баллады» (*Hebräische Balladen*, 1913).

Заостренная субъективность определяет основную поэтический род творчества Л.-Ш.—лирику—и все структурные приемы ее творчества. Лирическое стихотворение является у Л.-Ш. наиболее свойственной ей формой самовысказывания. Отдельные впечатления, настроения и переживания нанизываются друг на друга. Компановка их в замкнутое целое удается ей редко.

Библиография: I. *Styx*, 1902; *Die Wupper*, 1909; *Meine Wunder*, 1914; *Gesammelte Gedichte*, 1916; *Die Kuppel*, 1920; *Der Wunderbariner von Barcelona*.

II. «Das Literarische Echo», 1918—1919—1921; *Martens*, Die deutsche Literatur unserer Zeit, Berlin, 1921; *Naumann H.*, Jungste deutsche Dichtung, 2 Auflage, Jena, 1923; *Soergel A.*, Dichtung und Dichter der Zeit, Neue Folge, Im Banne des Expressionismus, 5 Auflage, 1927; *Wiegand*, Geschichte der deutschen Dichtung, 1929; *Fischer E.*, Lasker-Schüler. 3. С.

ЛАССАЛЬ Фердинанд [*Ferdinand Lassalle*, 1825—1864]—немецкий политический деятель и писатель. Р. в Бреславле. Учился в Бреславле и в Берлине; в юности примы-

кал к радикальному младеггелянству, не вступая в более близкие отношения с каким-либо определенным течением. В 1845 выступил в защиту прав графини Гатцифельд против ее мужа и вел деятельную борьбу за ее интересы. В 1848 познакомился в Рейн-

ской провинции с Марксом и Энгельсом; участвовал, примыкая к ним, в революционном движении. Несмотря на постоянно обостряющиеся принципиальные и тактические разногласия Л. сохранял связь с авторами «Коммунистического манифеста» до 60-х гг. непрерывно. В 1857 переселяется из Дюссельдорфа в Берлин; публикует ряд научных произведений («Гераклит Эфесский», 1858, «Система приобретенных прав», 1860, работы о Гегеле, Фихте, Лессинге, полемические статьи против Юлиана Шмидта и т. д.), а также свою дарму «Франц фон Зиккинген» [1859]. В 1863 основывает Всеобщий германский рабочий союз, развивает в качестве его президента широкую агитацию и издает различные брошюры. 31 августа 1864 был смертельно ранен на дуэли.

Эстетические и литературно-критические воззрения Л. играют в его системе подчиненную, эпизодическую роль. Он высказывался по этим вопросам лишь в связи с общими философскими или политическими проблемами; его эстетические воззрения могут быть так. обр. представлены только в связи с ними. Л. был всю жизнь гегельянцем, и к тому же, по его собственному убеждению, — ортодоксальным гегельянцем. Произведенный Марксом переворот в понимании диалектики прошел мимо Л., несмотря на близкие одно время отношения с Марксом. До конца своей жизни Лассаль придерживался гегельянского идеализма и пытался включить в эту систему все свои экономические и исторические знания (следовательно также и то, что заимствовал у Маркса). Гегелевский объективный идеализм он постоянно защищал от попыток субъективистского истолкования и пересмотра, особенно в критике логики Розенкранца [1859], которая путем устранения категорий механизма, химизма и т. д. разрушала объективность гегелевского идеализма и направляла его по кантовскому пути. Полемизируя с Розенкранцем, Л. объявляет себя сторонником гегелевской философии в ее ортодоксальной целостности. Несмотря на эту ортодоксальность, Л. производит коренную перестройку системы Гегеля, особенно в «Системе приобретенных прав» (§ 1, Сочинения, немец. изд., IX, стр. 139 и след.), где требует для всякой исторической науки не «логически неизменных понятий», а понятий исторических и с этой точки зрения критикует философию права Гегеля. Его требования впрочем находят свое высшее выражение лишь в том, что «Философия права» должна бы быть изложена так, как «Философия религии» того же Гегеля, только более точно и обстоятельно. Историзировать гегелевскую философию Л. пытается в своем наброске «Философия духа» еще в первой половине 40-х гг. (опубликован Густавом Мейером, IV, стр. 82 и след.); удаляя из схемы гегелевской философии духа «абсолютный дух», он проводит новый принцип разделения системы, охватывающей — в противоположность Гегелю — четыре части: 1. в себе-бытие духа, естественный дух (у Гегеля — субъективный дух); 2. внутреннее

становление духа, имманентное развитие (этого у Гегеля, как особой ступени, нет); 3. единство этих двух моментов. Последняя ступень распадается снова на три части, именно: а) религию, б) искусство, в) единство обоих моментов, частями к-рого опять-таки являются: а) право, б) «буржуазное общество» («Die bürgerliche Gesellschaft»), γ) нравственность или собственно государство. Наконец — 4. «Осознающий себя как этот процесс дух, осознающая себя диалектика истории, постигающая себя история». Связь юношеского наброска с более поздними воззрениями ясна после всего приведенного без дальнейших объяснений. Ясно также, что Л., несмотря на свою ортодоксальность, включает себя здесь в ряд тех философов послегегелевского периода, к-рые пытаются, придерживаясь в большой или меньшей степени метода Гегеля, исключить из его системы «конец истории»; этот ряд тянется «от истинных социалистов» до Фр. Т. Фишера. В основе всех этих идеалистических попыток снова примирить систему и метод Гегеля, взаимная противоречивость к-рых в 40-х гг. создавалась всеми, лежит непризнание исторически-классовой обусловленности гегелевской философии. Для Гегеля революционное развитие существовало в истории до Французской революции. Вместе с ней дух достиг самого себя, явилось царство разума, и «следовательно история существовала, но теперь ее больше нет» (Маркс — о буржуазной экономии). После июльской революции ни один буржуазный идеолог не мог представить себе положение так, как понимал его еще сам Гегель, который именно благодаря строгой последовательности всецело проникнут противоречиями своего классового бытия. Нужно было вытравить из прошлого революционный элемент, снизить его до второстепенного момента, растворив учение об исторической развитии в теории эволюции, выходящей за пределы настоящего (философия буржуазного либерализма, которая рано или поздно должна была привести к неизбежному разрыву с диалектикой даже в ее идеалистической форме). Либо нужно было пытаться мысленно преодолеть исторический процесс, который через 1830 и 1848 ведет к дальнейшим революционным переворотам, посредством преобразованной гегелевской диалектики. Л. избрал последний путь. Игнорируя общее материалистическое требование поставить диалектику «на ноги», равно как и произведенный Марксом и Энгельсом решительный переворот в понимании отношения между государством и обществом, он вынужден воспроизвести в своей системе все противоречия гегелевского идеализма и притом в более высокой степени. Во многих отношениях Л. еще более идеалистичен, чем Гегель. Этот идеализм преграждает ему путь к пониманию пролетарской революции. Так как он без всякой критики воспринимает идеалистический гегелевский взгляд на отношения между обществом и государством, на роль сознания в истории и т. д., то настоящие революционные проблемы, к-рые вскры-

вают Маркс и Энгельс, находятся вне поля зрения Л. Его критика буржуазного общества, капитализма и т. д. приобретает под влиянием социалистической лит-ры очень резкий тон, но в то же время и романтический привкус, т. к. критикуемое кажется ему вырождением, падением с высоты классического периода (периода Лессинга—Шиллера—Фихте—Гегеля). В рамках борьбы пролетариата за освобождение и в связи с ней идеализация государства как регулятора классовых борьбы, как общего, противостоящего эгоистически-частному в хозяйственной жизни, должна неизбежно приобрести реакционный характер. Так, в форме резких антиномий выступают противоречия гегелевской системы: Лассаль, который хочет быть передовым борцом революционного пролетариата, беспрерывно колеблется между якобинством, продолжением радикальных традиций буржуазной революции, с одной стороны, и «тори-чартизмом»—с другой. Эти основные противоречия выражаются затем во всех пунктах его теоретической и практической системы, так напр. в вопросах о взаимоотношении сознания и бытия, свободы и необходимости, экономики и политики, о «реальной политике», в национальном вопросе и т. д.

Этим определяются и общие контуры эстетических проблем у Л. В юношеской работе о «философии духа» Л. ставит искусство в противоположность Гегелю выше религии, но и то и другое вместе—опять-таки в противоположность Гегелю—ниже государства. Это античное (и одновременно также якобинское) понимание искусства, его безусловное подчинение высшей необходимости истории и политики является основой всей концепции искусства у Л. Так, он сочувственно интерпретирует гераклитовское отрицание Гомера и Архилоха как представителей «астрологического» фатализма прошедшей эпохи, как представителей «старых сил»; более поздние эстетические оценки Л.—прославление Лессинга, бесплодная насмешка над историком лит-ры Юлианом Шмидтом—носят тот же отпечаток. Еще резче подчеркивается подчиненный характер искусства в фрагментах его юношеской статьи: «Искусство содержит по сравнению с религией тот момент, что здесь абстрактное, идея, подчиняется своей абсолютной противоположности, внешней форме, в то время как реализация (идеи), как религия совершается внутри самого внутреннего мира. Но этим самым абсолютное никогда не достигает в искусстве своего истинного адекватного бытия...» Здесь Л. порывает с гегелевским понятием классического. У Гегеля абсолютное выражается как созерцание, представление и понятие (первому этапу соответствует греческое искусство как классика, двум последним—романтическое, вернее искусство нового времени, как разложение и конец искусства). Благодаря этому он дает, правда, проникнутую мистицизмом историческую теорию искусства, но в то же время обосновывает, хотя и идеалистическими аргументами, объективность разви-

тия искусства, изменение его содержания и формы, связь содержания и формы с определенными эпохами исторического процесса. В лассалевском понимании искусство низводится до чисто субъективного выражения, что могло бы быть прогрессом по сравнению с Гегелем, если бы эта субъективность обуславливалась объективной диалектикой материальной действительности, если бы это понимание вело к отрицанию самостоятельного исторического развития искусства. Но этого нет и в помине. Поскольку Л. механически подчиняет искусство «духу времени», обе ошибочные тенденции гегелевского мышления, как «некритический идеализм», так и «некритический позитивизм» (Маркс, Подготовительные работы к «Святому семейству»), выступают у него еще резче, чем у самого Гегеля. Искусство снижается до простого симптома развития «Духа»; неравномерное развитие, «неравное отношение между развитием например материального производства и художественного» («Введение к критике политической экономии») не рассматриваются даже как проблема. Между художником и «духом времени» устанавливается такая же механическая связь, как и у позитивистов XIX в., на которых также отчасти повлиял Гегель, напр. у Тэнна (ср. лассалевское толкование Лессинга). Некритический характер этого позитивизма подчеркивается еще тем, что «эпохи» Л.—лишь результат насильственных идеалистических построений, которые ради самой конструкции ставят решающие факты просто на голову, например в характеристике Фридриха Великого как «революционера» (также в ст. о Лессинге). Но этим самым диалектический характер мышления Л. часто уничтожается даже на идеалистической почве; оно становится неподвижным, схематичным, движущие противоречия реального исторического развития исчезают и уступают место упрощенному схематизму (таково например понимание Л. крестьянской войны как чисто реакционной). С другой стороны, благодаря тому же подходу вся теория искусства Л. содержит большую долю субъективного произвола. Уже в его юношеских произведениях отдельные поэты выступают лишь как иллюстрации, как примеры развития «Духа» (напр. Дидро в письме Л. к друзьям в середине сентября 1845, Мейер, I, стр. 222—223). Метод, к-рый Л. пытается заимствовать из «Феноменологии духа», Маркс критикует по поводу «Системы приобретенных прав» самым строгим образом: «Идеологизм проникает все, и диалектический метод применяется неправильно. Подведение массы «случаев» под некоторый общий принцип Гегель никогда не называл диалектикой» (Письмо к Энгельсу от 9 декабря 1861). Но как-раз механическое подведение отдельного «случая» под общий «принцип» должно превратиться вследствие идеалистически-конструктивного характера всей методологии Л. в субъективистский произвол: история перестраивается ради «принципа», и «пример» иллюстрирует уже произвольную, чуждую исторической почве концепцию.

Это противоречие резко обнаруживается в лассалевской трагедии. Он делает Франца фон Зиккингена героем драмы, к-рая должна по его собственным словам представлять трагедию революции как таковой, хотя ему самому ясно, что Зиккинген является в сущности представителем реакции и в о г о направления (Письмо к Марксу и Энгельсу от 27 мая 1859, Мейер, III, стр. 185 и след.). Основная мысль драмы—трагический конфликт—не берется таким образом из реального исторического процесса, чтобы затем быть воплощенным в художественную форму, а, наоборот, произвольно вносится в историю согласно субъективному, заранее составленному мнению автора. Фабула становится простой иллюстрацией тезиса поэта, образы—примерами, выражающими его личные взгляды. Этот чисто идеалистический взгляд на отношение исторической драмы к истории и современности связывает Л., с одной стороны, с немецкой классической драмой (Шиллер) и с теми современными ему поэтами и теоретиками искусства, к-рые, исходя от Гегеля или по крайней мере под его влиянием, стремились к созданию новой драмы (напр. поэт Геббель и эстетик Фр. Т. Фишер). С другой стороны, этот взгляд резко противопоставляет его в этой же области представителю революционно-материалистической диалектики—Марксу и Энгельсу. Исторические события той эпохи неизбежно привели к тому, что революция стала центральной темой драмы, а также и теории драмы. Фишер («Эстетика», § 136) также обозначает революцию как подлинную тему трагедии, и драматическая практика того времени развивается в том же направлении. Но если Фишер—в духе буржуазного либерализма—сводит проблему революции к всеобщей вневременной борьбе «старого» с «новым», «преобразования» с «существующим», если значительнейшие драматурги того времени пали настолько, что воспели контрреволюцию (Людвиг, *Der Erbfürst*, 1850; Геббель, *Agnes Bernauer*, 1855), то для Л. эта тема означает самокритику революции и в 1848—1849 в поэтической форме. Л. со своей постановкой вопроса занимает среднюю позицию между пролетарски-революционной точкой зрения Маркса и Энгельса и буржуазно-либеральной точкой зрения Фишера. Последним его связывает формальная и а д е с т о р и ч е с к а я постановка вопроса, непонимание с п е ц и ф и ч е с к и х проблем революции 1848—1849. Вследствие этого в произведении Л. отсутствует понимание специфических проблем эпохи Зиккингена, а с другой стороны, во всем строе драмы налицо абстрактная противоположность между доведенной почти до степени мифологического представления исторической необходимостью вообще (у Геббеля эта неизбежность облачается уже в чисто мифологические формы) и индивидуальной «свободой» действия (трагическая вина). Так, обр. Л., несмотря на свои намерения, стоит объективно-теоретически на той же почве, что и Фишер. С Марксом и Энгельсом

его связывают революционная тенденция, понимание необходимости революционной самокритики. Но как только он пытается конкретизировать эту самокритику, непримиримое противоречие резко обнаруживается. Это противоречие можно кратко сформулировать следующим образом: Маркс и Энгельс ставят самокритику на конкретную почву. Связь этой самокритики со всей совокупностью обстоятельств эпохи Зиккингена Энгельс формулировал еще в 1850 в своей работе о «Крестьянской войне в Германии» как проблему революционного вождя, к-рый «вынужден взять власть в свои руки в эпоху, когда движение еще недостаточно созрело для господства класса, представителем которого он является». Итак—это трагизм в положении с л и ш к о м р а н о явившегося революционера. Поэтому Маркс и Энгельс и выдвигают—в противоположность Л.—Томаса Мюнстера как подлинного героя этого периода и упрекают Л. в том, что он пренебрегает плебейскими слоями, оставаясь в буржуазных рамках (лютеранство, национальное единство вообще). Л., напротив, видит центральную проблему, трагедию революции как таковой в том, что его герой еще не совсем отошел от класса, к к-рому он принадлежал по своему рождению и воспитанию, что этот отход происходит с л и ш к о п о з д н о; его герой действует дипломатически, «реально-политически», а не революционно и тем вызывает свою гибель. Самокритика является у Л. так. обр. критикой неустойчивого, нерешительного образа действий демократической буржуазии, прежде всего интеллигенции, во время революции 1848, между тем как у Маркса и Энгельса самокритика была критикой политической и организационной слабости пролетарской партии (совершенно в духе «Обращения к союзу коммунистов», 1850).

Различное направление самокритики указывает на различное представление о движущих силах революции у Маркса—Энгельса и у Л. Первые ожидали в 1848 буржуазной революции, перерастающей в революцию пролетарскую, и на первом этапе революции видели поэтому в буржуазии, тогда еще прогрессивной, в мелкой буржуазии, крестьянстве и пролетариате совокупную разрушительную силу, направленную против феодальных пережитков и прогнившего абсолютизма. Это «единство» однако дифференцируется от этапа к этапу как-раз благодаря объединенным под гегемонией пролетариата и подталкиваемым вперед силам демократии (политика «Новой рейнской газеты»). Имея в виду перспективу новой революции, Маркс и Энгельс (после 1848) ясно видели, что либеральная буржуазия будет, разумеется, с самого начала играть в ней контрреволюционную роль. Роль, которую она играла в 1848, возьмет на себя мелкобуржуазная демократия, по отношению к к-рой тактика рабочей партии такова: «Она идет с ней вместе против фракции, низвержение которой она имеет целью; она противопоставляет ей во всем, в чем она хочет укрепиться для самой себя» («Обращение к

союзу коммунистов). В связи с этим энергично выдвигается союз с крестьянством (предисловие к «Крестьянской войне» и др. места). Так, Маркс пишет Энгельсу (16/IV 1856): «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию новым изданием „Крестьянской войны“». Тогда дело пойдет превосходно». В противоположность этому Л. вообще не мыслит возможности союза с крестьянством. Его концепция была сначала абстрактной, общедемократической, затем, после разочарования в образе действия «демократия», уверившись, не гнушающейся даже союзом с феодальным абсолютизмом против «общего врага» — буржуазии. Роль пролетариата в революции понимается им таким образом совершенно абстрактно: представление о «единой реакционной массе» (с идеалистически-гегелевским пониманием роли государства и не менее идеалистическим представлением о «союзе между наукой и рабочим классом» на заднем плане) дает ему «свободу» для оппортунистических зигзагов в духе «реальной политики» (союз с Бисмарком).

Трагедия формальной революционной идеи «*rag excellence*», которую хотел представить Л., оказывается так. обр. внутренним противоречием на крайнем левом фланге буржуазной демократии в период, когда революционный пролетариат уже вступил на историческую сцену. Совершенно ясно, что уже в подборе материала (у Л. — Зиккинген, у Маркса и Энгельса — Мюнхер как подлинный герой крестьянской войны) проявляется глубокое противоречие между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Л. — с другой. Первые стоят на передовом посту пролетарской революции; последний ведет безнадежную борьбу в арьергарде буржуазных революций. К тому же Л. никогда не уяснил себе вполне своей же проблемы (подлинной темы своей трагедии). То, что он стилизует ее в некую «вечную» трагедию, показывает, что он не видит ее реального классового базиса. Это положение определяет также с эстетической и художественной стороны его место между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Фишером — Гебелем, с другой. Что касается художественного стиля, то Л. возвращается к Шиллеру, особенно к его «Дон-Карлосу» и «Валленштейну». Маркс и Энгельс резко критикуют слева это «шиллеризирование» и требуют «шекспиризации»; это является конкретно художественной стороной их критики: они хотят сказать, что настоящие классовые отношения эпохи Зиккингена, особенно плебейские слои, должны были быть обрисованы широко и красочно, выдвинуты больше на передний план, а главные действующие лица трактованы не столь схематично, т. е. сознательно сведены к их классовым основам. Абстрактная патетика Шиллера неизбежно ведет к отвлечению от конкретных проблем революции. Совершенно противоположна критика Шиллера у Фишера и Гебеля: они хотят заменить революционный пафос и революционный субъективизм (сильно повлиявшее, правда, наследие Руссо и якобин-

цев) эволюционным объективизмом, умеренным реализмом или даже реакционно-мистическим «смыслом истории». Шекспир Фишера означает так. обр. крайнюю противоположность того, что Маркс и Энгельс понимают в своих письмах к Л. под «шекспирированием». Л. хочет, оставаясь между этими двумя течениями, вернуться к Шиллеру как поэтическому выражению революционного «принципа» в развитии Германии. Его обращение к Шиллеру является в то же время его обращением к якобинской традиции буржуазной революции, под знаменем которой он хочет повести все силы исторического прогресса на борьбу против «старых сил» и во имя которой он бичует вырождение и упадок немецкой буржуазии и пытается посредством критики толкнуть ее на дальнейшую борьбу.

Период Лессинга — Шиллера — Гегеля является для Л. классической эпохой в собственном смысле слова, к-рая в идеологическом и художественном отношении представляет масштаб для суждения о настоящем, если даже оно неизбежно и вынуждено историей к прогрессу. «Зиккинген» должен был быть средством для подталкивания немецкой буржуазии вперед, на путь революции, на который она нерешительно вступила в 1848—1849, чтобы сейчас же предательски ее покинуть. Попытка Л. должна была потерпеть неудачу. И чем яснее становится для самого Л. факт этой неудачи (не общественные его основы, к-рых он по-настоящему никогда не понимал), тем сильнее выступают на первый план романтические черты его мировоззрения. Другими словами, чем более ясно становится ему то, что буржуазия окончательно отказалась от своих собственных революционных и тем самым культурных традиций, тем романтичнее акцент, приобретенный его временно замершей, теперь же резко выраженной критикой капиталистического общества. При этом нельзя сказать, что дело идет о совершенно новых мотивах в системе Л.; уже письма и статьи 40-х гг. содержат очень резкую критику капитализма, к-рая часто сопрягается с мотивами и аргументацией радикального младогегельянства. Л. всегда чувствовал и считал себя революционным социалистом, коммунистом. Но вся очерченная выше система Л. влечет за собой то, что эта критика капитализма, этот социализм либо исчерпывался якобинской тактикой революции вообще (т. е. буржуазной революции) либо принимал характер романтического отрицания капитализма. Философская основа этой постановки вопроса — в идеализме Л., в его идеалистически-гегелевском понимании взаимоотношения между государством и буржуазным обществом и — в тесной связи с этим — в его недialeктическом понимании отношения между свободой и необходимостью. Государство и вместе с ним сфера права (а не классовая борьба на экономической основе) всегда остаются для него отправным пунктом в освобождении человечества. Если рушилась надежда создать государство якобинского типа 1793—1794 путем

объединения всех прогрессивных элементов общества (Зиккинген как император, опирающийся на союз лютеранства, гуманистов, рыцарей, городов и крестьян), то для Л. не существовало никакой другой возможности, как при мобилизации «рабочего сословия» против экономически-эгоистической культурно-упадочной буржуазии опираться на государство как таковое. Царству необходимости в экономике (железнодорожный закон заработной платы) у Л. без опосредствования, недialeктически всегда противостояло царство свободы в образе государства. Теперь эта теория обнаруживает свой романтически-антикапиталистический характер. В своем полемическом произведении «Бастия-Шулльце фон Делич» [1864] Л. пишет: «Из этого общественного положения (при к-ром рабочий превратился в вещь — Г. Л.) не существует поэтому на пути общественном никакого выхода. Единственный путь для рабочих может поэтому вести лишь через сферу, внутри которой они еще признаются людьми, т. е. через государство... Отсюда инстинктивная, но безграничная ненависть либеральной буржуазии против идеи государства во всех ее проявлениях» (V, стр. 275—276).

Эта теория привела Л. политически к Бисмарку. Поэтому временный конфликт между прусской буржуазией и Бисмарком по вопросу о пути и методе, о классовой гегемонии в отнюдь не революционном объединении Германии, сделавшемся экономически неотвратимым, Л. не анализирует конкретно, в связи с классовой борьбой пролетариата против обеих сторон, напротив, он облекает этот конфликт в мистическую форму вечного противоречия между буржуазией и «понятием государства». И этой механической, получившей мистически характер необходимости он противопоставляет затем абстрактно, романтически, индивидуалистически свою «свободу» и свою «реальную политику». Хотя в политическом отношении Л. совершает здесь поворот, все же философские основы этой позиции даны с самого начала в его системе, изменяется только акцент в приложении его принципов.

Мы уже указывали на проблему «реальной политики» в связи с «Зиккингеном»; приведем только еще одно место из письма к Марксу и Энгельсу, в к-ром он защищается против критики его драмы: «Критически-философское понимание истории (т. е. гегелевское понимание ее — Г. Л.), в к-ром железная необходимость неразрывно следует за необходимостью и поэтому исключает действие индивидуальных решений и поступков, именно потому не является почвой ни для практически-революционного действия, ни для представленного драматического действия» («Nachlass», Mayer, III, S. 188).

Если Л., стоя на этой теоретической почве, борется против буржуазии, то его критика капитализма, буржуазной культуры, литературы и т. д. должна приобретать все более усиливающийся романтич. акцент. Специфическим в этой романтике является лишь то, что для нее идеальной мерой, с помощью

к-рой взвешивается и признается слишком легковесной культура капитализма, являются не средние века (как напр. для Карлейля в «Прошлом и настоящем»), а, как уже показано, Германия периода Лессинга—Шиллера—Гегеля. То, что вся эта установка находится в скрытом внутреннем противоречии к сближению Л. с Бисмарком, то, что он так, обр. в силу своей «реальной политики» становится эклектичным даже как романтический критик капитализма,—все это не было осознано Лассалем.

Во всяком случае его литературно-критические высказывания последнего периода понятны лишь как часть этой кампании против прусской буржуазии. Сочинение, направленное против буржуазно-либерального историка лит-ры Юлиана Шмидта, является некоторым образом введением к сочинению против буржуазно-либерального экономиста Шульце. Рейнская речь Л. («Празднества, пресса и франкфуртский съезд депутатов», 1863) с ее острейшей критикой буржуазного газетного дела совершенно ясно обнаруживает эту связь лит-ой критики с критикой капитализма. Л. защищает в этой полемике все лучшие традиции немецкой буржуазии. По отношению к ее идеологическому упадку, сказавшемуся в период назревающего компромисса с Гогенцоллернами и полной ликвидации собственного революционного прошлого также и в области культуры и лит-ры, критика Л. является очень меткой. Но т. к. он сам все больше отдалается от революционной точки зрения, да еще не замечая того, что правильные суждения не могут приобрести настоящего обоснования. Он устанавливает бросающиеся в глаза случаи невежества, банальности, извращения и т. п., напр. когда историк лит-ры Юлиан Шмидт средневековый свод законов XIII в. «Швабское зеркало» спутал с антологией «швабской поэтической школы». С острейшей иронией бичует Л. критику, которой Шмидт подвергает Гёте, Шиллера, Фихте и Гегеля, осуждая в них все, что выходит за пределы горизонта лучшего прибыли, в остальном желая только покоя буржуа его времени, как фальшивое, преувеличенное, устаревшее и т. д. Шмидт был теоретиком немецкой буржуазии, уже созревшей для компромисса, буржуазии, для которой даже Гунков был слишком революционером, буржуазии, сделавшей своим классиком Густава Фрейтага. Полемика Л. против подобного рода истории лит-ры (против нее между прочим выступил также и Геббель, разумеется справа) является по существу почти везде справедливой и с уничтожающей силой поражает все симптомы идеологического вырождения немецкой буржуазии. Но благодаря позиции самого Л. его полемика витает в воздухе и становится романтически-морализующей культурной проповедью, обличающей капитализм и призывающей к покаянию. Это внутреннее противоречие совершенно ясно указывает на отмеченный выше эклектизм лассалевской политики (а его лит-ая критика является всегда только частью его политики) и обу-

словливает также полные противоречия литературно-исторические связи и влияние этих сочинений. С одной стороны, они многообразно соприкасаются в области культуры с романтическим антикапитализмом от Карлейля до Анти-Штрауса Ницше, с другой — они сильно повлияли на историко-литературные взгляды Франца Меринга, к-рый несмотря на свое сильное пристрастие к Л. видит, правда, его романтические «преувеличения», как напр. критика прессы в вышеприведенной речи, оценка Фридриха Великого как революционера и т. д. Но даже для Меринга это только преувеличения и отдельные ошибки; он не понимает принципиальной ошибочности всей системы Л. В переоценке немецкой классики Меринг следует за Л., и благодаря ему многие историко-литературные взгляды Л. сохранили еще влияние в немецком рабочем движении. Но это влияние является косвенным. Лит-ые критики соц.-дем. после отмены закона против социалистов являются большей частью носителями мелкобуржуазных взглядов и покидают вскоре ряды партии (Пауль Эрнст, Эрих Шлайкер и др.). Влияние Меринга в этой области становится все сильнее, и его оппоненты (группа «Социалистического ежемесячника») занимают позицию, и в лит-ом отношении гораздо более правые, чем позиция Л. Только на учеников Меринга (напр. Венделя) лассалевская оценка немецкой классики, особенно Шиллера, Гейне и др., также оказывает влияние, но посредником и здесь является Меринг.

Когда после войны наступает «Возрождение лассальянства» (Рейнер, Гайнш, Кельсен и др.), то оно обращается в первую очередь к философскому идеализму и к теории государства; эстетические вопросы остаются нетронутыми. Капитуляция перед реакционной буржуазией делает строгую критику современного искусства невозможной, а прославление классики как предшественницы «демократической» Германии 1918 (Анна Симсен, Клейнберг и др.) уже не может иметь акцент, резко отрицательный по отношению к настоящему, как у Л. и у Меринга. Только у романтически-оппозиционных одиночек, как например у венского журналиста Карла Крауза, который одно время стоял очень близко к австрийской соц.-дем., но затем порвал с ней, именно вследствие мелкобуржуазной оппозиции против развращенности соц.-дем. прессы, можно ощутить некоторую родственность с позицией Лассали (критика капиталистической прессы и ее влияния на культуру); все же и здесь остается сомнительным, может ли речь идти о непосредственном влиянии.

Библиография: I. Сочин. в 2 тт., перев. В. Зайцева, изд. Н. Полянова, СПб, 1870—1871 (т. I был изъят цензурой из продажи, т. II ею же уничтожен); Сочин., 3 тт., с прилож. очерка Э. Д. Бернштейна и Фердинанда Лассаль, его жизнь и значение для рабочего класса, 2-е испр. и дополн. изд., перев. В. Зайцева, изд. Н. Глаголева, СПб, 1905—1906; Сочин., 3 тт., изд. «Круг», М., 1925; Избранные сочин., Изд. М., 1920 (вступ. очерк А. Богданова); Франц фон Зинквинген, историч. трагедия в 5 д., перев. А. и С. Крыль, СПб, 1873; То же, изд. «Знание», СПб, 1907; Письма Ф. Лассали и К. Марксу и Ф. Энгельсу, с примеч. и предисл. Ф. Меринга, перев. В. А. Шани-

на, СПб, 1905; Дневник (с предисл. П. Липиду), изд. Б. Н. Знобарева, СПб, 1901 (перевод на изд. Петр. сов. раб. и красноарм. деп., П., 1919); Логика Гегеля и логика Розенкранца и систематическое основание гегелевской философии истории, перев. И. Румера, «Под знаменем марксизма», 1925, IV (речь Лассали 1859 г.), на русском языке печатается впервые. *Gesammelte Schriften und Reden*, hrsg. von E. Bernstein, Berlin, s. a.; *Cassiger Paul*, V. XII, 1919; *Lassalle: Nachgelassene Schriften und Reden*, hrsg. von Gustav Mayer, B. VI, Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart—Berlin, 1921, ff.

II. П. Леханов Г. В., Лассаль, его жизнь и деятельность, ч. I, Женева, 1887 (перепеч. в «Сочин.», т. IV, М., 1923); Бель А., Ф. Лассаль, П., 1918; Из писем Маркса и Энгельса к Лассали, «Под знаменем марксизма», 1922, III; Майский В. Ф., Лассаль, М., 1923 (изд. 1-е, М., 1917); Маркс К. и Энгельс Ф., Письма. Теория и политика в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса, перев., статьи и примеч. В. В. Адоратского, изд. 2-е, М., 1923; Маркс К., Письмо к Кугельману, «Под знаменем марксизма», 1923, II—III (письмо 1865 г. посвящено целиком Лассали); Лукач Г., Литературное наследие Лассали, «Вестн. Коммун. академии», 1924, VII и VIII (по поводу изд. переписки Л. с Гансфельд, 1923, в 3 тт. писем Л., изд. под ред. Г. Мейера, 1921—1923); Памяти Лассали (1825—1925), Об. статей, под ред. Г. Маренко и И. Розанова, Гиз Украины, Киев, 1925 (работы целиком или в отрывках самого Л., работы Плеханова, Меринга, Маркса и Энгельса); В. И. Григоровича П., Ф. Лассаль, Гиз, М.—Л., 1926. Об эстетических воззрениях Лассали: Маркс и Энгельс о трагедии Лассали «Франц фон Зинквинген» (Переписка Маркса и Энгельса с Лассалем) и ст. Г. Лукача, Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зинквингена», «Литературное наследство», 1932, № 3. Ср. места о «Зинквингене»: Олсен Н., *Lassalle*, 4 Auflage, Stuttgart—Berlin (буржуазно-либеральное); *Mering*, *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*, B-de II—III, 2 Aufl., Stuttgart, 1903; Его же, *Anmerkungen zu Lassalles Briefe an Marx*, Aus dem literarischen Nachlass von Marx, Engels und Lassalle, B. IX, Stuttgart, 1902. О жизни и трагическом конце Лассали существует обширная, но довольно малоценная литература. Мы упоминаем лишь: *Spielhagen*, *In Reih und Glied*, 1866; *Meredith*, *The Tragic Comedians*, 1880.

III. П. Обель Э. и Гайдю П., Библиография литературы о Лассале с начала мировой войны, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II, М., 1925, стр. 474—497 (указано свыше ста назв. книг, брошюр, журнальных и газетных статей исключительно на немецком языке).

Г. Лукач

ЛАТИНИ БРУНЕТТО — см. «Брунетто Латини».

ЛАТИНИЦА — наряду с кириллицей (см.) и глаголицей (см.) одна из славянских азбук, представляющая применение букв латинского алфавита для начертания славянских звуков. Первые попытки такого применения известны еще до кириллицы и глаголицы, но эти попытки долгое время не приводили к строго выдержанной системе письма. До нас дошли так наз. фрейзингенские отрывки X—XI вв., содержащие образец древнейшего типа такого бессистемного письма применительно к славянскому яз. К значительно более позднему времени относятся дошедшие до нас памятники чешской и польской письменности. Древнейшие чешские рукописи, написанные Л. (если не считать отдельных слов: глоссы в латинских манускриптах, имен собственных, местных названий, приводимых разными авторами, начиная с XI в.), относятся к XIII в., польские — к XIV в. Т. к. латинский язык не содержал ряда звуков, свойственных славянским языкам (например *ш, ж, ч*), то в древних памятниках, писанных Л., один славянский звук изображался иногда сочетанием нескольких латинских букв, и одну букву приходилось употреблять для обозначения разных звуков.

Напр. звук *j* изображали то посредством *i* (*iego*), то посредством *g* (*gich*—*йих*), то посредством *y* (*gey*—*йей*). Те же буквы *i* и *y* употреблялись и для обозначения звуков *i* и *u* (*ty*—*ты*; *wini*—*вины*), а *g* кроме *j* означало и звук *g* (*iego*—*его*). Такое несовершенство алфавита и связанные с этим графические приемы весьма затрудняли чтение. В чешскую Л. первым внес упорядочение правописания Иоанн Гус. В трактате «*De orthographia*» [1411] он предложил так наз. диакригическую систему письма, по которой недостающие для изображения чешских звуков буквы создавались путем постановки надстрочных знаков над некоторыми латинскими буквами. Так, обр. для звуков *ш*, *ж*, *ч* были введены «*š*», «*ž*», «*č*»; мягкость согласных изображалась точкой над соответствующей буквой, значком же обозначалась и долгота гласных. Двумя буквами (*ch*) изображался лишь звук *x*. Система Гуса легла в основу как работ последующих ученых, так и современного чешского правописания. Л. словаков и хорватов близка к чешской Л. Основоположником упорядочения польской Л. является ученый XV века Паркош. Современное польское письмо содержит меньше надстрочных знаков, чем чешское. Здесь в ряде случаев звуки изображаются двумя буквами: *cz*=*ч*, *sz*=*ш*, *rz*=*ж* (или *ш*), *szsz*=*щ* (т. е. *шч*), *ch*=*х*. В настоящее время Л. распространена у западных славян: чехов, поляков, словаков, лужичан, а также на юге—у хорватов и словенцев. Распространение Л. среди западных славян стоит в тесной связи с экономическими и культурно-политическими отношениями славян к народам Зап. Европы и к римско-католической церкви (см. «Графика»).

Вследствие сильного влияния Запада на Русь в XVI—XVIII вв. Л. повлияла и на русскую азбуку, следствием чего явилось образование гражданского алфавита, а через русский гражданский алфавит латинизированы были и алфавиты болгар и сербов (см. «Графика»). В наше время в связи с латинизацией письменности многих народов СССР (см. «НА») поднимался вопрос и о переходе к латинизированному алфавиту тех народов СССР, которые пользовались до сих пор русской гражданской азбукой (русских, вост. финнов).

Н. К.

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (средневековая, римская и эпохи Возрождения)—см. «Римская лит-ра», «Средневековая латинская лит-ра» и «Ренессанс».

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК—яз. древних римлян, к-рые под именем латинян (отсюда и название яз.) в древнейшее время были обитателями Лациума, небольшой области центральной Италии на реке Тибре с главным городом Римом. Яз. Рима и его окрестностей постепенно распространился на огромное пространство вокруг бассейна Средиземного моря, от Гибралтарского пролива на Западе до реки Евфрата на Востоке и от Северной Африки до Великобритании. Л. яз. принадлежит к западной группе так наз. «индоевропейских яз.» (см.), по терминологии акад. Марра—яз. «протейдской системы»,

представляющей позднейшую стадию развития яз. яфетических (см. Марр Н. Я., Индо-европейские языки Средиземноморья, Доклад Академии наук», серия В, 1924).

Гипотеза Шлейхера и Моммсена о ближайшей связи Л. яз. с древнегреческим [указание на общность слов, относящихся к земледелию, отсюда заключение о греко-италийской культуре и т. д. (Моммсен, Римская история, т. I)] не нашла подтверждения, точно так же как не вполне доказанной остается ближайшая связь Л. яз. с кельтскими яз. (см.), на к-рую указывали некоторые ученые. Л. яз.—один из италийских диалектов. Обычно предполагают, что латиняне вместе с другими италийцами когда-то переселились на Апеннинский полуостров с севера, потеснив первоначальных его обитателей. Однако акад. Марр в своих работах после 1924 выступает против применения теории миграций к протейдским яз. Средиземноморья. Преобладание земледелия, отсутствие живого торгового обмена, связующего отдельные племена,—все это действовало членению италийского яз. на многочисленные диалекты, из к-рых (в противоположность диалектам греческого яз.) нам известны лишь очень немногие и то далеко не достаточно (Сопвай, The Italic Dialects, Cambridge, 1897). Из ближайших к Л. яз. диалектов известно напр. фалиское наречие гор. Фалерий, диалект Ланувия, пренестинское наречие гор. Пренесты (древнейший памятник—надпись на пряжке VI в. до христ. эры) и др. Более отдаленными от Л. яз. и обособленными диалектами являются умбро-сабелльские диалекты, из которых главные—осский и умбрский (осский в Кампании, отчасти в Самниуме, Лукании и Бруттиуме, умбрский в Умбрии). Их памятники—гл. обр. надписи: умбрские Игувинские таблицы, осские законы гор. Бантин (tabula Bantina II века до христ. эры и др.) и некоторые следы у римских писателей (Buck-Prokossch, Elementarbuch der oskisch umbrischen Dialecte, Heidelberg, 1905). Давнишние экономически-политические сношения с Этрурией (к северо-западу от Лациума), жители которой одно время даже владели Лациумом, повлекли скрещивание Л. языка с этрусским—историческим яфетическим яз. на европейской почве (о яз. этрусков—см. «Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии», составленный акад. Марром, Л., 1926). Наряду с разными заимствованиями, напр. из области театрального дела, процветавшего первоначально особенно у этрусков (ср. латинск. слово *persona*—маска), некоторые считают даже латинск. слово *Roma*—Рим—происхождения этрусского. Торговые морские сношения с южноиталийскими греками имели результатом очень раннее скрещивание Л. яз. с древнегреческим; этот последний скрещивался с Л. яз. отчасти и через посредство яз. этрусков, с к-рыми у греков были давнишние торговые связи. Все древнейшие латинские названия мер и весов заимствованы римлянами у греков, притом еще в доисторическую эпоху, т. к. многие греческие

слова уже подвергались латинским фонетическим изменениям, вытекающим из первоначальной постановки сильного экспираторного ударения на первом слоге. Распространение л. яз. явилось результатом римской экспансии, завоеваний и захвата новых рынков. Уже в половине III в. до христ. эры, с покорением Италии, диалекты вытесняются л. яз. из государственного официального обихода, однако долгое время остаются местными говорами в быту массы населения (самые поздние памятники государственного оскского диалекта—надписи на монетах начала I в. до христ. эры). Постепенно исчезнувшие диалекты оставили в л. яз. свои следы, связанные непосредственно с бытом: так, вошедшее в л. яз. оскское по своей фонетике слово *bos* (бык)—вместо закономерного латинского *vos*—отражает общие римлян с осками на почве скотоводства и т. д. (Egnout, *Les éléments dialectaux du vocabulaire latin*, 1909). К следам исчезнувших диалектов относятся вероятно также и произношение в народных низах двугласного (дифтонга) за один звук (монофтонг). Древнейшим памятником городского л. яз. является надпись VI в. до

Помпейский курсив I в. христ. эры. Надпись на восковой табличке, найденной в 1875 в доме Цицилия Юкунда

христ. эры, найденная в 1895 на форуме на разрушенной колонне под черным камнем (так называемая гробница Ромула). Далее сохранились эпитафии, написанные древнейшим сатурнийским стихом, отрывки гимна «Арвальских братьев» (духовной коллегии, связанной с сельскохозяйственными культами) и др. До позднего времени исполнялись гимны «Салиев», религиозного братства «скакунов», темный яз. к-рых, непонятный самим жрецам, удерживался в культовом употреблении. Захват рынков и завоевание эллинизированной Южной Италии [III в. до христ. эры], а потом [в середине II в. до христ. эры] и всей Греции влечет за собой сильное греческое влияние на л. яз. Эллинизм дает толчок развитию римской литературы и содействует оформлению литературного л. яз., от к-рого в результате социальной дифференциации начинает все более

отличаться яз. масс; с другой стороны, от стилизованного эллинизирующего лит-ого яз. отходит разговорный язык образованного общества. Уже комедии Плавта [начало II в. до христ. эры], по тематике рассчитанные на массу, написаны однако языком образованных слоев господствующих классов, лишь с некоторой примесью языка социальных низов.

В связи с влиянием греческой метрики стал формироваться поэтический язык. Поэт Эний, писавший в духе аристократии [первая половина II в. до христ. эры], впервые пользуется в своих стихах греческим гекзаметром (см.) и приспособляет к нему поэтический яз., вводя ряд греческих слов и оборотов. Яз. Эния делается нормой поэтического яз.; его усваивают Лукреций (см.) и несколько архаизирующий в связи с общим характером своего творчества Вергилий (см.). В лит-ый яз. входит много греческих слов, особенно в области философии (эпикурец Лукреций в своей поэме жалуется на бедность философского л. яз.). Эллинистической стилизации постепенно подверглась и проза. Первоначально ее языковой стиль отражал язык римской земледельческой аристократии, которая при своем консерватизме оказывала сопротивление эллинистическому влиянию. Сочинения крупного землевладельца Катона хотя и написаны грубым, древним, необработанным стилем, однако носят уже следы эллинистического влияния, выразившегося между прочим в применении некоторых элементов греческой риторики. Это влияние стиля греческой художественной прозы началось в известной степени со II века до христ. эры и стало основной особенностью латинского языкового стиля вплоть до «средних веков» включительно. В прозе, особенно ораторской, наблюдалась известная мерность, ритмичность речи, придававшая ей особую музыкальность; она достигалась такой расстановкой слов, при которой в прозаической речи образовывались части стиха, особенно перед паузой; получались эффектные клаузулы (см.), период разбивался на члены одинаковой звучности. К этому присоединялись полный параллелизм в порядке слов, часто поставленных антитетически, и наличие рифмы. Ритмичность и периодизация являлись основными компонентами греческого «азиатского» (азиатского) стиля (см. «Греческий яз.»). Этот витиеватый стиль оказал сильное влияние на римское красноречие, в особенности I в. до христ. эры, когда с обострением классовый и политической борьбы оно стало чрезвычайно страстным и патетическим (Гортензий, а также, в своих первых речах, Цицерон). Параллельно с «азиатизмом», как его антитеза, в римской городской среде появляется новый поэтический (см. «Катулл») и ораторский стиль—аттицизм (см.), т. е. подражание простому, аритмичному, но все же изящному стилю некоторых греческих ораторов V века до христианской эры. Одновременно с борьбой этих двух ораторских стилей среди писателей, особенно «грамматиков», идет поднятый еще в

середине II в. до христианской эры и продолжающийся в I в. спор аналогистов с аномалистами, касающийся установления норм лит-ого яз.; аналогисты, впервые представленные во II в. до христ. эры аристократией с ее склонностью к выработанной речи, стояли за рационализацию и нивелировку литературного языка, исключение из него всех незакономерных форм; аномалисты из учительской среды отстаивали существование аномальных форм, вошедших уже в обиход под влиянием живого разговорного яз. После падения республики, когда под давлением императорского режима, с прекращением открытой политической борьбы, замолкло свободное слово, ораторская проза превращается в напыщенную школьную декламацию: эффектные сентенции, не развивающие мысль, а в фигуральной, часто антитетической форме лишней раз ее оформляющие, целый фейерверк изысканных оборотов и словесной мишуры—вот особенности декламационного, того же «азианского» стиля. Этот культ риторической формы, в связи с общей вычурностью искусства императорского Рима, распространяется почти на весь лит-ый стиль эпохи. В лит-ре появляются мастера афористической стилиевой структуры, состоящей в накоплении метких сентенций. Далее яз. всей лит-ой прозы, начиная с ораторской, наполняется обязательными компонентами «азианского» стиля, усиливающими его возвышенность. Однако в I в.

TAIBUSINSIDISSEIATURINQ' AATESINONIS
CAIDITARISCAETIQ' DOLISLACRIMISQ' COLCTIS
QUOSNIQ' ITTIDISNICCLARISUSACMILLIS
NONANNIDOMI' FIDICIMNONMILLICARINAE

Капитальное письмо IV в. христ. эры. Ватиканская рукопись «Энеиды» Вергилия (отрывок из 2-й песни)

христ. эры этот господствующий языковый стиль вызвал среди реакционно-романтически настроенных слов писателей проповедь возврата к старому стилю II века до христ. эры. Возникают целые дискуссии о стиле, о художественной форме, предлагается (Квинтилиан) компромиссный возврат к стилю Цицерона и его времени. Во II в. христ. эры, в связи с социальным разложением и замирением живой творческой мысли, в среде господствующих классов струя архаизма усиливается, но распространяется не столько на стилистику, сколько на самый литературный язык: делается модным употреблять архаические обороты и формы, восходящие к III—II векам до христ. эры. При этом собственно стилевое построение речи могло и не подвергаться архаизации: так, с переносом лит-ого центра из Рима в романизованную Африку, в лит-ре некоторое время [II—III вв.] удерживается манерный африканский стиль—это тот же «азианизм», лишь получивший в обстановке восточной роскоши еще больше систематическое членение речи на маленькие одинаково звучащие строчки равной длины и т. д.).

От стилизованного лит-ого яз., как было указано, отличается разговорный яз. образованных слоев господствующих классов. Он отразился уже в комедиях Плавта (см.), но если у Плавта он включает еще некоторые элементы речи социальных низов, то комедии Теренция (см.) дают полное представление об изящном городском яз. образованных слоев того времени. Бойкий городской жаргон I века до христианской эры ярко отражен в лирике Катуллы (см.). Его же можно изучать в произведениях эпистолярного стиля—в письмах Цицерона [I в. до христ. эры], в переписке Плиния Младшего [I в.] и т. п. От яз. образованных верхов

III KL III KZ CERTAUNT EPISCOPAZU
DIE XX

LI A
maximo factum in die x hic
constat quod omniq. angelus
recurrat sacerdotum non falerent
hic factum dui u. p. b. v. die v. ep.
p. loca x. scriptum est ad usum pilae
v. kl. mai. certant episcopaz die xxi.

LI J
mo certant natione ab banonit ex
p. a. r. e. in nocentio factum xvi m i
die xxi. hic constat sabbatu
i. unu celebrari, q. d. o. quia sabbatu
die. in sepulcro positus est x. die. a. p. u.
i. unu. a. u. o. hic factum dui. m. p. d. e. t.
p. b. x. x. die x. u. ep. p. loca. l. m. i. f. a.
p. u. l. a. u. e. e. s. t. a. d. u. s. u. m. p. i. l. a. e. v. k. l. u. t. q. r.
f. a. u. t. e. p. i. s. c. o. p. a. z. d. i. e. x. x. i. s. x. l. i. i. i.

Z
omni natione graecis ex parte
apromio factum i. mensi die x. hic
constat uelut loca terna habi
rent de pulis binos amos p. p. r. o. d. u. s.

Каролинский минускул. Рукопись 796

в силу социальной дифференциации уже с конца III в. до христ. эры стал отходить яз. необразованной массы, к-рый в свою очередь расславлялся на яз. городской массы и сельского населения: напр. известно, что в яз. деревни ранее, чем в городском яз., произошла монофонгизация дифтонгов, характерная для романских яз. (см.). Памятниками «народного» лат. яз. являются: 1. Многочисленные надписи частного-бытового характера, напр. стеллы и надгробные надписи в Помпеях (разрушенных извержением Везувия в 79 христ. эры). 2. Лит-ые памятники, до известной степени отраившие яз. массы, напр. многие элементы в комедиях Плавта, элементы в яз. ателлан (см.) и мимов (см.), изображавших быт мелкобуржу-

азных и люмпенпролетарских слоев; чрезвычайно интересен язык романа Петрония (см.), ярко воспроизводящий жаргон некультурных вольноотпущенников и люмпенпролетариата. 3. Описки необразованных писцов в рукописях. 4. Поздние толкования непонятных слов (гlossarii). 5. Показания «грамматиков». 6. Заимствования из греческого яз. Подобно лит-ому яз. и «народный» Л. яз. подвергся в результате оживленных торговых связей сильному греческому влиянию. Вследствие много греческих слов вошло в него с распространением христианства, проникавшего в социальные низы (например baptizare—крестить, ecclesia—церковь и т. д.). И распространение Л. яз. в результате экспансии Рима шло гл. обр. по линии яз. масс: торговые сношения, римские колонисты, римские гарнизоны в покоренных землях и пр. В обширной области Средиземноморского бассейна этот «народный» разговорный Л. яз. начинает приобретать местные примеси; так постепенно уже в VIII—IX вв. (а в некоторых местностях вероятно и ранее) формируются романские яз. (см.); на Пиренейском полуострове—испанский и португальский, в Галлии—французский и провансальский, в Дакии—румынский, в самой Италии—итальянский с его диалектами. Но формирование романских яз. было подготовлено не только поздним «народным» Л. яз.; зародыши их можно констатировать в разные эпохи жизни этого языка; уже в яз. Плавта можно найти много романизмов (напр. употребление числительного unus в ослабленном значении, ср. формы неопределенного члена: в итальянском—uno, во французском—un и пр.); иные романизмы засвидетельствованы в I веке до христианской эры (монофтонгизация дифтонгов). Однако более консервативный латинский язык образованных верхов господствующего класса в гораздо меньшей степени поддавался трансформации в романские яз. Так, еще до окончательного завершения этого процесса «романизация» в языке масс, в феодальную эпоху сложился особый Л. яз. образованной верхушки («средневековая латынь») — яз. лит-ры (см. *Средневековая латинская лит-ра*), науки, правительства и духовенства разных рангов, отчасти и разговорный яз. интеллигенции. Это был конгломерат лит-ого Л. яз. чисто «народными» элементами и в разной степени с местными примесями, более сильными на севере и слабыми в самой Италии (готские, кельтские элементы, романский вокализм, исчезновение среднего рода, отступления от латинской орфографии, грубые гречизмы, особенно в переводных трактатах и т. д.). С ростом денежного хозяйства и торгового капитала в XIV—XV вв. светская буржуазная интеллигенция, «гуманисты», пытались возродить античную культуру, настаивали в качестве интернационального яз. строго «классический» Л. яз.; в своей борьбе с феодальной церковностью и схоластикой они противопоставляли его гибриднему Л. яз. духовенства. Но борясь, с одной стороны, с церковной латынью (Петрарка

сравнивал монашескую латынь с изуродованным деревом, не приносящим ни зелени ни плодов), а с другой—с крайним извращением Л. яз. в массах. Гуманисты нанесли в сущности смертельный удар все еще живому и гибкому Л. яз. феодальной эпохи. С этих пор их мертвый классический яз. проникает в лит-ру (ср. поэму «Африка» Петрарки в Италии, в Германии произведения Эразма, Рейхлина, в Англии XVI в. «Утопия» Томаса Моора и др.) и делается на долгое время яз. науки (ср. еще работы Ньютона, Лейбница и др. в XVII в.); отсюда, не говоря уже о романских яз., бесконечное количество латинских по своему происхождению научных терминов в немецком, английском, русском и др. европейских языках. Вытесняемый из всех областей актуального научного творчества с ростом буржуазных отношений, Л. яз. еще употребляется в наше время в некоторых научных филологических работах и в обиходе католического культа.

ГРАФИКА Л. ЯЗ.—Римляне заимствовали свой алфавит от греческих халкидских поселенцев на юго-западном берегу Италии. Об изменении начертаний знаков латинского алфавита—см. *«Графика»*.

Библиография: Кроме указанных работ: Linsay, *The latin language*, Oxford, 1894 (в немецком переводе, Lpz., 1897); Weise, *Charakteristik der lateinischen Sprache*, Leipzig, 1905; Norden E. d., *Die antike Kunstprosa*, I—II, Berlin—Leipzig, 1909 (история стиля); Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft*, Heidelberg, 1909; Grandgent, *An Introduction to vulgar Latin*, Boston, 1910; Kretschmer, *Lateinische Sprache, Einleitung in die Altertumswissenschaft*, hrsg. v. A. Gercke u. Ed. Norden, B. I, Lpz.; Ernout, *Morphologie historique du latin*, P., 1914; Streitberg, *Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft*, fasc. II, I, Strassburg, 1916; Sturtevant, *The pronunciation of Greek and Latin*, Chicago, 1920; Marouzeau, *Le latin, Dix causeries*, P., 1923; Meillet et Vendryes, *Grammaire comparée des langues classiques*, P., 1923; Stolz-Schmalz, *Lateinische Grammatik*, bearb. v. Leumann u. Hoffmann, 5 Auflage, München, 1928; Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, P., 1928. О фетидимах в Л. яз.—см. Марр Н. Я., *задл., Карфаген и Рим, fas et jus*, Сообщения ГАИМК, II; Егорове, *Лингвистический намечаемые эпохи развития человечества*, Сообщения ГАИМК, I; Егорове, *Смерть—преисподняя в месопотамско-египетском мире*, Докл. Акад. наук, 1924; Егорове, *Иберо-итало-отрусская иррациональная племенная среда образования индо-европейских языков*, Доклады Акад. наук, 1925; Егорове, *Первый средиземноморский дом и его ифетическое название*, Изв. Акад. наук, 1925; Егорове, *Ольвия и Альба Лонга*, Изв. Акад. наук, 1925; Егорове, *Ифетическое переименование в классических языках*, Доклады Акад. наук, 1929; Егорове, *К вопросу об историческом процессе в освещении ифетической теории*, М., 1930.

Н. Дергачев

ЛАТЫШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Земли, заселенные латышскими племенами, в конце XII в. были «открыты» ганзейскими купцами, создавшими на всем восточном побережье Балтийского моря свои торговые фактории. За экономической гегемонией немецкого торгового капитала в Прибалтике быстро последовала политическая его аннексия. Чтобы воспрепятствовать проникновению на Балтийское побережье русских купцов и сломить сопротивление, которое латышское, ливское и эстонское население оказывало организованному грабежу со стороны немецкого торгового капитала, над страной был объявлен протекторат римской церкви и бы-

ла установлена феодальная система управления. Так, обр. малые народы Прибалтики очутились под тройным гнетом—экономическим, военно-феодальным и церковным. Бурное развитие торгового капитала в XVI веке привело к падению независимости Ливонского ордена меченосцев, превратило часть феодалов в престоных помещиков, ведущих на своей земле крупное хозяйство с помощью крепостного труда, и положило начало росту торгово-ремесленных городов на месте торгово-гробительских факторий и феодальных замков. Латышское же население окончательно потеряло остатки своей племенной и родовой организации и было превращено в крепостных крестьян немецких баронов. Торговый капитал, который в интересах закрепления своей власти четыре века тому назад пригласил церковь быть протектором над Прибалтийскими землями, на новом этапе своего развития отказался от протектората церкви, стал на сторону реформации и низверг власть Рима. Эти крупнейшие изменения в политической и хозяйственной жизни Прибалтики однако не изменили национальных отношений: высшие классы (дворянство, духовенство, купцы) состоят и после этого исключительно из немцев—приехавших из Германии завоевателей, их потомков и небольшой группы туземной родовой знати, перешедшей в лагерь завоевателей и принявшей их культуру и яз. Латыши же, сохранившие свой яз. и нравы,—почти поголовно крепостные немецких баронов. Городские поселки—новые торгово-ремесленные центры—аккумулируют латышское крестьянское население, превращая крестьян в подмастерьев; но и тут происходит тот же процесс онемечивания посредством приобщения к ганзейско-немецкой ремесленной организации.

Так, обр. создалось положение, при котором в течение нескольких веков официальное политическое и культурное лицо страны было немецким. Письменность латышского края—кто бы по национальному происхождению ни был ее творцом—создавалась на латвийском и немецком языках. Творчество латышских народных масс в течение всего средневековья, а также всего периода торгового капитала, вплоть до XIX века, оставалось устным. На старых вариантах наслаивались новые, отжившие взгляды замещались новыми, и в конце XVIII и в начале XIX веков латышские народные песни приняли свою последнюю редакцию, записанную в 60-х—90-х гг., через крупную однако проглядывают все прежние формации. Таким образом латышские народные песни несут отпечаток всей истории закабаления латышского народа немецкими купцами, римской церковью и феодалами-помещиками. В них отображается борьба с немецким капиталом, а также и классовые противоречия в самом латышском крестьянстве и на этой основе эволюция мировоззрения латышского крестьянства (распад мифологии, воззрений на природу и т. д.); притом в них находят определенное отражение взгляды, мнения и настроения бед-

нейших и наиболее угнетенных слоев крестьянства конца XVIII и начала XIX вв. Эти народные песни, собранные Хр. Бароном [1835—1923], и народные сказки, собранные А. Лерхис-Пушкайтисом [1859—1903], изданные Российской академией наук, состав-

Титульный лист собрания латышских народных песен в изд. Академии наук

вляют единственный памятник латышского литературного творчества до середины XIX в. С ростом торгового капитала и внедрением реформации усилилась борьба между немецким, польским, шведским и русским торговым капиталом за захват Прибалтики. Постоянные войны вовлекли в эту борьбу верхушку латышского населения для поддержки той или другой из борющихся сторон. Это заставило реформированную церковь, служившую торговому капиталу орудием влияния на массы, обратиться к латышам с проповедью на их родном яз., для чего необходимо было прежде всего снабдить духовенство переводами богослужебных книг. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще католиками в период их борьбы против реформации, но особенно развилась эта деятельность во время шведского владычества, так как шведы вели борьбу против сепаратизма прибалтийских немцев. В 1526 появляется перевод на латышский яз. «Отче наш»—первый письменный документ на латышском языке, а сорока годами позднее—весь катехизис. В период шведского владычества переводятся псалмы, а в начале XVIII в. пастор Эрист Глюк переводит Библию. Начало русского владычества, опиравшегося целиком на прибалтийских баронов, задерживает рост латышской письменности. Однако уже в конце XVIII в., когда

под влиянием Западной Европы в лютеранскую церковь Прибалтики стали проникать рационалистические тенденции, немецкие пасторы кладут начало с ветской и т-ры л а т ы ш е й. Наиболее ярким выразителем этого периода в латышской лит-ре является Стендер Старший [1714—1796], ставивший себе целью побороть своим лит-ым творчеством влияние народных песен, всецело

родской немецкой буржуазии (Хр. Вальдемарс, 1825—1891, А. Спагис, 1820—1871, К. Безбардис и др.). Молодая буржуазия стремится обосновать свои права историей латышского народа, к-рая была якобы насильственно прервана семьсот лет тому назад вторжением немецких колонизаторов. Воскрешается, а частично и искусственно создается латышская мифология. Начинается разработка латышского яз., освобождение его от германизмов (А. Кронвальд, Ю. Аллуанс и др.). В своей борьбе с немецкими феодалами молодая латышская буржуазия пытается опереться на царизм и часть русской бюрократии, используя стремления последней к ограничению исключительных привилегий немцев. Даже политический центр «младолатышей» переносится в Петербург, где издается их орган «Петербургас Авиэс» [1862—1865].

Э. Бренцен. Иллюстрация к роману бр. Кандитес «Эпоха землемеров»

подчинить крестьян помещичье-пасторскому влиянию и приобщить их к немецкой культуре. Дело Стендера продолжает целый ряд его последователей—немецких пасторов; наиболее талантливым из них был беллетрист Нейкенс [1826—1868], выступивший на литературной арене в начале борьбы за национальное освобождение; этот пастор отдал свой недюжинный талант беллетриста и бытописателя идеализации феодальных отношений, вступив на путь активной борьбы с освободительными тенденциями национального пробуждения.

Крепостное право в Латвии формально пало в 1818—1819. Но крестьянину была предоставлена только относительная свобода передвижения,—земля же оставалась во владении помещиков, и за пользование ею крестьянин должен был отбывать барщину. Однако это освобождение крестьян от земли создало возможность накопления капиталов в руках деревенской верхушки, что способствовало быстрому расслоению крестьянства. В середине XIX в., после издания закона о предоставлении помещикам права продавать землю крестьянам и об отмене барщины, начинается быстрый процесс образования латышской буржуазии—в деревне капиталистического фермерства, в городе—купцов, домовладельцев, мелких предпринимателей и буржуазной интеллигенции. Этот экономический процесс порождает в политической жизни «младолатышское» течение. Наступает эпоха буржуазно-национального возрождения, появляются первые латышские политические писатели, обосновывающие права латышской буржуазии в ее борьбе против феодалов-помещиков и го-

родской немецкой буржуазии (Хр. Вальдемарс, 1825—1891, А. Спагис, 1820—1871, К. Безбардис и др.). Молодая буржуазия стремится обосновать свои права историей латышского народа, к-рая была якобы насильственно прервана семьсот лет тому назад вторжением немецких колонизаторов. Воскрешается, а частично и искусственно создается латышская мифология. Начинается разработка латышского яз., освобождение его от германизмов (А. Кронвальд, Ю. Аллуанс и др.). В своей борьбе с немецкими феодалами молодая латышская буржуазия пытается опереться на царизм и часть русской бюрократии, используя стремления последней к ограничению исключительных привилегий немцев. Даже политический центр «младолатышей» переносится в Петербург, где издается их орган «Петербургас Авиэс» [1862—1865].

В художественной лит-ре этого грюндерского периоду зажиточного латышского фермерства соответствует появление высоко художественной по форме, националистически-романтической и политически-боевой по содержанию поэзии, наиболее выдающимися представителями к-рой являются Аусеклис [1850—1879], А. Пумпурс [1841—1902], Хр. Барон [1835—1923], Ю. Аллуанс [1832—1864] и др.

Аусеклис—непримиримый националист, борющийся против феодальных привилегий немецких баронов во имя интересов нарождающейся латышской буржуазии. Он в своем творчестве воспроизводит с большим мастерством мифологию и мотивы народных песен и поднимается до высокого нафоса. Его произведения пользовались популярностью в народных массах. Ю. Аллуанс—наиболее связанный с западно-европейской литературой—своими стихами и переводами с европейских языков стремится показать, что язык латышских крестьян может передавать лучшие произведения русских и немецких классиков. А. Пумпурс на основе народных сказок и былин создал литературный эпос «Лачплесис» с целью заполнить им отсутствие национального эпоса. Таким образом «младолатыши» создали ряд классических произведений Л. л. и расчленили путь для ее дальнейшего развития. Следует отметить, что в настоящее время эта националистическая лит-ра, особенно эпос «Лачплесис», усиленно используется фашистами современной Латвии в целях разжигания националистического шовинизма. Но энтузиазма и энергии молодой латышской буржуазии эпохи национального возрождения, выступившей от имени всего народа, хватало не больше чем на 1—2 десятилетия. Созданное в 1868 «Рижское латышское об-во» и ежедневная газета «Балтияс Вестнесис» уже с самого начала своего суще-

ствования проникнуты мещанским спокойствием и сытостью буржуа, завоевавшего некоторую самостоятельность. Политические деятели, группирующиеся вокруг этих организаций, например Кришьян Калныньш, Бернард Дирикс, в конце 70-х гг. проводят уже политику компромисса с немецкой буржуазией и феодалами. Грюндерская эпоха прошла, и грюндерство открывает свое пошлое лицо; «младолатышей» сменяют самодовольные бюргеры, а националистов, борцов против немецкого засилья—приспособляющиеся мещане-псевдонемцы. Литература прогрессивно-национального подъема 60-х и 70-х гг., в которой видное место занимают романтические тенденции, перерастает в реакционный национал-романтизм 80-х годов, главными отличительными чертами которого являются мещанское самодовольство, беспредельное мифо- и боготворчество, слащавая любовная лирика, восхваление старины, национальных нравов, одежды, кушаний и т. п. Все это сочеталось с полным признанием в быту немецкого яз. и культивированием нравов немецкого мещанства. Типичнейшими представителями этой эпохи являются Лаутенбахс Юсьмыньш—представитель верхних слоев латышского буржуазного общества, автор надуманного и реакционного эпоса в стихах «Видевудс», Павасару Янис—опошитель любовной лирики Гейне, Эссенбергу Янис—единственный художник в этой группе, опирающийся на мелкобуржуазную интеллигенцию, и Лаппас Мартыньш—представитель низших слоев мещанства, подлаживающийся под самые отсталые вкусы и настроения мелкобуржуазных и деревенских масс. Происходящие глубокие социально-экономические сдвиги нашли наиболее яркое отражение в творчестве писателей-реалистов—братьев Каудзитес и Апсишу Екабс. Братья К а у д з и т е с (совместно автором является один М. Каудзитес) выступили в 1879 с романом «Эпоха землемеров» (Mehrspeeku laikis). Произведение это, полное юмора и едкого сарказма, по праву может называться классическим и прекрасно показывает хищническое лицо грюндера. А п с и ш у Е к а б с [1858—1929]—бытописатель старой латышской деревни, ее старого патриархального быта и нравов. Если братья Каудзитес живут еще подъемом 70-х гг., то Апсишу Екабс идеологически целиком связан с реакцией 80-х гг. Наблюдая расстройство деревни, видя, что старые патриархальные устои отмирают, что пассивные религиозные люди уходят в область предания, он из реалиста-бытописателя становится моралистом и борцом против «тлетворного влияния города».

В середине 80-х годов молодая латышская буржуазия переживает первый экономический кризис. В связи с падением хлебных цен на мировом рынке разоряются фермеры, разоряется также латышская го-

родская буржуазия, вкладывавшая свои капиталы в торговлю и домовладения. Общий экономический кризис ускоряет процесс расслоения деревни и пролетаризации ее беднейшей части. Появляется безработица в городах как среди пролетариата, так и среди интеллигенции. На почве первого экономического кризиса, первых революционных выступлений пролетариата и крестьянских волнений вырастает оппозиция и буржуаз-

Э. Бренчен. Иллюстрация к роману бр. Каудзитес «Эпоха землемеров»

ному национализму. Политическое течение, получившее название «нового течения», отражает недовольство городской мелкой буржуазии, крестьян, арендаторов и мелкобуржуазной интеллигенции—отчасти и нарождающегося пролетариата. Органом оппозиции явилась газ. «Диенас Лапа». В студенческих сборниках «Пурс» появляются первые марксистские статьи на латышском яз. Это движение, разнородное по своему классовому составу, имело также тенденции, по своей сущности родственные русскому легальному марксизму; в нем зарождался революционное соц. движение—латышская социал-демократия. В 1893 в руки сторонников «нового течения» переходит газета «Диенас Лапа», редакторами которой становятся Я. П л е к ш а н - Р а й н и с [1865—1929] и П. С т у ч к а [1865—1932]. Активизация новых социальных сил привела к перевороту в литературе, к появлению новых лит-ых течений. Уже в половине 80-х гг. намечается оппозиция к господствующему слащавому романтизму. Первыми теоретическими выразителями поворота к новой лит-ой эпохе являются ученики И. Тана и Г. Брандеса в латышской критике В и з у л и с и Т. З е й ф е р т е с, но новую эпоху провозглашает своими «Мыслями о новейшей лит-ре» [1893] один из первых латышских марксистов Я. Я н с о н - Б р а у н [1870—1917], объявивший беспощадную войну слащавой романтике и консерватизму. Хотя Янсон-Браун по своим лит-ым взглядам еще находится в известной мере под влиянием того же Тана и Брандеса, политически-общественное значение его выступлений было огромно. В художественной лит-ре представителями нового течения или под его значительным влиянием выступают

Эдуард Вейденбаум [1867—1892], Эдуард Зваргулис-Трейманс [1865] и Аспазия [1865]. Стихотворения Вейденбаума не могли быть напечатаны при его жизни по цензурным условиям—первое легальное собрание их, и то с пропусками, появилось только после 1905. Тем не менее они разошлись широко в рукописях, и их автор стал самым популярным и любимым поэтом революционной демократии. Его простые и четкие по форме стихи проникнуты протестом против реакции, мешанства и буржуазного национализма, полны призыва к борьбе, к свержению существующего строя. Но в то же время они несут отпечаток безысходной тоски от сознания обреченности мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, к которому принадлежит автор. Зваргулис продолжает путь Вейденбаума, но не подымается до его высоты ни как художник ни как борец, и с начала XX в. его лит-ое творчество все более определено отражает мешанское скудоумие. Творчество Аспазии первого периода проникнуто протестом против бесправия женщин и патриархальной морали. Ее драмы «Утерянные права», «Недостигнутая цель», «Вайделоте», «Зелтените» и др. являются яркими культурно-историческими документами. Но если Вейденбаум сумел поднять голос протеста против всего современного общественного строя, то Аспазия даже в лучших своих

Латышский журнал «Домас» (Мысль), Рига, 1912—1914

произведениях не подымается выше мелкобуржуазного радикализма. И именно поэтому она вскоре после первых своих реалистических произведений переходит к романтической лирике, отражающей душевную жизнь современной мелкобуржуазной женщины, борющейся против бытовой закрепощенности («Красные цветы», «Душа в тени»). Такой же лирике полна ее наиболее яркая и значительная в художественном отношении драма «Серебряная вуаль» [1904]. После 1905 творчество поэтессы глубоко лирично, но лишено какого бы то ни было общественного значения. Возвратившись в 1920 вместе с Райнисом из эмиграции (Швейцария) в националистически-буржуазную Латвию, Аспазия примыкает к соп-дем. партии, проповедует в своей слащавой лирике шовинистический национализм. Своими мистическими выступлениями в печати, гра-

ничашими с поповствующим мракобесием, Аспазия отражает в последние годы явное упадочничество латышской националистической буржуазии и ее реакционной культуры. Реалисты-прозаики—Рудольф Блауман, Пурапуте, Саулетис, Персиетис, Доку Апис, Судрабу Эджус и др.,—выразители идеологии средних слоев латышского фермерства, отражают в своем творчестве общественно-политические процессы, порожденные кризисом, и бытовые изменения, возникшие в этот период в крестьянской среде. Рудольф Блауман [1862—1910]—самый сильный из этой группы—крупнейший новеллист, крестьянский бытописатель и психолог, создавший ценнейшие в Л. л. произведения («Раудупиете», «Андриксон», «В тени смерти», «Субботний вечер» и мн. др.). Саулетис [1869]—ученик Блаумана, выразитель интересов тех же крестьянских слоев, с дальнейшим расслоением деревни становится реакционным моралистом и писателем реакционного кулачества («Андрис Виталкс»). Судрабу Эджус, отражающий в этот период также интересы среднего крестьянства, после Октябрьской революции приближается к пролетариату. Художественно к этой группе близок (хотя по своим социальным корням он связан с мелкой буржуазией) Аугуст Деглав. Отражение в его романе «Зелтените» жизни пролетариата дано с позиций реформистского сочувствия к тяжелой жизни тружеников бытописательства, без какого-либо протеста и политической устремленности. Дальнейшие произведения Деглава (роман «Рита») обнаруживают явно буржуазные позиции автора. Ян Порук, связанный с наиболее зажиточными и реакционными слоями латышского крестьянства, скорбит о распаде патриархальной деревни, но уже не как крестьянин, а как городской интеллигент. Порук впоследствии становится любимейшим поэтом латышской городской буржуазии. Его с полным правом можно считать одним из крупнейших латышских лириков, выразителем буржуазного индивидуализма; для Порука характерно чувство социальной обреченности и реакционность.

Начало нового века, канун революции 1905, дает новый перелом в Л. л. Латышская городская буржуазия превращается в буржуазно-промышленную и становится крупнейшим экономическим фактором в стране, оттесняя крестьянскую фермерскую буржуазию. Ведя еще борьбу с немецкой буржуазией, верхушка латышской промышленной буржуазии уже входит с ней в соглашение. Трудовое крестьянство выдвигает в качестве своего лит-ого знаменосца мелкобуржуазную интеллигенцию, к-рая на революционном подъеме идет, как и крестьянство, за пролетариатом. Это лит-ое направление следует отличать от прежней крестьянской лит-ры. Крупнейшей общественной силой становится пролетариат—он гегемон революции, он и влияет на лит-ру новой эпохи. Классовые сдвиги перенесли Л. л. в город. «Недра или Райнис»—в этой формуле, выставленной Я. Ассарсом и В. Дер-

маном,—классовый смысл лит-ой борьбы кануна 1905. Крупнейшим поэтом революции 1905 явился Я. Р а й н и с (см.) [1865—1929], один из первых соц.-дем. в Латвии, редактор газ. «нового течения» «Диенас Лапа». В 1897 Райнис был арестован и выслан в Вятскую губ. Из ссылки он пишет свои знаменитые «Далекые аккорды», изданные отдельной книгой в 1903 и ставшие лит-ым евангелием кануна 1905. В этом символически-импрессионистском сборнике едкая гейневская сатира на спящую зимним сном родину, на ее буржуазию и провинциально-мещанские нравы и быт сочетается с призывом к борьбе, ибо «новое время не придет, если люди его не приведут». Высокая художественность образов, политическая актуальность, новизна из. и вместе с тем ясность и понятность каждой строфы делают Райниса поэтом борющихся масс. Ряд его стихов становится боевыми песнями и лозунгами. Можно сказать, что не было поэта более близкого массам, чем Райнис кануна 1905. На еще большую высоту Райнис поднимается в сборнике «Песня бури» [1905], где его символизм переходит в революционную аллегорию. После поражения революции он остается певцом побежденной и вновь поднимающейся революции, певцом борьбы, любви, природы и солнца. Каждая из книг его стихов—«Тихая книга» [1905], «Разбросанные ветром листья» [1905], «Ave sol» [1910], «Те, кто не забывает» [1912], «Конец и начало» [1913]—составляет эпоху в латышской лирике. Не меньшее значение имеют и его импрессионистические драмы: «Огонь и ночь» (1901, отд. книгой 1908), «Индулс и Ария» [1913], «Золотой конь» [1911], «Ветерочек» [1913], «Играю, пляшу...», «Иосиф и братья его» и др. Символика драматических произведений Райниса проникнута мотивами народных песен и сказок, что придает его творчеству уже в эпоху 1905 глубоко национальную окраску («Огонь и ночь»). Во время мировой войны Райнис впадает в открытый национализм и шовинизм, к-рый и окрашивает во все большей степени его драматические произведения последних лет (в особенности «Даугава» и др.). В 1920 Райнис возвратился из эмиграции в Латвию, где был встречен исключительными почестями; их не оказывал ему лишь революционный пролетариат. Значение Райниса в Л. л. и культуре громадно. Идеолог буржуазно-помещичьей контрреволюции—А н д р е в с Н е д р а [1871]—пастор, отказавшийся в период до 1905 от пасторства, чтобы политически служить буржуазии, во время революции пишет контрреволюционные и моралистские поучения («Письма к молодому поколению» и др.). Ярый монархист и реакционер, Недра после революции становится во главе немецких фашистских банд Бермонта и ныне является одним из вождей латвийского фашизма. Его активная лит-ая деятельность длится только до революции 1905. В крупнейших своих произведениях—«В дыму нови», «Чистое сердце», «Луна на исходе», «Миллионеры» и др.—Недра дает типы сильных буржуа, состязавшихся в приобре-

тательстве с немецкой буржуазией, чтобы, порывавшись, поделиться и примириться с ней. Его «В дыму нови», самое реакционное в Л. л. произведение, стало евангелием капиталиста-приобретателя начала века. Его учение о сильной латышской буржуазии, о капиталисте-сверхчеловеке нашло сочувствие, но его призывы к созданию латышского дворянства и к примирению с немецкими баронами были чересчур реакционными даже для латышской буржуазии кануна 1905. Поэтому Андреас Недра не создал лит-ой школы. Его «неонационализм» нашел лишь немногих последователей, среди которых виднейший—А. Кениньш, пытавшийся после 1905 объединить латышских «неоклассиков» вокруг журнала «Залкис». К его обществ.-политической установке после 1905 близка часть декадентства, как В. Э г л и т с, Айна Расмер, Фалий и Гаральд Э л ь д т а с т, представители рафинированной буржуазной интеллигенции. Мелкобуржуазная и мелкокрестьянская интеллигенция, к-рая в 90-х гг. играла ведущую роль в лит-ре, уступила свое место идеологам рабочего класса. Но мелкая буржуазия и мелкое крестьянство кануна революции 1905 выдвинули талантливую группу писателей-неоромантиков, примыкавших одно время к революции. Наиболее выдающиеся из них: К. Скальбе, А. Аустриньш, К. Круза, Я. Акуратер, Я. Яунсудрабиньш, К. Штрале и др. По большей части они лично принимают активное участие в революционном движении, но поднимаются до художественного изображения революции и ее борцов им не удается. После революции часть их попадает в тюрьмы или эмиграцию, часть порывает с революц. движением и проходит в лит-ре этап декадентства. Через несколько лет, восстановив свое мелкобуржуазное благополучие, они образуют радикальную неоромантическую группу, давшую довольно большую, гл. обр. лирическую, лит-ую продукцию. К. Скальбе от радикальных стихов и едких сатирических выступлений против мещанства («Дочь Севера», «Когда яблони цветут», «Учитель Абель» и др.) переходит к тихой, интимной, асоциальной лирике и лирическим сказкам, не ставящим никаких проблем. Будучи во время империалистической войны явным сторонником русского империализма, Скальбе сейчас, в буржуазной Латвии, является одним из наиболее реакционных певцов национального шовинизма усиленно фашизирующей латышской буржуазии. Неоромантик Я. Я у н с у д р а б и н ь ш пишет ряд интересных психологических романов («Айя») и книгу рассказов из своего детства—«Белая книга». В своих произведениях Яунсудрабиньш дает идиллическое описание деревенской жизни, прикрывая идиллией деревенской природы и тонкими психологическими переживаниями тяжелую жизнь крестьянина-бедняка и эксплуатацию батрачества. Немного в стороне от них стоит А. А у с т р и н ь ш, сумевший после бесплодного периода декадентства дать ряд произведений, отражавших провинциальное свое-

образе и полных легкого юмора. Особое место занимает П л у д о н и с, давший ряд общественно-актуальных и художественно ценных произведений. Однако и в настоящее время недостаточно четкие установки Плудониса используются националистической буржуазией в своих реакционных целях. В области литературной критики в период 1905 наиболее крупную роль играет теоретик латышского неоромантизма и модернизма Я н А с с а р с [1878—1908], один из виднейших деятелей латышской соц.-дем. Однако лит-ая критика в период революции не играет такой роли, как в 90-х гг. Она выступает вновь в качестве большой общественной силы лишь в 1908, к концу периода декадентства, в книге Я. Янсона-Брауна «Фавны или клоуны», подвергнувшей уничтожающей критике декадентство и неоромантическое движение.

Новый подъем рабочего движения и концентрация сил пролетариата Латвии в период 1910—1914 вызывают к жизни новую группу писателей. В большинстве своем выходя из мелкой буржуазии, они однако находятся под сильным влиянием марксистской лит-ой критики. В идеологическом оформлении этой группы большую роль

Из книги А. А. Цепелиса «Отрицатели» (1924, СССР)

играют виднейшие латышские марксисты, обращавшиеся к лит-ой критике в целях рев. пропаганды (отчасти журн. «Домас»),—Я. Янсон, Я. Берзин-Зиамелис, В. Дерман и из более молодых Р. Пельше, а в некоторой мере и полубрадесисты и экономич. материалисты—А. Биркерт, А. Крауя, Лиготнис и др. Но знаменосцем этого радикального по своему общественному содержанию и реалистического по своим лит-ым устремлениям течения является Андрей Упит (см.) [1877], романист, новеллист, драматург, лирик, критик, историк лит-ры и организатор писательского молодежника. Упит пытается применить марксистский метод для критического разбора отдельных произведений. Он отбрасывает эстетизм Яна Ассарса и кладет в основу оценки каждого литературного факта его социально-классовую значимость. Однако Упит часто, особенно в своих больших работах по истории литературы, соскальзывает к Брандесу и Тэню. Как художник Упит весьма плодовит—им написано свыше десяти больших романов (трилогия «Робежники», куда входят романы «Новые источники», «В шелковых сетях», «Северный ветер», романы «Женщина», «Золото», «Последний латыш», «Под громами», «По

радужному мосту» и др.), большое количество рассказов и новелл («Тревога», «Голая жизнь» и др.), свыше десятка крупных драматических произведений («Голос и эхо», «Один и многие», «1905 год», «Мирабо», «Жанна д'Арк» и др.) и много других более мелких лит-ых произведений. Начав с реалистического бытописания деревни, он приходит к литературной разработке вопроса о классовом расхождении и борьбе рабочего класса. Борясь против идеи единства национальных интересов, Упит не жалеет красок при описании разложения латышской буржуазии, превратившейся в антикультурный и антиобщественный класс паразитов. Некоторое затишье в его творчестве во время войны сменяется новым подъемом после революции. Его роман «По радужному мосту» является резким саркастическим памфлетом против послереволюционной латышской буржуазии и в то же время одним из ценнейших произведений реалистической Л. л. Поставив одним из первых проблему пролетарской Л. л., Упит однако («Пролетарское искусство», 1919) остался чужд пролетарской лит-ой молодежи. Творчество Упита, к-рое своим изображением революции 1905 года, своим радикализмом

было близким пролетариату, носит на себе отпечаток мелкобуржуазных влияний и непоследовательности. Рабочий класс Латвии (Упит считал его своим) в условиях буржуазной Латвии прилагал все усилия, чтобы связать Упита с левым рабочим движением и помочь ему изжить двойственность и колебания. Но культивируя в своем творчестве в последнее время именно эту не-

решительность, некоторый «объективизм» и «надпартийность», Упит, как напр. в драме «Дзиреклис», дает карикатуру на революционную борьбу пролетариата и открыто сближается с лит-рой социал-фашизма Латвии. Свидетельством полного перехода Упита в лагерь буржуазии, к ее социал-фашистской агентуре, является его последняя литературно-критическая брошюра «Позиция Линарда Лайцена и моя», к-рая является открытым вышадом против левого рабочего движения в Латвии, револ. писателя Линарда Лайцена и нарождающейся молодой пролетарской лит-ры. Находявшаяся под влиянием Упита группа молодежи уже накануне войны начала распадаться и дробиться. Из нее весьма немногие пошли по пути революции и пролетарской литературы (А. Брукленайс, Эд. Шиллер, П. Вейнис и др.), большинство же отошло и от пролетарской литературы и от литературного реализма. Наиболее выдающейся является группа урбанистов—Арвед Швабе [1888], Эд. Вирза [1886] и др. А. Швабе выступил впервые в Л. л. как революционный пропагандист («Как Добулис гостил у серого барона») и вульгарный марксист в лит-ой критике («Райнис или Плудонис»). Впоследствии он переходит к урбанизму верхарнов-

ского типа («Город», «Бульварь»), сочетая его с неореалистическим описанием хищничества деревенской буржуазии («Труд», «Молоко» и др.). Во время войны Швабе окончательно отходит от марксизма, переходит в лагерь буржуазии, становится буржуазным урбанистом-экспрессионистом («Гонг-Конг» и др.). Аналогичный путь проходит Эд. Вирва. Другая группа — Я. Карклиньш, Я. Грин, Фр. Барда и др., начавшая с революционных нот, отходит к реакционному романтизму. Наиболее талантливый среди них — поэт Фр. Барда («Сын земли» и др.), продолжавший традиции Порука. После войны основная масса латышского пролетариата, эвакуированная в Россию, принимает активное участие в Октябрьской революции. Сама же Латвия — неожиданно даже для ее буржуазии — отделяется от России и становится «независимой» демократической республикой. В обстановке, когда пролетариат количественно (большая его часть осталась в СССР, не желая возвращаться в кулацкую Латвию), организационно и политически ослаблен, а мелкая буржуазия запугана мировой революцией, политическая власть и культурная гегемония переходят к контрреволюционной буржуазии и кулаку. Переход всей полноты власти к латышской буржуазии дает возможность поддержать буржуазную литературу, однако унаследованная буржуазия не оказалась способной выдвинуть крупные таланты. Малоталантливые новые буржуазные писатели (Я. Веселис, А. Эрс, К. Студентс, Ауэстра Дале, Аида Недра, Юлий Розе и др.) своим творчеством наминают период лит-ого распада после 1905. Лишь весьма немногие из нынешнего литературного поколения имеют действительное право именоваться писателями: Ян Эзериньш, отличающийся своеобразием и свежестью, Павел Розитс, начавший литературную деятельность еще в 1911 и в настоящее время развившийся в крупного художника, бытописателя буржуазии, Ян Судрабкалн — лучший из современных лириков латышской буржуазии, в своем творчестве далекий от реальной действительности. Против всей этой буржуазной лит-ры стоят писатели, выдвинувшиеся из пролетарской среды и объединившиеся вокруг революционных организаций латышского пролетариата. В первый период «независимой» Латвии наиболее левые писатели и критики создают группу «активистов» (см. «Akt on»), идущую по стопам зап.-европейских «активистов» и разделяющую их художественную и общественно-политическую платформу. Из этой группы «активистов» вскоре выделяются поэты революционного латышского пролетариата — Линард Лайцен [1884] и Леон Паэглэ [1890—1926], в то время как Андрей Курций [1883] и Карл Дзелзите [1892], исходя из прежних позиций мелкобуржуазно-интеллигентского «активизма», после кратковременного заигрывания с левым рабочим движением от него отходят. Андрей Курций начал свою лит-ую деятельность в

период реакции после 1905 года. Его стихи этого времени проникнуты пессимизмом. После войны и революции он остается на позициях радикального мечтателя и не находит реалистических форм для выражения своих настроений и для реальной связи с массами. В последнее время Курций стал во главе «независимой» соц.-дем. партии Латвии, имевшей целью быть барьером, мешающим отходу рабочих масс от обанкротившейся социал-демократии в сторону революционного рабочего движения. Так обр., если раньше могла идти речь о возможности сближения Курция с пролетариатом, то в настоящее время он на деле сблизился с социал-фашизмом. Паэглэ, пришедший к «активизму» и затем к проле-

Титульный лист книги Эйдемана «Неудержимый поход»

тарской литературе от мелкобуржуазного романтизма, в своем лит-ом творчестве не сумел окончательно отделаться от некоторой доли сентиментализма. Лучшие его произведения — «Знамена», «Гюрмы не помогают», «Кто отсидит» и др. Л. Лайцен также пришел к пролетарской лит-ре от группы неоромантиков, в к-рой он однако занимал особое положение, будучи по существу художником-экспрессионистом. Став «активистом», он находит новую манеру письма и, окончательно присоединившись к пролетарскому фронту, становится руководителем пролетарского лит-ого и культурного движения в Латвии. Его программные «Литературные принципы» требуют актуальной, политической целеустремленной поэзии. Линард Лайцен создает новый краткий, четкий, репортажный стиль в Л. л., близкий русским

лефовцам. По содержанию своему его творчество еще до 1924 несколько анархично; в последние годы все его произведения отражают быт, практические потребности и лозунги латышского пролетариата. Издаваемый им журн. «Левый фронт» является организующим центром борьбы против буржуазно-социал-демократической культурной

R. EIDEMANIS.

Гривальд. Обложка к роману Эйдемана «Осажденные» (Москва, 1925)

реакции, центром пролетарской литературы и культуры. Вокруг него группируется революционный лит-ый молодежь. Лучшие произведения Лайцена: рассказы и романы «Оправданные», «Мебельная Рига», «Взрывающие корнуса», «Прекрасная Италия», «Эмигрант», «Камеры» и т. д., сб. стихов «Караван», «Берлин», «Семафор», «Азнаты» и др., драматические произведения «Альфа и авто», «Панама» и др.

Если в период до войны во главе Л. л. стояли Упит и Райнис, то теперь—Лайцен и Упит, причем все наиболее передовое, наиболее радикальное и последовательное представляет Лайцен, колеблющееся же, не желающее оторваться от так наз. национальных корней группируется вокруг Упита, к-рый сознательно порвал с революционной лит-рой и рабочим движением. Упиту не удается создать школы; его последние ученики—К. Дзильяля, В. Гривин, Я. Гротс и др.—политически и художественно трусливые эпигоны. Они приближали Упита к мешанской Л. л.

Но в Латвии сосредоточена только часть Л. л. Другая часть ее—в СССР. Несмотря на малочисленность читательских масс, латышские писатели в СССР развивают значительную деятельность. Почти все они до

ликвидации РАПП были организованы в латсекции последней. Пролетарская Л. л. в СССР прошла все этапы развития русской пролетарской литературы. В эпоху гражданской войны ее базой была латышская стрелковая дивизия, ее задачей—мобилизация боеспособности стрелков. Эту задачу она выполняла в основном старым художественным оружием, приспособив его для агитации и пропаганды лозунгов революции. В восстановительный период, с расформированием стрелковой дивизии, советская Л. л. теряет свою базу и, не успев перестроиться, переживает острый кризис. Но период затишья был периодом активной учебы, перевооружения, идеологического и художественного сближения с русской пролетарской лит-рой. В реконструктивный период советская Л. л. входит уже с значительным опытом, художественными достижениями и теоретическим багажом. Проходя через эти этапы, выростали новые писатели и уходили со сцены старые, не сумевшие идти в ногу с развитием всей пролетарской литературы.

Несмотря на единство общественно-политического мировоззрения латышские писатели СССР различаются по своим социальным корням, связям с прежними лит-ыми школами и с русской пролетарской лит-рой.

Старая писательская группа в советской Л. л. весьма немногочисленна. Новые произведения Судрабу Эджус, написанные после Октябрьской революции, остаются крепко связанными с латышским крестьянским реализмом. Судрабу Эджус стал писателем крестьянина-бунтаря и революционера. Симанс Бергис, начавший свою лит-ую деятельность среди латышской рабочей эмиграции в Америке, пытается

дать отображение быта пролетарских масс, оставаясь прочно на почве старой реалистической школы. В своем творчестве писатель однако не поднимается до отображения революционных изменений и превращений в самом пролетариате («Красные корпуса»

новареец, писатель-боец. По окончании гражданской войны, когда он достиг значительной зрелости в своем художественном и политическом развитии, главное место в его тематике заняли крестьянин-бедняк и местечковая беднота. Но его творчество только наполовину принадлежит Л. л., другой половиной оно входит в русскую литературу. Лучшие его произведения — «Старец», «Васкис», «Местечковые рассказы», «Восстание камней», «Как пахнет земля и хлеб» и мн. др. Петер Свирис, начавший литературную деятельность также до войны, известен главным образом своими едкими сатирическими памфлетами на современную Латвию. В самые последние годы Петер Свирис себя в литературе не проявляет.

Н. Стружка. Иллюстрация к рассказу Лайцена «Оправданные» (Рига, 1920)

и др.). Эд. Шиллер и Клития как в прошлом, так и теперь — эпигоны неоромантизма и разделяют участь всех мелкобуржуазных неоромантиков, захваченных революционным подъемом: они в состоянии дать лишь смесь неоромантической фразы и огненных лозунгов революции. Это почти все, что перешло в советскую Л. л. от Л. л. до-революционной.

Между этой группой и творчеством выросшей на советской почве лит-ой молодежи

Пузыровский. Визитка к народным песням «Lateiv taulas dainas» (Рига, 1931)

крупное место занимает творчество двух писателей — Роберта Эйдмана (см.) и Петера Свириса. Роберт Эйдман выступил впервые со сборником стихов в 1912. Его лит-ая деятельность на новых путях возобновляется в 1919, когда он дает прекрасную поэму «Старец». В годы гражданской войны Эйдман прежде всего писатель-крас-

2

KREISĀ FRONTE

Обложка журн. «Левый фронт» (№ 2, 1928)

Наравне с Эйдманом одним из наиболее талантливых латышских писателей является Альвиль Цеплис, вступивший в литературу после Октября. Цеплис начинает со стихов, ломая старые стихотворные каноны, в 1920—1923 близко подходит к стихотворной форме В. В. Маяковского. Впоследствии писатель переходит к прозе; он и тут — не бытописатель, а импрессионист, но импрессионист — революционер. Он показывает, как революция изменяет людей, как крестьяне-романтики превращаются в людей революционной воли. Революция для него прежде всего — революция в человеческой психике, и стройку он видит тоже в изменении человеческой психологии. Его лучшие произведения — «Отрипатели», «Маленские

волки», «Индия» и ряд мелких рассказов. По форме и содержанию своих произведений к нему близок Эд. Шмидт-Бяройс, но последний в большей степени связан с революционной злобой дня. Его стихи—воззвания—отличаются плакатностью, близостью к левосторонней форме, четкостью и яркостью революционной мысли.

Особое место в пролетарской Л. л. занимает Клуссайс [см. (Э. Эфферт, 1889—1927)]. Начал Клуссайс с неоромантических этюдов; его роман «Женщина с винтовкой» является одним из лучших латышских художественных произведений, посвященных

строительство на заводах и в деревне. В этом отношении большую организующую и руководящую роль оказала латышская коммунистическая газета «Борьба коммунаров» и журнал «Стройка», к-рый является также теоретическим органом пролетарской Л. л.

В лит-ой критике в этот период выдвинулись П. Викене, В. Кнорин, К. Курон и др.

В целом Л. л. в СССР поставила своей задачей стать идеологическим организатором борьбы пролетариата за социализм, отобразить великую Октябрьскую революцию и, в частности революционную борьбу в Латвии во всей сумме их воздействия на жизнь. В этом выражается ее участие, вместе с трудящимися массами латышской, в социалистическом строительстве СССР.

Библиография: Переводы латышской литературы на русск. язык: Сборник латышской литературы, под ред. Валерия Брюсова и М. Горького, с пред. Ясона Брауна, 1916; Дауге П., Певец солнца, борьбы и любви, 1919; Райнис, Огонь и ночь, 1920; Цеплис А., Отщепенцы, 1925; Егоне, Маленькие волки, 1926; Егоне, Восстание топора, 1928; Егоне, Жизнь в ножах, 1930; Лавице Л., Оправданные, 1925; Егоне, Камнем в окно, 1927; Егоне, Вызывающие корпус, 1928; Егоне, Эмигрант, 1929; Егоне, Гибель Британского среднего флота, 1930; Берце А., Смерть Менуса, 1925; Бергис С., Центр тишины, 1926. В 1926 выпущен на русском языке альманах «Молодая латышская литература», с предисловием тов. Кнорина; Клуссайс, Бунтующий народ, 1925; Егоне, Женщина с винтовкой, 1928; Упит А., Северный ветер, 1929; Егоне, На радужном мосту, 1927; Блауман Р., Под сенью смерти, изд. «Прибой», 1928; Озолин А., В вертящихся дверях, Гиз, 1930; Эйдеман Р., Степной ветер, серия «Универсальной библиотеки» Гиза, 1926 (в том же году в той же серии вышла книга «Местечковые рассказы», затем «Во имя долга», в 1929—«Восстание наместа», а в 1930—«На заре»).

Сводные работы: На русском языке—Ясон Я., Очерки латышской литературы, сборник «Лат. литература», 1916; Кнорин В., Латышская литература после войны и революции, сб. «Молодая латышская литература», 1926. На латышском языке: U pits A., Latvešu literatūras vēsture, 2 тт.; Klussais, Latvešu ideoloģijas vēsture, Maskavā, 1925; L anders K., Latvijas vēsture, Maskavā, V. Ки.

ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК.—на к-ром говорит около миллиона населения Латвии и около 150 000 чел. в СССР, — принадлежит к балтийской группе индо-европейских яз. (см.). Некоторые ученые склонны считать Л. яз. новейшей ступенью развития литовского яз. на почве смешения его с финскими яз. Из новейших работ, придерживающихся таких взглядов, можно назвать: Hirt H., Indogermanische Grammatik, Teil I (Heidelberg, 1927; S. XXII+350). Критику гиртовской концепции образования Л. яз. дал Эндзелин в рецензии на упомянутый труд Гирта (Filologu Biedribas Raksti, VII, Riga, 1927, стр. 176—179), указывая факты Л. яз., не сводимые ни к фактам литовского яз., ни к финскому влиянию.

Область Л. яз. образовалась из территории балтийских племен—летголы, зимеголы и корси—и финского племени ливов. В Л. яз. различаются два диалекта: 1. основной (на месте прежних балтийских племен, с основным центром на месте древней Летголы, т. е. около Песис и Вальмера) и 2. тамский (на месте ливов). К востоку от области латышских наре-

Обложка журн. «Стройка» (М., 1931)

борьбе за диктатуру пролетариата в Латвии. Его последние рассказы («Пограничный уезд» и др.) обнаруживают уже в авторе законченного пролетарского писателя-реалиста, с редкой теплотой рисующего простых людей, рядовых солдат революции, не видящих ее далеких горизонтов, воля к борьбе к-рых вырастает на глазах читателя. К творческому методу Клуссайса близок К. Пелекайс, к-рый в своих сборниках стихов пытается дать образец революционной реалистической поэзии будней (сб. «Люди будней», 1927—1931). Третий в этой группе—К. Иокумс (лучшее его произведение «Приказ № 325»). Его творчество отражает стройку социализма в СССР. Близки к этой группе также Э. Рихтер и Кадикис—очеркисты, бытописатели гражданской войны. Кроме названных наиболее крупных писателей следует еще назвать Я. Эйдука, К. Преднека, Гранта, Зедныя.

Нужно отметить сильный рост за последние годы рабкорской и очеркистской литературы, описывающей социалистическое

чий простирается область диалектов латгалского яз. На основном диалекте говорят население средней части Латвии — от Мазсалапа и Эргеме к югу через Вальмера, Цесис, Добеле, Елгава до литовской границы. На тамском наречии говорят латыши между Кулдига, Тальси, Дундага, Вентспильс, Скульте, Лимбажи и Лелсалапа.

До середины XIX в. л. яз. считался лишь «немецким» (undeutsch) крестьянским диалектом. Затем пошли долгие годы царской политики руссификации (обрусения) латышей (через школу и администрацию). Борьба за самостоятельность л. яз. и за его обогащение новыми словами особенно успешно пошла со времени национально-освободительного движения [60—80-е гг. XIX в.]. Главенствующая роль в этом движении принадлежит Отто Кронвалду. По его примеру новообразования в латышский яз. вводили также Ю. Аллуна, К. Безбардис и др. Второй период расцвета л. языка связан с именем крупнейшего латышского поэта Райниса (см.), к-рый широкой струей ввел в лит-ый л. яз. манеру удачного «усечения» длинных латышских слов и тем сделал возможными переводы классиков мировой поэзии на л. яз.

В настоящее время л. яз. является государственным яз. всей Латвийской республики, т. е. не только собственно Латвии, но и Латгалии, где население говорит на другом (латгалском) языке. Школы в Латгалии держат курс на постепенную латышизацию латгалцев, вызывая этим справедливое возмущение широких масс латгалских трудящихся.

ГРАФИКА ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА. — Латыши искони употребляют латинский алфавит. В печати же до недавнего времени употреблялся «готический» шрифт (фрактура), и лишь недавно, с введением «новой орфографии», книги стали печататься преимущественно латинскими буквами, в газетах же до сих пор сохраняется «готика». В современной латышской письменности употребляется латинский алфавит со след. дополнительными знаками: ž=«ж», š=«ш», č=«ч», ķ=«к» палатальный, ģ=«г» палатальный, ļ=«ль», ņ=«н» палатальный, ģ=«р» палатальный. Двубуквенные начертания употребляют для обозначения скользящих гласных (ie=ē) и дифтонгов (ai=āi, āi=ēi, au=āu, iu=āu, eu=ēu) и для обозначения согласных: sh=х, dz=дз, dž=дж, ng и nk=«н» задненёбного. Долгота гласных обозначается на письме: ā=«а» долгое. В старой орфографии ряд звуков обозначался иначе.

Библиография: Лучшая грамматика л. языка: Endzeļins J., Lettische Grammatik, Riga, 1922 (там же дана и важнейшая библиография). О латышской орфографии: Лот Я., О латышской орфографии, «Докл. Акад. наук», вып. XIII, 1929. Полный словарь л. яз. (латышско-немецкий словарь Мюленбаха и Эндзеллина) выходит в Риге с 1923. Я. Лоз

ЛАУБЕ Генрих [Heinrich Laube, 1806—1884] — немецкий писатель, один из главных представителей так наз. «Молодой Германии» (см. *Немецкая лит-ра*). Сын каменщика, Л. в студенческие годы примыкал к движению «буршеншафт» и был приговорен к 5 годам тюрьмы. В 30-х гг., встав в ряды

младогерманцев, Л. защищал идеи либерального, выступившего в то время на социальную арену бюргерства [историко-политические очерки «Новый век» (Das neue Jahrhundert, 2 B-de, 1832—1833), роман «Молодая Европа» (3 ч., 1833—1837)]. Произведения Л. попали под действие запретительного постановления Всеобщего германского совета о «Молодой Германии» [1835].

Основным жанром в творчестве Л. 30—40-х гг. является путевая новелла («Reise-novellen», 6 B-de, 1834—1837). Л. много путешествовал по Франции, Германии, Алжиру и т. д. и, подобно Гейне, пользуется этим жанром для характеристики и критики тогдашней немецкой общественной жизни. Но тот же Л. одним из первых отошел от идеалов «Молодой Германии» и еще до 1848 примирился с существующим строем; он играл известную роль в немецкой лит-ой жизни как редактор умеренно-либеральной «Zeitung für die elegante Welt». Во время революции 1848 он был членом Франкфуртского парламента (центр), а с 1849—1867 состоял директором Венского Hofburgtheater'a, достигшего своего наивысшего расцвета в эти годы. Л. сам написал ряд довольно слабых драм и комедий («Struensee», 1847, «Graf Essex», 1856, и др.), из них «Die Karlsschüler» [1847] пользовались популярностью (бегство Шиллера из Линца в Штуттгарт). Из его романов, написанных после 1848, лучший — «Немецкая война» (Der deutsche Krieg, 9 B-de, 1865—1866), дающий культурно-историческую картину 30-летней войны.

Библиография: I. Русск. перев.: Из драмы «Учение Карловой школы», в кн.: Гербель Н. В., Немецкие поэты в биографиях и образцах, СПб., 1875; Графиня Шатобрян, Исторический роман, СПб., 1881 (в прилож. к «Историч. вестнику»); Рувим, Современный роман, «Восход», 1884, XI—XII; 1885, I—VII; Ausgewählte Werke, 6 B-de, 1906; Gesammelte Werke, kritische Ausgabe v. H. Houben, 50 B-de, 1908—1909. II. Brosswitz H., Laube als Dramatiker, 1906; Houben H., H. Laubes Leben und Schriften, 1906; Nolle K., H. Laube als sozialer und politischer Schriftsteller, 1915; Mormann M., Die Bühnentechnik H. Laubes, 1917; Junack R., H. Laubes Entwicklung zum Reformator des deutschen Theaters, 1922; Lande W., H. Laubes Aufstieg, 1923; Kramer M., H. Laube, 1926. Ф. Шиллер

ЛАУРЕАТ [латинск. laureatus — увенчанный лаврами] — звание всенародно признанного поэта. В античности Л. — победитель на поэтических состязаниях во время олимпийских игр. Гуманистическая интеллигенция Ренессанса пытается возродить этот обычай, и Л. появляются при дворах итальянских и европейских монархов.

В Англии институт Л. существует с XV в. Л. — придворный чин. Обязанности его — ежегодно писать по оде на новый год и на рождение короля, а в экстренных случаях — на крупную победу; последнее впрочем не обязательно. Начиная с «призвания Ганноверов» [1714], Л. превратился в бесцветное и пустое звание, являющееся пережитком эпохи феодализма.

Библиография: —X.— (М. Л. Михайлов), Придворный поэт Тениссон, «Современник», 1864, I; М. П., Почетъ Мэйфэйлду, «Вестник иностранной литературы», 1930, V; Hamilton W., Poets Laureates of England, L., 1878; Wright J. C., The Poets Laureates from the Earliest Days to the Present, L., 1916; Brodus, Laureateship, Oxford, 1921.

ЛАУРИСТИН Иоганес (псевдоним И. Мадарик) [1899—] — эстонский пролетарский писатель. Р. в рабочей семье. По окончании начальной школы Л. работает на заводе «Вольта» в Ревеле учеником слесаря. В период революции 1917 работает на заводе «Двигатель», рабочие которого составляют передовой отряд революционного пролетариата Ревеля. Получив здесь пролетарскую революционную закалку, Л. по окончании военной службы [в 1921] переходит на работу в левые профсоюзы. На II всеэстонском съезде профсоюзов в 1922 Л. избирается в правление центрального совета профсоюзов Эстонии. В марте 1923 Л. арестовывается по обвинению в участии в подпольной работе коммунистической партии Эстонии и осуждается на 7 лет каторжных работ. Во время пребывания в тюрьме Л. выбирается депутатом в гос. собрание. Но буржуазное и социал-фашистское большинство гос. собрания отказывается освободить Л. из тюрьмы. Лишь 23/II 1931 Лауристин выходит из тюрьмы, но на свободе он пробыл недолго: 14/III его снова арестовывают по обвинению в поддержке связи с находящейся в подполье коммунистической партией Эстонии.

Годы работы в левых профсоюзах для Л. являются и годами интенсивной лит-ой и публицистической работы. В 1921—1923 Л. редактирует печатный орган левых профсоюзов и единственный легальный орган революционной пролетарской Эстонии. Кроме того Л. — редактор органа коммунистической молодежи. Наряду со множеством статей политического и экономического характера печатаются его первые художественные произведения. За время долголетнего пребывания в тюрьме появляется ряд его рассказов и фельетонов в тюремном нелегальном журнале. В 1929 уже в СССР вышло из печати первое его крупное произведение «Rüigikukutajad» (Низвергатели).

Роман отображает легальную и нелегальную (под руководством компартии) борьбу эстонского пролетариата. По полноте охвата и знанию материала — конкретные условия борьбы рабочего класса Эстонии — это произведение писателя-борца является пока единственным в пролетарской литературе Эстонии.

Г. Пезельман

ЛАУЗЛЛ Эми [Amy Lowell, 1874—1926] — американская поэтесса и критик. Творчество Л. выражает агрессивные настроения американской крупной буржуазии. Рожденная в состоятельной интеллигентской семье, прочно связанной с Гарвардским университетом, Л. в 30 лет решает стать поэтом. Ее поэзия деланна, искусственна, и эта искусственность и надуманность возводятся в эстетический принцип — вызов традиционному (особенно в американской мелкобуржуазной лит-ре) представлению о поэтической «бог вдохновенности». «Поэт должен с таким же прилежанием и заботой учиться своему ремеслу, как и столяр-краснодеревщик». В этой декларативной формуле (из предисл. ко 2-й книге стихов) характерно точное обозначение ремесла. Формула подкрепляется заяв-

лением: «Мы не школа живописцев, но мы считаем, что поэзия должна точно передавать подробности, а не укрываться в неопределенные обобщения, как бы ни были они звучны и торжественны».

Борьба за конкретность выражения была внешней формой борьбы за конкретное воздействие поэзии. Очень характерна широта захвата, «всемирность» тематических поисков и симпатий Л. Наряду с изысканной отвлеченностью П. Фора (см.), условностью французских символистов — особенно заметно влияние Лафорга (см.) и Малларме (см.), — вещной статикой парнасцев (см.) Л. увлекается живописностью китайской любовной лирики (книга переводов, совместно с Ф. Эйскоф, «Таблички из цветных пихты», 1921) и пишет большие повествовательные поэмы. Весь путь Л. — путь принципиальной борьбы за лит-ые методы и формы, в круг к-рой включается и создание новых стиховых приемов и создание хищнической любовной лирики. Дебютировала Л. книгой стихов в строгих формах («Купол многоцветного стекла», 1912). Уже в следующем году она совместно с Флетчером (см.) и Х. Д. (Хильда Дулитль) становится во главе крайне левого течения в области формы — имагизма («Клинок и семена мака», 1914). Затем следует книга «Шесть французских поэтов» [1915] — полемическое обоснование учобы у французского символизма, сборник урбанистических стихов «Мужчины, женщины и призраки» [1916], полемические «Тенденции современной американской поэзии» [1917], сборник повествовательных поэм «Замок Кан Грандэ» [1918] и др. Нужно отметить напряженный интерес Л. именно в годы империалистической войны к Дальнему Востоку: едва ли не лучшая поэма Л., впоследствии включенная в сборник «Замок Кан Грандэ», — «Пушки вместо ключей — и распахиваются великие ворота» — посвящена морскому походу коммодора Перри, к-рый пушечными выстрелами «открыл двери» для торговли Соединенных Штатов в Японии.

Библиография: I. Стихи Эми Лоуэлл в укр. перекл. Кулик Ив., Антология американской поэзии, Харків, 1928; Tendencies in modern American poetry, 1921; John Keats, 2 vv., 1925; Selected poems, ed. by J. L. Lowell, 1928; Poetry and Poets, Boston, 1930.

II. Смиллер Э., Деньги шлут, Гиз, М., — Л., 1928; Вуггер В., Amy Lowell, a critical appreciation, 1918; Ауссough F., Amy Lowell and the Far East, «The Bookman», 1926, III; Isoré P., L'originalité d'Amy Lowell, «Revue Anglo-Américaine», 1929, IV.

III. Boynton P. H., Some Contemporary Americans, Chicago University Press, s. a.

T. J.

ЛАФАЙЕТ Мария Мадлена [Marie Madeleine de La Fayette, 1634—1693] — франц. писательница, автор романов и мемуаров. В произведениях Л. отразилась идеология французской помещиной знати, связанной с двором абсолютного монарха. Аристократка по происхождению, Л. в молодости вращалась в лит-ом салоне Рамбулье, впоследствии принимала в своем собственном салоне выдающихся писателей и ученых того времени. Там бывали Севинье, Лафонтен, Менаж, Ларошфуко; последний оказал большое влияние на лит-ое развитие Л. Наи-

Большее значение имеют ее романы, в которых она отходит от приемов авантюрного романа, господствовавшего в литературе: не столько картина внешних событий, сколько воспроизведение внутреннего мира персонажей выступает у Лафайет на первый план.

Романы Лафайет («Zaïde», 1670; «La princesse de Clèves», 1678) построены на сложных душевных конфликтах героев. Такой поворот к углубленному психологизму, решительный отход от авантюрно-героической тематики характерны для дворянской литературы второй половины XVII в., периода стабилизации дворянско-крепостнических отношений, когда вопросы политические и общественные (в значительной мере составлявшие содержание авантюрно-героических романов), волновавшие дворянскую литературу в эпоху становления абсолютизма, отступают перед интересом к проблемам интимного быта.

Кроме романов Л. известна также и своими мемуарами. «Mémoires de la cour de France pour les années 1688—1689» изображают жизнь двора Людовика XIV; «Histoire d'Henriette d'Angleterre» — описание жизни двора Генриетты Орлеанской.

Библиография: I. Полное собрание сочинений вышло впервые в 1812 (Ouvrages complètes, P., 1812); новое издание, 1863 и 1882.

II. D'Haussoville, Madame de La Fayette, Paris, 1891; Taine, Essais critique et d'histoire; Scheuer, Frau von La Fayette, Bonn, 1898; Meyer E., Gräfin La Fayette, Leipzig, 1905; Angot E., Dames du Grand siècle, La Fayette, 1919; Ashton H., Madame de La Fayette, sa vie et ses œuvres, 1922; Magné E., Madame de La Fayette, 1926.

ЛАФАРГ Поль [1842—1911] — теоретик и практик марксизма, один из основателей и вождей французской социалистической партии. Р. в Сент-Яго на о-ве Куба. По окончании средней школы в Бордо поступил на медицинский факультет в Париже. За участие в международном студенческом конгрессе в Льеже [1865] исключается из университета и эмигрирует в Лондон, где знакомится с Марксом, пересматривает свои прудонистско-бланкистские позиции и углубляется в изучение марксизма. В 1869 Л., возвратившись во Францию, основывает в Бордо секцию Интернационала. После неудачной попытки поднять в Бордоском округе восстание для поддержки Парижской Коммуны 1871 Л. бежит в Испанию, принимает деятельное участие в работе испанской секции Интернационала. В качестве представителя последней он присутствует на Гаагском конгрессе, где выступает против бакунистов. В 1880 получает возможность вернуться во Францию. Вместе с Ж. Гэдом возглавляет основанную в 1879 французскую социалистическую рабочую партию, усиливает свою публицистическую и пропагандистскую деятельность, несколько раз привлекается к судебной ответственности и подвергается тюремному заключению. 90-е и 900-е годы знаменуются усиленной работой Л. во французской, немецкой и отчасти русской социалистической печати и борьбой с оппортунистами и ренегатами.

Замечательна смерть Л.: почувствовав приближение старости и истощение сил, лишавшее возможности продуктивно работать и бороться за дело пролетариата, Поль Л. и его жена и соратница Лаура Маркс по намеченному заранее плану кончают жизнь самоубийством.

Наряду с активной революционной деятельностью Л. не только популяризирует, но и конкретно применяет учение диалектического материализма, обосновывая его в специальных исследованиях.

В области общей теории Л. себя мало проявил; его философская концепция страдает рядом недостатков, свидетельствующих о том, что в вопросах гносеологии и исторического материализма он часто соскальзывал с позиций марксизма на позиции эволюционизма и механицизма. Лафарг — талантливый исследователь в области истории первобытной культуры, истории религии, мифологии, фольклористики, языкознания и литературы, где на новом материале он дал материалистическое объяснение ряда явлений бытия и сознания. Именно этим и ценны для нас работы Лафарга. Однако недостатки философской концепции Л. не могли не отразиться в его исследовательской практике, в ряде случаев снижая исключительную ценность его работ в целом. Все это полностью относится и к его работам о языке и литературе.

В своих исследованиях о первобытной культуре Л. придает лингвистическому анализу огромное значение. Используя яз. как средство для изучения истории производительных сил и производственных отношений,

Л. одновременно материалистически обосновал явления яз. от его простейших форм до образования абстрактных слов-понятий. Исходя из своих изысканий, Л. еще в 80-х и 90-х гг. XIX в. объявляет войну представителям буржуазного языковедения, ищущим единого языкового Адама, тем индоевропейцам, «для к-рых санскрит—это „Се-

зам открылся» ко всему необъяснимому» и к-рые игнорируют факторы экономического развития. Единому праязыку и идеалистическому объяснению идентичности развития яз. у различных народов Л. противопоставляет единый экономический фактор возникновения яз., а идентичность стадий развития яз. у различных народов объясняет идентичностью их хозяйственного развития, вынудившего их «прибегнуть к одинаковому способу производства». Это утверждение относится всецело и к области мифологии, где Лафарг опровергает арийское происхождение ряда мифов, в том числе и мифа о Прометее, который объясняется им как отображение эпохи борьбы матриархата и патриархата, развала последнего и образования семьи, состоящей из одного хозяйства. С теми же индо-европейскими тенденциями Лафарг борется также и в области фольклористики.

Литературно-критическое наследие Л. по объему своему невелико. О лит-ре и яз. он писал гл. обр. в течение одного лишь десятилетия. Выступив на лит-ую арену в середине 80-х гг., когда в сознании современников еще живы были проповеди парнасцев о высоком назначении и надклассовом бесстрастии художника, Л. стремился доказать, что поэт сознательно, или сам того не сознавая, отражает и выражает идеологию и эстетические вкусы своего класса. В связи с этим он говорит, что «историческая критика не считает своей задачей прославлять или осуждать писателей», что она «старается понять все», учитывая при этом,

что всякий писатель является представителем и идеологом своего класса.

В суждениях Л. о социальной обусловленности лит-ры и писателя чувствуется влияние франц. представителей «теории среды». Сам Л. с восхищением отзывался о работах м-м де Сталь. Несмотря на резко отрицательное в общем отношении Л. к Тэню, практически многие положения последнего также близки ему. Но взамен абстрактного идеалистического социологизма историко-культурной школы Лафарг в своем анализе социальной обусловленности литературы и творчества отдельных писателей видит за социальной средой, рассматриваемой теоретиками-идеалистами как самоопределяющаяся субстанция, определяющую ее экономическую базу общества и классовую борьбу.

Рассматривая художника как типичного представителя своего класса, конденсированного идеологические, художественные и даже бытовые черты и запросы класса для выявления их, Л. первый из классиков марксистской критики обращается к изучению так наз. массовой продукции и читателя. Там, где буржуазные историки лит-ры видят лишь созданную для недолгого существования, рассчитанную на дешевый и зловонный успех «макулатуру», недостойную изучения, Л. видит неисчерпаемый материал для выявления эстетических тенденций той или иной социальной группы, потому что «лит-ое произведение, если оно даже лишено художественных достоинств, приобретает высокую историческую ценность (т. е. высокий интерес как материал для исторического изучения—В. Г.), раз оно имело успех у читателей». Анализируя лит-ые явления, Л. стремится установить социологическую обусловленность всех элементов литературного произведения в их возникновении и бытовании, нередко давая прекрасные образцы социологии литературного языка (см. например «Французский язык до и после революции»), сюжета (эпюда о «Сафо» Альфонса Доде) и ряда других специфических элементов литературы.

Почти вся литературно-критическая деятельность Л. проходит под знаком «очерков происхождения современной буржуазии». С этим связано особое внимание, которое он уделяет эпохе Великой французской революции. По его утверждению эта эпоха дает лучшую возможность «уловить прямое воздействие общественных событий на мысль», и именно тогда «получили свою формулировку почти все экономические, политические, философские, религиозные, лит-ые и художественные теории, к-рые и образовали большую часть интеллектуального багажа нового правящего класса». Л. детализирует этот тезис в собственно лит-ой области, утверждая, что «революционная эпоха подошла ко всем лит-ым жанрам, к-рые впоследствии романтизм, натурализм, реализм и декантская школа вновь извлекли на свет божий, развивали, бросали, чтобы снова к ним вернуться». Выявляя социальную обусловленность и роль лит-ого и бытового яз.

в современном классовом обществе, Л. дает нам блестящий анализ роли яз. в борьбе классов во время Великой французской революции. В своем этюде «Французский яз. до и после революции» Л. с исключительной диалектической тонкостью показывает картину полной противоречий борьбы за яз. и посредством языка между аристократией и «третьим сословием», борьбы, в к-рой часто аристократия оказывается проводником языковых тенденций «третьего сословия», а буржуазия с пеной у рта защищает язык, выработанный в аристократических салонах. Ценность работы Л. в том, что она диалектически вскрывает отобразившуюся в борьбе за язык расстановку классовых сил. В основной лингвистической работе Л. не обошлось, как было уже сказано выше, без влияния «теории среды» (Сталь—Тэн). Однако этот недостаток не является определяющей методологической особенностью работы.

Работа Л. над бытовым и лит-ым яз. эпохи революции тесно связана с его исследованием «Происхождение романтизма», в котором он на основании анализа массовой лит-ой продукции конца XVIII и начала XIX вв. определяет романтизм как сложную лит-ую формацию, выкристаллизовавшуюся из лит-ого потока эпохи революции. Лафарг убедительно доказывает сочетание в романтизме тематико-идеологических тенденций «испугавшегося якобинских ужасов дворянства» с формально-стилистическими тенденциями тех же «якобинцев». В насыщенной крайним индивидуализмом, сильными страстями, «культом сердца» и экзотикой лит-ре этого периода, в вычурных образах и напыщенных описаниях, в мистицизме и католицизме—во всех этих характерных для романтизма особенностях Л. видит реакцию на рационализм и материализм революции, на политическую неустойчивость, на неожиданности революционного террора и репрессий, представляющихся врагам революции как некий рок. Уже в самый момент оформления первого периода романтизма, начало которого отмечается появлением романов Шатобриана [1801 и 1802], в нем заметны не только дворянские, но и буржуазные тенденции. И если корни романтизма частично восходят к дворянству, пользующемуся новым литературным течением для классовой самозащиты, то другие его корни восходят к буржуазии, присвоившей себе завоевания революции и использующей романтизм как орудие классового господства. Поэтому следя за возникновением и дальнейшим развитием романтизма, Л. оценивает его по преимуществу как буржуазную лит-ую формацию. «Романтизм, к-рый лишь в 1830 сформулировал свой знаменитый девиз «искусство для искусства», представляет собой классовую лит-ру. Романтики всегда брали сторону буржуазии, присвоившей себе завоевания революции».

Переходя ко второму периоду романтизма, к «романтизму 1830 года», Лафарг выделяет творчество Гюго; после того как благодаря Шатобриану «романтический яз. ут-

вердил в прозе гегемонию своей риторике и выработал элементы поэтического яз.», Гюго завершил лит-ую революцию, добившись «триумфа романтизма в поэзии». Отдавая в этом отношении должное Гюго, который, по мнению критика, подобно хамелеону, попеременно менял свою дворянско-роялистскую и республикански-буржуазную окраску, Лафарг посвящает ему острый бичующий памфлет «Легенда о Викторе Гюго». Он рассматривает шатания писателя как результат типичного буржуазного дельаческого приспособленчества и с резкой прямолинейностью непримиримого революционера развенчивает этого кумира европейской либеральной буржуазии. Следя за влиянием на литературу и отображением в ней дальнейшего развития буржуазии, Лафарг останавливается на «натурализме» (этом «охвосте романтизма», по парадоксальному утверждению Лафарга) как на литературной формации, знаменующей собой рост промышленной и финансовой буржуазии и появление на исторической арене крупного промышленного пролетариата, противостоящего «господствующему классу». И так же, как он осмелился на «святоотечественное» развенчание В. Гюго, он пытается, правда в более мягкой форме, разоблачить и либерализм крупнейшего представителя натурализма—Э. Золя, видя в нем апологета столкнувшейся с пролетариатом буржуазии.

В связи с критикой творчества Золя Л. разоблачает буржуазный реализм и натурализм. «Самое поверхностное наблюдение, никогда не идущее от следствий к причинам и от действий к их конечным результатам,— вот чем является триумф реализма». А натурализм определяется им как «чисто механический» творческий метод. Эмпирическому верхоглядству реалистов и натуралистов Л. противопоставляет метод диалектического материализма (см. ст. о Золя, воспоминания о Марксе и др.). Многие высказывания Л. по вопросу о творческом методе звучат актуально и по сей день, давая небезынтересный материал для дискуссии о творческом методе пролетарской литературы.

Указывая, что марксистская критика «не считает своей задачей прославлять или осуждать писателей», Л. отменяет оценки нормативной идеалистической критики, руководствующейся «правилами» и «вкусом», но никоим образом не отказываясь от классовых оценок. Наоборот, мало кто с такой резкостью «прославлял или осуждал» писателей с классовой точки зрения, как Л. В этом отношении современная критика может у него многому научиться, но при этом необходимо учесть те крайности, к-рые имеются в его оценках и к-рые отразились в его историко-литературной концепции вообще и в отношении к буржуазным лит-ым формациям XIX в.—в частности. Стремясь увидеть в эпохе революции зародыши всех буржуазных лит-ых формаций, развернувшихся впоследствии, Л. стал на эволюционистские позиции, противоречащие его же собственным диалектическим построениям. Не-

утомимо разоблачая буржуазию, рассматривая и отвергая с пролетарской революционной точки зрения буржуазные лит-ые формации, он не дифференцирует буржуазию и никак не ставит проблему соотношения романтизма и напр. мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата, революционные завоевания к-рых присвоила крупная и средняя буржуазия.

Благодаря тому что оценки Лафарга выдержаны в духе огольного «разоблачения» буржуазии как монолитного массива, они иногда близки к вульгаризации марксистского метода. В частности это относится к оценке тех же романтиков, к-рые рассматриваются Л. как приспособленцы, очковитательствующие фразеры, ловкие ханжи и т. д. Все это приводит Л. к антиисторическим усложнениям, к недооценке тех исторически-прогрессивных элементов, к-рые заключались в художественном наследии прошлого, к ограничению этих элементов только областью лит-ого яз. и к огольному отвержению с точки зрения интересов пролетариата всех жанров, культивируемых буржуазной лит-рой. Ошибочной является и концепция Л. в вопросе о развитии пролетарской литературы. Вера в расцвет пролетарской культуры при диктатуре пролетариата, он сомневался в возможности возникновения литературы пролетариата до пролетарской революции, указывая на то, что в условиях чрезмерной капиталистической эксплуатации «рабочий теряет прекрасный дар поэзии». Уже в момент высказывания эта концепция [90-е годы] опровергалась фактами появления зачатков пролетарской литературы на Западе, в Америке и в России.

Многое из того, что может показаться «вульгарным» и «дичным», обусловлено памфлетической целеустремленностью статей Лафарга. Талантливейший мастер памфлета, автор знаменитого «Права на лень», неутомимый разоблачитель буржуазного лицемерия—Лафарг сознательно выделял лишь реакционные черты буржуазной культуры и ее представителей, оставляя в тени проблему культурного наследия и его революционно-критической переработки пролетариатом.

Вся литературно-критическая работа Лафарга связана с его практической революционной деятельностью. Страстный боев-революционер, пламенно ненавидящий буржуазию и бичующий ее даже в исследованиях о первобытных временах, Лафарг обращается к лит-ре XIX в. для того, чтобы показать пролетариату облик класса-угнетателя. Но метод этого показа—не абстрактные теоретические рассуждения, а конкретный исследовательский анализ. Это избавило наследие Л. от публицистической эфемерности и позволило Мерингу сказать, что «очерки Лафарга принадлежат к той марксистской литературе, которая имеет непреходящее значение».

Современному этапу развития марксистско-ленинского литературоведения особенно созвучны два момента в работах Лафарга:

неразрывная связь теории с практикой, классовая непримиримость и строгая партийность при подходе к историко-литературным явлениям. Относясь к работам Лафарга критически, отдавая себе полный отчет в наличии у Л. ошибочных установок и отбросив имеющиеся у него элементы механицизма и антиисторизма, марксистско-ленинское литературоведение имеет полное основание включать положительные элементы лит-ого наследия «одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма» (Ленин о Лафарге) в свой железный фонд.

Библиография: 1. Экономический детерминизм К. Маркса, изд. 2-е, «Московский рабочий», М., 1928; Очерки по истории культуры, изд. 2-е, «Московский рабочий», М., 1928; Собр. сочин., под ред. Д. Ризанова, тт. I, II и III, Изд. М., 1925—1930 (в III том вошли историко-литературные статьи: «Французский язык до и после революции», «Происхождение романтизма» и «Легенда о В. Гюго»); Язык и революция, «Academia», Л., 1930; «Деньги» Эмиля Золя, «Литературное наследство», кн. II, 1932; не переведены на русск. яз.: «Sapfo» (о романе А. Дюма), «Neue Zeits», 1886, S. 237; «Der Darwinismus auf der französischen Bühne», «Neue Zeits», 1890, I.

И. Девин В. Речь на похоронах Лафарга, Собр. сочин., т. XV; Стеклов Ю., Поль Лафарг—боец революционного коммунизма, издание 3-е, П., 1924; Дешевов К., Поль Лафарг, 1926 (на укр. яз.); Кризцов Ст., На заре французского марксизма, «Воинствующий материалист», IV, 1925; Удалцов А., О новом издании сочинений Лафарга, «Книга и пролетарская революция», 1932, № 1; Гоффеншефер В., Лафарг и проблемы языка, вступ. ст. к этюду Лафарга «Язык и революция», 1930; Егоров, Лафарг о реализме и натурализме, «Литературное наследство», книга II, 1932; Егоров, Практик марксистской критики—Поль Лафарг, ГИХЛ, М., 1932; Mehring F., Paul und Laura Lafargue, «Neue Zeits», 1911, Dez., S. 337; Егоров, Рецензия о Лафарге, «Neue Zeits», 1908—1909, I; Вган А., Lafargue, «Kampf», Wien, 1911, 1/XII; Вугр, La légende de V. Hugo par Paul Lafargue, «Le mouvement socialiste», 1902, № 85. В. Гоффеншефер

ЛАФОНТЕН Август [August Lafontaine, 1758—1831]—немецкий писатель-сентименталист, родоначальник буржуазного «семейного» романа. Сын художника, из семьи французских эмигрантов. Литературную карьеру начал в 1789, выступая в первое время под различными псевдонимами (Густав Фрейер, Мильтенберг, Зельхов), и благополучно продолжал ее вплоть до 20-х гг. XIX в., несмотря на яростные нападки со стороны романтиков, подвергших жестокую критику его «утопающий в слезах» сентиментализм. Ловкий рассказчик, обладающий значительной долей фантазии, Л. стяжал себе огромную популярность среди современной ему немецкой публики, буквально зачитывавшейся его многотомными слезливо-чувствительными произведениями, отвечающими вкусам и настроениям немецкого мещанства.

Плодовитость Лафонтена необычайна,—он написал больше 160 романов и повестей, из которых напр. «Gemälde des menschlichen Herzens» (Картины сердца человеческого, 1792)—в 18 тт., «Leben und Taten des Freiherrn Quintus Heynkran von Flaming» («Жизнь и подвиги барона Квинция Хейнкрана фон Фламинг, 1795—1796)—в 4 томах, «Familiengeschichten» (Семейные рассказы, 1797—1804)—в 12 томах. Впоследствии публика предала окончательному забвению своего прежнего любимца.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К БАСНЯМ ЛАФОНТЕНА
Худ. J. B. Oudry, грав. Sornique (Paris, 1755)

Библиография: I. Русский перевод (около 50 названий) см. в «Росписи российских книг для чтения из библиотеки Александра Смидина» (сост. В. Г. Анастасевич), СПб., 1828.

H. Gruber I. G., Lafontaines Leben und Wirken, Halle, 1833; M uncker F., A. Lafontaine, 1883; R u m m e l t F., A. H. J. Lafontaine—von den Anfängen bis zur Höhe seines Schaffens—1785—1800, Halle: er. Diss., 1914.

ЛАФОНТЕН Жан [Jean de La Fontaine, 1621—1695]—знаменитый французский поэт-баснописец. Привлаждал по происхожде-

Фуке, он чередует стихи с прозой, описания с рассказами и диалогами, стиль героический с лирическим. Стремление овладеть разными стилями и жанрами приводит его к подражанию слашавой риторике Марино (см.), под влиянием к-рого он пишет «героическую» идиллию «Адонис» [1658]. Л. стоит здесь целиком на почве эстетики Барокко (см.) в его галантно-аристократическом, гедонистическом выражении, но у него нет присущей Барокко антиномичности, иррациональности и мистицизма; этому противилась здоровая буржуазная психика Л., только временами подавленная салонно-аристократическими условностями. Тем не менее пристрастие к барочной помпезности, велеречивости и декоративности было у Л. весьма прочным; оно не покидало его даже в самый «классический» период его деятельности. Рассказчик-реалист и наблюдатель, он неизменно мечтает о героическом стиле, насилует свое дарование сочинением од и поэм, либретто для опер и балетов, а в старости пишет трагедию в корнелевском стиле «Ахилл» (не окончена).

В 1661 наступает перелом в жизни Л., вызванный отставкой и арестом Фуке. Л. стремится привлечь общественное мнение в пользу своего покровителя; сочиняет трогательную «Элегию к нимфам Во» (Élégie aux nymphes de Vaux, 1661). Но заступничество за Фуке повлекло изгнание Л. в Лимож. В 1664 он находит покровительницу в лице герцогини Бульонской, которой посвящает свои скабрзные стихотворные «сказочки» (contes), почерпнутые у Бокаччо, Петрония, Апулея, Аристо, Рабле, Маргариты Наваррской и др. «Contes» имели громкий, но

нию к провинциальной чиновной буржуазии, из рядов к-рой вышли почти все великие писатели «века Людовика XIV». Род Л., весьма древний и богатый, имел претензии на дворянское звание; претензии эти дорого обошлись поэту, на к-рого в 1662 был наложен крупный штраф за незаконное присвоение дворянского титула. Это характерно для Л., враставшего среди высшего света и ведшего образ жизни типичного аристократа.

В лит-ру Л. вошел поздно. Он дебютировал посредственным подражанием «Евнуху Теренция» [1654]. Переехав в 1657 в Париж и найдя покровителя в лице Фуке, всесильного министра финансов Людовика XIV, Л. получил пенсию, за к-рую обязался сочинять по стихотворению в месяц. Так появились многочисленные сонеты, баллады и мадригалы Л., воспевавшие мелочи светской жизни в свободном, непринужденном тоне, отличном от манерности поэтов «прециозной» школы (см.). Опираясь на традиции старофранцузских поэтов и Маро (см.), Л. обновляет лексику и строфику «легкой поэзии» (poésie légère), становясь ее виднейшим представителем. Более крупные его вещи свидетельствуют о поисках своего стиля путем использования приемов различных поэтических школ. В эклоге «Климена» [1658] он влагает рассказ о любовных муках пастуха Аванта в уста девяти муз, излагая одну тему в девяти стихах. В аллегорической поэме «Сон в Во» (Le Songe de Vaux, 1658), воспевающей роскошный загородный дворец

Обложка к поэме Лафонтена «Адонис»

скандальный успех; они выдержали 4 издания [1667—1674], после чего были запрещены и навлекли на Л. немилость короля, долго противившегося его избранию во Французскую академию (избран только в 1684). Наконец в 1668 Л. выпускает первые 6 книг

своих басен под скромным заглавием «Басни Эзопа, переложенные в стихи Лафонтеном»; следующие 5 книг выходят в 1678, а последняя (12-я) — только в 1694. Попутно Л. издает маленький роман в прозе «Психей и Купидон» [1669], проникнутый изящным «прециозным» юмором, и пишет (в сотрудничестве с актером Шанмелэ) комедии «Раготен» [1684], «Флорентиец» [1685] и «Волшебный кубок» [1688], мало достойные его имени. Басни Л. принесли ему общее признание. Лишь король сохранял холодность

ведет борьбу со всеми уклонами от рациональных форм мысли и творчества — с прециозностью и бурлеской (см.), с жеманной пасторалью (см.) и грубым фарсом (см.). Л. великом принимает программу Буало, формулируя ее в знаменитом четверостишии, написанном под впечатлением комедии Мольера «Несносные»: «Nous avons changé de méthode, / Jodelet n'est plus à la mode, / Et maintenant il ne faut pas / Quitter la nature d'un pas» (Мы изменили метод, Жодле уже больше не в моде, и сейчас не следует отступать ни на шаг от природы). Эта декларация новой школы «здорового смысла» и «хорошего вкуса» получила практическое осуществление в творчестве самого Л., в частности — в его знаменитых баснях.

В области баснописания Л. имел во Франции предшественников: Марию Французскую, «Роман о Лисе», Маро, Ренье. Но Л. им почти ничем не обязан. Он черпал вдохновение в первоисточниках: у Эзопа, Федра, Пильпая (см. «Басня»). Но у тех басня имела узко дидактическую, практическую цель, являясь иллюстрацией к поучению. У Л. центр тяжести постепенно перемещается на рассказ. Если в первых двух книгах он стоит еще во многом на традиционных позициях дидактической басни, то в дальнейшем он хочет не поучать, а развлекать своего читателя. Отсюда и ослабление общественного смысла басни, которая превращается в «веселую болтовню», «красивую игрушку» (Лессинг), предназначенную для увеселения паразитического класса. Параллельно ослаблению дидактической установки усиливается сюжетная сторона басни; художественное развитие повествования приобретает основное значение, а мораль становится как бы рудиментарным привеском. Задача Лафонтена — по-новому, свежо и оригинально, рассказать старую басню. В традиционные сюжетные рамки он вводит много нового, неканонического, реально-бытового материала. Его басни развертывают обширную картину современной французской жизни, «комедию в 100 актов», персонажи которой, четко очерченные именно как социальные типы, взяты из всех классов и сословий французского общества XVII в. Правильно заметил Гэн, что всякая басня Л. построена, как маленькая драма, — с экспозицией, интригой и развязкой, с мастерским диалогом, с часто драматической обрисовкой персонажей посредством их поступков и яз. Это относится не только к людям, но и к животным, к-рых Л. рисует с поразительной жизненностью, заставляя судить об их характере по их поступкам и приписывая им человеческие свойства, не упрощающие однако их животной природы.

Особенности стиля Лафонтена тесно связаны с его мировоззрением. В основе его стиля лежат ясность, трезвость и точность наблюдения реальной действительности и в то же время — острое ощущение противоречий этой действительности, ее отклонений от принятых «хорошего вкуса» и «заравого смысла», порождающее юмористическую, насмешливую трактовку событий. Эти

Эбен. Иллюстрация к «Contes et nouvelles» Лафонтена

к любимому поэту всей высшей знати, к-рый платил ему той же монетой (ср. басни III₂ и VII). В мелодости вольнодумец «Либртен», извительно говоривший о провидении, благодати и т. д., Л. переживает в старости «обращение», отрекается от своих «безбожных» сказок, пишет парафразы на псалмы и умирает верным сыном католической церкви.

Лит-ая слава Л. основана целиком на его баснях, которые он, как и все свои другие произведения, сочинял исключительно для высшего парижского света, для придворной аристократии. Это «хорошее общество» (la bonne compagnie) было подлинным деятелем всего творчества Л., к-рый сумел приспособить свою буржуазную психику, свой «галльский» ум, охотно искавший вдохновения у грубых средневековых рассказчиков, к вкусам и требованиям парижских салонов. Лит-ый диктатор эпохи, создатель догматической эстетики классицизма, Буало (см.)

реалистические черты в творчестве Л., равно как и его жизнелюбие, здоровый оптимизм, характеризуют его как представителя молодого, восходящего класса. Но в то же время почти полное отсутствие агрессивных тенденций, обличительных настроений

Границь. Иллюстрация к басне Лафонтена «Стрекоза и муравей»

и сатиры знаменуют удовлетворенность существующим порядком вещей, уверенность в его справедливости и разумности — настроения, характерные для крупной чиновной и денежной буржуазии, поддерживавшей монархию Людовика XIV (вопреки утвержде-

Удди (Oudry). Иллюстрация к басне Лафонтена «Слон и обезьяна Юпитера» (Париж, 1759)

нием Тэна Л. — не сатирик, а спокойный наблюдатель, эпикурейски-шутливо говорящий об общественных недостатках и пороках и лишенный всякого политического темперамента). Как ни близок был Л. к аристократическим кругам, его мировоззрение

проникнуто сплошь буржуазными чертами; таковы его вольнодумство, эпикуреизм, сен-

Бушо (Bouchot). Иллюстрация к басне Лафонтена «Лисица и журавль»

суализм, эгоистическая утилитарная мораль, подчас граничащая с цинизмом, про-

Лутербург (Louterburg). Иллюстрация к басне Лафонтена «Ворона и лисица» (Париж, 1765)

славляющая, подобно буржуазной новелле, успех и удачу независимо от средств, которыми они достигаются; она учит трез-

вому взгляду на жизнь, умению пользоваться обстоятельствами, угождению всем людям, так как могут пригодиться даже самые маленькие из них. Лафонтен лишен всякой сентиментальности; его герои—те, кто умеет быть кузнецом собственного счастья. Подобная мораль буржуа эпохи первоначального накопления замаскирована изящной формой, непринужденной болтовней с аристократическим потребителем, искусственным простодушием (naïveté), т. е. фикцией рассказчика, верящего небывшим, о к-рых он рассказывает. (Эта сторона басни Л. была впоследствии теоретически обоснована Мармонтелем и стала каноническим признаком жанра у всех последователей Л.). Так, буржуазное содержание облекается в светскую форму, подчиняется концепции искусства как изящной забавы, приятного времяпрепровождения. Сюда присоединяется могучий художественный инстинкт Л., его умение схватить и передать словами, звуками и ритмами все опущения реального мира, рамки к-рого широко раздвигаются, включая помимо мира людей также мир вещей, растений, животных, природу в целом, к-рой не знали другие классики XVII в. Соответственно тому расширяются и выразительные средства поэзии Л.; его лексика обогащается из языкового запаса старинных авторов (особенно Рабле), провинциальных наречий и живой народной речи; его слог гибок, сочен и меток; его метрика и просодия поражают богатством и разнообразием ритмов, пристрастием к свободному стиху, гредвшающим просодию романтиков и даже символистов с той лишь разницей, что чисто музыкальная и живописная сторона стиха у Л. рационализирована, подчинена смысловой, рассудочной стихии. В этом опять-таки сказывается его классовая психика, проникнутая чисто буржуазным рационализмом.

Басни Л. оказали громадное влияние на все европейские лит-ры, несмотря на противоядие идеолога переводов немецкой буржуазии XVIII в. Лессинга (см.), стремившегося использовать басню как орудие общественно-политической борьбы. В России по стопам Л. шли все видные русские баснописцы: Сумароков, Хемницер, Измайлов, Дмитриев, Крылов и др.

Библиография: 1. Русское издание басен Лафонтена (в перев. Крылова, Измайлова, Дмитриева, Хемницера, Коринфского и др.), с рисунками Г. Доре, изд. П. П. Сойкина, СПб, 1896; Басни, перев. прозой, СПб, 1897; Басни, Полюн. собр. сочинений, под ред. А. Введенского, 2 тт., СПб, 1901; *Oeuvres de La Fontaine*, publ. par C. A. Walckenaer, 12 vv., 1819—1821 (перевод, 1822, 1826, 1835, 1838, 1840); *Oeuvres complètes de La Fontaine*, publ. par Marty-Laveaux, Bibliothèque Elzévirienne, 5 vv., 1857—1877; publ. par L. Moland, 7 vv., 1872—1876; publ. par H. Requier et P. Mesnard, Coll. des Grands Écrivains de la France, 14 vv., 1882—1893 (научно-критическое изд.).

2. Кирпичников А. И., Французская литература в эпоху классицизма, во «Всеобщей истории литературы», под редакцией В. Корша, т. III; Жансон Г., История французской литературы, т. II, XVII в., СПб, 1899 (есть и др. изд.); Дауден Э., История французской литературы, СПб, 1904 (есть и др. изд.); Венгерова З., Статьи в журн. «Образование», 1896, № 5—6. Лучшая биография Лафонтена: Walckenaer C. A., *Histoire de la vie et des ouvrages de La Fontaine*, 1829 (4-ме éd., 1858). Главные историко-критические труды:

Taine H., *La Fontaine et ses fables*, 1853—1860 (13-ме éd., 1895); Sainte-Beuve, *Portraits littéraires*, v. I; *Causeries du lundi*, v. VIII; Michaut G., *La Fontaine*, 2 vv., 1913—1915; Marty-Laveaux, *Essai sur la langue de La Fontaine*, 1853; Banville Th., *Petit traité de poésie française*, 1881; France A., *Le génie latin*, 1913; Vossler K., *La Fontaine und sein Fabelwerk*, Heidelberg, 1919; Hallays A., *J. de La Fontaine*, 1922.

3. Lorin Th., *Vocabulaire pour les œuvres de La Fontaine*, 1852; Rochambeau, de, *Bibliographie des œuvres de La Fontaine*, 1911. С. Мокрошова

ЛАФОРГ Жюль [Jules Laforgue, 1860—1887]—французский поэт, один из первых декадентов. Родился в Уругвае, но еще ребенком был привезен в Париж и здесь получил образование. Сблизился с Г. Каном, Л. стал посещать собрания лит-ого кружка «гидропатов»—молодых поэтов, восставших против поэзии парнасцев (см.). Дебютировал стихами в маленьких журналах, дававших приют новой поэзии. В 1885 вышла первая книга стихов Л.—«*Les Complaintes*», а вскоре после нее—«*L'imitation de Notre-Dame la Lune*». Стихи Л. обратили на него всеобщее внимание. Но Л. скоро умер, не успев развернуть своего дарования. Тем не менее он оказал большое влияние на слагающуюся школу символистов. Вместе с Верленом он резко отмежевывался от академизма парнасцев; ломал крепкие формы александрийского стиха, подготавливая переход к «свободному стиху» (vers libre); нарочито снижал и огрублял лексику и слог своих стихотворений, обращаясь к обработке уличных песенок. Характерная особенность лирики Л.—сочетание романтики с иронией, приводящее его к самопародии. Эта черта сближает Л. с Гейне. Беспорядочная, крайне субъективная и противоречивая поэзия Л. носит на себе отпечаток глубокого кризиса мелкой буржуазии во время Третьей республики. Часть этого слоя, экономически подорванная, социально дезориентированная, отходит от общественной жизни, проникается упадочными настроениями, впадает в пессимизм. Лафорг—поэт именно этой среды, создавшей ему громкую славу. Одной из причин его популярности является также доступность его поэзии, к-рая легко скатывается до стили газетного фельетона. В России Л. известен меньше других «декадентов». На русский яз. переведены «*Le Concile féérique*» (Феерический собор, перев. В. Брюсова, Н. Львова и В. Шершеневича, изд. «Альциона», 1914) и драма «*Pierrot fumiste*» (Пьеро, перев. В. Шершеневича, изд. «Альциона», 1918).

Библиография: 1. Русск. перев., кроме указанных выше, см. в кн.: Брюсов В., Полное собрание сочинений и переводов, т. XXI. Французские лирики XIX в., СПб, 1913; Эренбург И., *Поэты Франции (1870—1913)*, Париж, 1914; *Oeuvres complètes*, 3 vv., «Mercure de France», 1902—1903.

2. Коневской Ив., Стихи и проза, издание «Споршот», 1904; Maucclair C., *Étude sur J. Laforgue*, 1896; Dufour M., *L'esthétique de Laforgue*, 1905; Miomandre Fr., de, *Visages*, Bruges, 1907. С. Мокрошова

ЛАХУТИ Абдул Каси [1887]—современный персидский поэт, революционный деятель, коммунист. Р. в семье «гезекеш» (башмачника) в г. Керманшахе. Был учеником кузнеца, слугой, башмачником—работал с отцом. Л. начинает писать под влияни-

ем отца-поэта, прозванного крестьянами «Хеким Ильхам» (философ Ильхами). Своими первыми стихами Л. участвует в религиозно-шиитских мистериях и благодаря им становится популярным. Начало лит-ой деятельности Л. совпадает с крайним обо-

стремием классово-борьбы в стране. Размах конституционного движения увлекает Л. Сначала он—последователь секты Нематуллаха, «служившей народу», затем секты бехайтов.

От религиозно-сектантских настроений Л. освобождается только под влиянием радикально-буржуазного движения «франкмасонства», возглавляемого известным ученым и революционером Мирза-Мальком Ханом. Франкмасоны отправляют Л. в Тегеран [1904] в франкмасонскую школу. К этому периоду относятся его «Шяб-Нам» (Ночные письма-прокламации)—поэтические листовки, направленные против режима шаха и дворца. В 1907 Л.—участник «решетского» восстания, затем принимает активное участие в низвержении Мохаммед-Али-Шаха, вступает в ряды «моджахидов» (революционеров) знаменитого революционного вождя Саттар-Хана. Во время империалистической войны Л., продолжая борьбу против англичан, шаха и «пан-исламистской армии», организует в Керманшахе газ. «Бисотун», первые 10 номеров которой написаны самим Л. После разгрома националистов Л. эмигрирует в Турцию. Издает в Константинополе журн. «Парс» эстетического направления. Там же [1921] печатается первый сб. его стихов. К 1922 Л. возвращается в Персию и организует знаменитое тавризское восстание против правительства. Потерпев поражение, переходит на советскую территорию. Здесь первое время работает рабочим в Баку. Затем работает в Москве в Центриздате; последние годы занимает ответственные партийные и советские посты, гл. обр. в Таджикистане (секретарь горкома партии,

зам. наркомпроса Таджикистана и др.). В 1931 [IX] награжден орденом Трудового красного знамени.

Творческий путь Л.—от мистического суфизма к коммунизму—можно разделить на следующие 4 периода:

1. Период суфизма (до 1904), отражающий идеологию персидского «народно-трудового суфизма». Бессодержательному мистическому философствованию соответствуют и стиливые особенности суфийской поэзии.

2. Период национально-освободительных войн в Персии [1904—1917]. Творчество Л. этого периода представляет собой своеобразное сочетание народно-демократических суфийских лозунгов с национализмом, патриотизмом и враждою к иностранному гнету (см. «Любовь к родине—основа веры»). Стихотворение Л., напечатанное в калькутском журн. «Хабл-оль-Мэтин», полное националистического пафоса, призывающее к спасению родины, доказывает, что национализм не противоречит догматам ислама. Вместе с тем в творчество Л. просачиваются социальные мотивы. Л., обращаясь к трудовому дехкану, говорит: «Радуйся, о труд дехканина, о слава человечества; тобой устроен мир, ты—сущность его бытия; не было бы мира, если бы тебя не было; причина устройства мира—это ты, о ренджбер (трудящийся), ты—смысл человека» (газ. «Чэнта-йе-Пабрэхнэ», 1910). Такое обожествление труда характерно для большинства произведений этого периода. В конце второго периода Лахути, обращаясь к трудящемуся, пишет: «О ренджбер, с черной судьбой, бедный, босой крестьянин, только твоя жизнь—в мучениях, в лишениях; а дворяне—в уюте от твоего труда...» «Богатство шахов—продукт твоего труда, а роскошь хана—плод твоих мучений». Л. видит уже классовые противоречия, полон революционной решимости в борьбе с шахом и его сатрапами за торжество справедливости и свободу трудящихся, но не понимает еще сущности классовых противоречий и путей их преодоления. Произведения этого периода, достигая самого высокого художественного уровня, поставили Л. в ряды крупнейших персидских поэтов.

3. Период 1917—1922. Это своеобразный переходный период для Л., характеризующийся разочарованием в методах демократии и несколько замедленным, но последовательным переходом от революционного демократизма к коммунизму, от революционно-мелкобуржуазной идеологии к пролетарской, от левого крыла «моджахидов» к компартии. Константинопольский период показывает известное увлечение Л. вопросами формы. Одна из стиливых особенностей этого периода—постепенный отход Л. от традиционных форм персидской поэзии, искание новых форм и жанров.

4. Период творчества Л., совпадающий с его пребыванием в Советском Союзе [после 1922], по существу своему завершает переход, отмеченный выше, и характеризуется процессом превращения Л. в пролетарского поэта. Наиболее характерные и яркие произведения Л. последнего периода—большая

революционная ода «Кремль» и «Робаят» (Четверостишия). В этот же период вышел его сб. «Эдэбият-е-Сорх» (Красная поэзия), включающий главные произведения последнего десятилетия. «Кремль» — ответ Л. персидскому поэту Хакани (см.) и его преемнику Хосейну-Данеш (поэма «Развалины Меданы»), воспевающим и идеализирующим древнюю Персию и господство Сассанидов. Этой реакционной идеализации «прошлого» Лахути противопоставляет раскрытие классовой сущности исторических явлений, начиная от «Кесре-Кесра» Сассанидов, кончая Кремлем и Ватиканом. «До каких пор, о сердце, будешь плакать о троне Нушрвана, во дворце Кремля ты чтишь скрытые тайны», — говорит Л., обращаясь к персидским поэтам. В Кремле «каждый рисунок в куполах сделан из крови народного сердца; каждый кусок стены здесь — это прах и тело погибшего под гнетом бедняка». Проводя аналогию между Кремлем и Медан (дворец Сассанидов), Л. пишет: «Кремль и Медан — оба построены бедняками и рабочими. Первый стал дворцом Романовых, а второй — дворцом сыновей Сассана. Но сейчас Кремль принадлежит уже не Романовым, а подлинному «хозяину дворца». «Когда хозяин дома занял этот дом, мир наш освободился от реакции господ». Поэтому Л. призывает к защите Кремля, т. к. Кремль — это «центр мира», где нет «ни нации, ни бога, ни сатаны». «Робаят» — самое блестящее произведение Л. В последнее время Л., систематически сотрудничая в ц. о. «Правда», дает стихи (они переводятся на русский яз.) о социалистич. строительстве и революционной борьбе Коминтерна. Необходимо еще отметить, что при непосредственном участии Л. создается революционная пролет. лит-ра Таджикистана.

Революционные рабочие и крестьянство Персии и рабочий класс нашего Союза имеют в лице Л. большого поэта, выразителя идей освобождения колониальных стран и борьбы за социализм.

Библиография: Г. Шаб-Нам. Листовки, 1907; Лали-де-Лахути (Жемчуга Лахути). Стихотв., Константинополь, 1920; Ченаме-Лахути, стихотв.; Бахариле-Лахути. Стихотворения; Ирониаме-Лахути, Стихотв.; Кремль и Робаят, Самарканд — Сталинабад, 1927; Эдэбият-е-Сорх, Самарканд — Сталинабад, 1927; Террор и организация, Брошюра на таджикском яз. Стихи в газетах: «Чанта-де-Наборэхиз» (Персия), «Ирав-е-Нов» (Персия, 1910), «Шам» (Константинополь, 1920), «Таджикистан-Сорх», «Дехканин-Камбегаль» и журнал «Рехбер-и-Данеш», Таджикистан; «Сетаре-е-Сорх» (орган иранской коммуартии), Вена, «Правда» и т. д.

И. Бертельс Е. Э., Очерки истории персидской литературы, Л., 1928; Чаяни К., Краткий очерк новейшей персидской литературы, М., 1928; Канделак Рима, Первый пролетарский поэт Ирана, журн. «На рубеже Востока», Тифлис, 1929, № 3; В г о в н, The press and poetry of modern Persia, L. А. И.

ДАШАМБОДИ Пьер [Pierre Lachambeaudie, 1806—1872] — французский баснописец и шансонье, сын сельского сборщика податей, из крестьян. Начал лит-ую деятельность в наиболее мрачные годы Реставрации. За юношеские песенки был исключен из семинарии. Затем дважды лишился службы за радикальные басни в «Caléidoscope» Араго и стихи в «Échos de la Loire». В 1829

опубликовал по подписке «Essais poétiques» (Поэтические опыты). В эпоху Июльской революции [1830] примкнул в Лионе к сенсимолистам. В 1839 опубликовал сб. «Fables» (Басни) и сам по-нищенски дополнил его. Сборник выдержал ряд новых, дополненных изданий (некоторые под назв. «Fables populaires» — Народные басни), с предисловием и очерками Эм. Сувестра, П. Венсара, П. Леру и др. В 1844 Л. разделал с Дюлоном академическую премию «талантам, борющимся с крайней нуждой»; в следующем году получил академическую премию «за сочинения, полезные для нравов», смягчив по совету Скриба в своем сборнике некоторые места. В годы перед Февральской революцией его песни распевались на народных празднествах. В эпоху Февральской революции выступал в революционных клубах, причем выступления эти носили скорее умеряющий чем зажигательный характер. Бланки в период своего выжидательного отношения к временному правительству ввел Л. в бюро своего клуба. После Июньских дней Л. был заключен в Консьержери, хотя и не принимал участия в восстании. После Декабрьского переворота [1851] Л. был вновь арестован и отвезен на военное судно для отправки в Каптенну, но по ходатайству Беранже ссылку заменили изгнанием. В 1859 Л. вернулся по амнистии во Францию.

Л. — мелкобуржуазный баснописец и шансонье с налетом утопического социализма, к-рый однако в некоторых баснях он сам высмеивает. Наряду с «гуманистическими» симпатиями к рабочему классу у него прорываются и нотки страха перед «рабом, становящимся тираном». Л. резко противопоставляет науку, просвещение и технику рутине, но склонен вместе с сенсимолистами мистически преувеличивать их социальную роль. Горячо восставая против бонапартизма, Л. верит в «республику», призывает к примирению демократов и социалистов и не столько проповедует, сколько берет под защиту коммунизм, о котором имеет представление еще более неопределенное и мистическое, чем французский пролетариат того времени, еще не изживший тогда ремесленнической психологии: «Ne criez pas: „À bas les communistes“» (Не кричите: «Долой коммунистов»). По форме басни Л. — скорее коротенькие аллегорические иллюстрации той или иной «морали», чем повествовательные рассказы с развитой фабулой. Гораздо «драматичнее» его песни. Л. — выходец из крестьянской среды, писал также на родном перигорском патуа — диалекте провансальского яз. Произведения Л. переведены на немецкий яз. (Людвигом Пфау, 1856). На русск. яз. ряд басен Л. (11) появился в 1872 в «Отче. записках» (по случаю смерти Л.) частью в переводе, частью в переводе Н. Курочкина, вызвав особое донесение СПб. цензурного комитета в Главн. управление по делам печати.

Библиография: I. Essais poétiques, Sarlat, 1829; Fables populaires, изд. 1-е, P., 1839, с рядом последующих дополнительных изданий как под этим названием, так и под названием «Fables», «Fables et romes» и др. из к-рых последнее — иллюстрированное изд., P., 1903; Les enfants de Villemomble, P., 1860;

Les fleurs de Villemoble, 1861; Prose et vers, précédés d'une autobiographie, P., 1867; Recueil de fables patoises, Périgueux, 1857.

II. Предисловие и очерки E. m. Souvestre, Aug. Chabo, Beranger, P. Leroux, A. Bourgoignin и др. к различным изданиям Лашамбоди: De Mircourt, Eug. Lachambaudie, P., 1857 (крайне ненадежная биография, очерк, но с некоторыми любопытными указаниями); статья «Lachambaudie», «Dictionnaire universel de XIX siècle», Larousse (очень обстоятельная). Ал. Дробинский

ЛЕ Иван [1895—]—современный украинский пролетарский писатель. Р. в с. Мойсенцах Черкасского окр. в крестьянской семье. Учился в деревенской школе. С 1907 по 1915 был батраком. В 1915 был мобилизован на фронт, откуда после революции

возвратился в деревню. В 1922 поступил на рабфак при Киевском политехникуме. К этому времени относится начало его лит-ой деятельности—вступил в объединение футуристов; с 1927—в ВУСПИ. В первом сборнике «Юхим Кудря» Л. разрабатывает преимущественно крестьянскую тематику. В повести «Юхим Кудря» описана гражданская война и влияние ее на различные слои крестьянства. Наиболее удался Л. показ приспособившегося кулака в эпоху гражданской войны и в условиях зпа. Л. первый в революционной украинской лит-ре дал образ борца за новые формы сельского хозяйства. Менее удалась Л. люди города (мещанство). Рассказы из быта городского мещанства—«Танец живота», «Любисток и чемерица»—страдают схематизмом и идеологически не выдержаны.

Наиболее крупное произведение Л.—«Роман Міжгір'я». Тема романа—социалистическое строительство в Узбекистане (постройка ирригационной системы) в обстановке сложных классовых и национальных взаимоотношений (рабочие, крестьяне разных прослоек, техническая интеллигенция от коммунистов до контрреволюционеров-вредителей, узбекская интеллигенция, мусульманское духовенство). Ле в этом романе является одним из наиболее ярких представителей творческого направления пролетарской литературы, известного под названием пролетарского реализма. К этому на-

правлению Л. пришел, отталкиваясь от натуралистических и романтических тенденций, которые однако все же встречаются в «Романе Міжгір'я». Характерные черты творчества Ле—пафос социалистического строительства и показ коллективного героя—массы, представленной в характерных образах.

Библиография: I. Юхим Кудря, ДВУ, Харків, 1927 (русск. авториз. перев. И. Тутюнской-Зак, Гиз, Москва, 1929); Рятми шахтвирки, ВУСПИ, Харків, 1927; Роман Міжгір'я, ДВУ, Харків, 1929.

II. Коваленко Б., Пролетарский реализм в украинской художественной прозе, «Гарт», 1927, № 6—7; Якубовский Б., Справа величезной ваги, «Гарт», 1927, № 1; Коваленко Б., Под знаменем пролетарского реализма, «Молодія», Б. Коваленко

ЛЕАЛЬ Антониу Дуарте Гомеш [Antonio Duarte Gomes Leal, 1849—1921]—португальский поэт. Мелкобуржуазный радикал; считал себя революционером, бичевал в своих сатирах современное буржуазное общество («Satyras modernas», 1899; «Mefistofeles em Lisboa», 1907). Отбыл тюремное заключение за инвективы, направленные против короля и королевы («A Traição, Carta ao Rei Dom Luis», 1881; «Hereja, Carta à Rainha», 1881). Воспитанный на идеалистической философии, Л. осуждал «материализм», который он понимал как практическое дельчество буржуазии. Как поэт Л. находился под сильным влиянием Гюго, которому он подражал даже тематически (грандиозные космические сюжеты поэм «Claridades do Sul», 1875; «A Fome de Cambões», 1880; «A Historia de Jesus», 1883; «O Fim de um Mundo», 1900, и др.). Риторический пафос романтиков принял у него характер декламации. Л.—эрудит-начетчик. Примером может служить крупнейшая поэма Л. «O Anti-Christo» [1884], загроможденная «книжностью»: все сколько-нибудь замечательные персонажи мифов и герои истории привлечены поэтом как судьи исторических событий; они декламируют александрийские стихи, в к-рых посрамляется современная поэту «сложная цивилизация» и ее «материализм».

ЛЕБЕДЕВ Иван Иванович [1859—]—писатель. Был конторщиком, приказчиком, сотрудничал в провинциальных газетах, принимал участие в революционном движении. После Октябрьской революции Лебедев работал в уездных учреждениях по социальному воспитанию.

В лит-ру Л. вступил в 1884 с книгой стихов «Занозы и слезы». В 1902 появляется его сб. «В тревоге и борьбе». Основные мотивы ранних произведений Л.—отчаяние в настоящем, народническая вера в «грядущую правду», осмеяние чиновничьих проделок, жадности и жестокости богачей.

Л. написал более двадцати пьес, преимущественно из деревенского быта. Он—типичный идеолог остальных масс трудового крестьянства, еще не осознавшего исторических путей общественного развития. Его раннее творчество в значительной мере повторяет мотивы суриковщины, сентиментального оплакивания тяжелого положения крестьянства. Причина всех невзгод, по его мнению, в темноте, невежестве народа и жестоких нравах богачей. Для Л. характерно непонимание классовой борьбы в старой и новой

деревне, сведение роли кулачества к хитрым проделкам, хищничеству и т. п. В момент обострения классовой борьбы и ожесточенного сопротивления кулачества социализму Л. пишет пьесу «Доконали», в к-рой рисует кулаков неспособными к борьбе против Советской власти. Герой пьесы, услышав, что проиоравшийся в кооперативе кулак повесился, говорит: «Этот неприятный случай служит нам ярким доказательством полного бессилия последних буржуев и кулаков. Они сами сознают свою неспособность к дальнейшей борьбе и сами себя уничтожают». Это — пример ложного изображения кулачества, объективно затушевывающего бешеное сопротивление, оказываемое пролетариату классовым врагом в деревне. Идеалы крестьянства Л. выражает след. обр.: «Живи, веселись, работай—не ленись, сам хлебушко ешь и другому отрежь—вот тебе и вера правильная» («Безбожники»). Иначе говоря: живи и жить давай другим. «Свобода, равенство и братство» для всех («Земля пробудилась»). Нетрудно видеть, что в этих формулировках смазана проблема классовой борьбы в деревне. Из наиболее характерных пьес Лебедева можно указать на следующие: «Упрямец», «Голодные и сытые», «Безбожники», «Земля пробудилась», «Подвох», «Бой-баба», «Марфушкина буренушка», «Суд справедливый».

Библиография: П. Ревякин А., Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи, ГИХЛ, М., 1931 (автобиография, пьеса «Голодные и сытые», под обоям библиография проваведений Лебедева в литературе о нем). И. Астахов

ЛЕБЕДЕВ Михаил Николаевич—коми писатель, по происхождению русский. На коми языке дебютировал в 1913 в сборнике А. А. Цембера «Коми песни и сказки» стихотворением «Гажаджык, коми йоз, олой» (Веселее, коми народ, живи), в котором стремится пробудить национальное самосознание коми народа. Л. по существу представитель буржуазно-националистической идеологии. До революции он написал на русском яз. несколько повестей на темы из истории коми: «Последние дни Перми Великой», «Бурань» и др. Л. также известен как автор коми опереток «Бурань» (Хорошая женщина), «Порысь тун» (Старый колдун), «Мича ны» (Красивая девушка). После революции Лебедев написал ряд стихотворений и басен, но в большинстве из них он избегает прямой постановки социальных проблем. В языке Лебедева часто встречаются руссизмы.

Библиография: I. Произведения Лебедева печатались в журн. «Ордым», Сыктывкар.

П. Лыткин В. И., Ст. в журн. «Пармайол», Усть-Сысольск, 1922, № 2; Антус, Ст. в журн. «Ордым», Сыктывкар, 1928.

ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ П. И.—см. «Полярный Валерьян».

ЛЕБЭРН Понс Дени Экушар [Ponce Denis Ecouchard Lebrun, 1729—1807]—французский поэт, известен еще под именем Лебрэн Пиндара. Автор многочисленных од, эпиграмм и дифирамбов, отражающих колебания мелкой буржуазии, ее зависимость от господствующих классов и их смены. Первоначальный период его творчества связан еще со

двором, но как только началась революция, Л. порывает с ним всякую связь и становится певцом свободы. Революционные идеи сменяют содержание прежних од и дифирамбов, написанных «на случай», во славу короля. Лебрэн поет гимн французскому народу («Hymne au peuple français»), призывает к месту его угнетателям. Pamфлетные эпиграммы Л. по поводу казни Марии Антуанетты написаны чрезвычайно остро и метко. Гнев угнетенных звучит в его стихах с большой силой, но стремление к новым формам жизни, содержание которой пока еще смутно рисуется в представлении поэта, носит отвлеченный характер. Зато лирический пафос Л. так ярок, что он получает прозвище революционного Пиндара. Лирика Л. становится образцом для Беранже, Барбье и др. Однако как только революция пошла на убыль, характер его од изменился: Лебрэн стал «воспевать» Наполеона.

Библиография: I. Oeuvres choisis, 1872—1828. II. Sainte-Beuve, Portraits littéraires, v. I; Ego же, Causeries du lundi, v. V. П. Р.

ЛЕВЕР Чарльз Джеймс (произносится и как Л и в е р) [Charles James Lever, 1806—1872]—английский романист, по происхождению ирландец. Один из популярнейших буржуазных английских романистов середины XIX в. Основной его жанр—исторический и приключенческий роман, в котором наиболее ярко выражен патриотический и предпринимательский дух английского буржуа эпохи расцвета британского капитализма. Главное произведение Левера—роман «Чарльз О'Малли» [1840]—характерен для всего его творчества как по тематике, так и по форме. Чарльз О'Малли (один из неизбежных в мещанском английском романе образов бедного, но под конец преуспевающего молодого человека) проходит через ряд приключений, в которых всегда проявляет неизменное мужество, находчивость, физическую силу, традиционное «ирландское остроумие» и под конец благополучно женится. По этой же схеме построены и исторические романы Левера. Пародия Теккерея (в цикле «Романы знаменитых писателей») и Брет-Гарта (в цикле «Конспекты сенсационных романов»), а также статья Эдгара По о Левере являются существенно важными для понимания его исторической роли.

Библиография: I. На русск. яз. перев.: Лоттрелла из Аррана, Роман, СПб, 1866; Works, 37 vv., 1897—1899.

II. W o l k e r N., Literature of the Victorian Age, s. a.

ЛЕВИДОВ Михаил Юльевич [1892—]—журналист. До революции работал в «Летописи» М. Горького, в 1917—в «Новой жизни». В начале 1918 Л. заведывал Бюро печати НКВД, потом был корреспондентом советского телеграфного агентства в Ревеле, Лондоне и Гааге, заведывал иностранным отделом ТАСС, печатался в «Правде» и др. органах партийно-советской печати.

Л. писал по вопросам международной политики лит-ры и театра, кино и газетоведения. Книги Л.—большей частью сборники очерков газетного характера, в к-рых серьезные проблемы трактуются только в «свя-

зи» и «по поводу». Статьи о лит-ре собраны в книжке «Простые истины» (Москва, 1927). Будучи очень далек от марксизма, Л. блуждает в своих статьях по поверхности явлений, увлекается мелкими эффектами парадоксов и часто приходит к реакционным выводам. Отрицая активно-познавательное значение искусства, Л. «от имени современного и будущего читателя» требует от литературы «не поучения, не обличения, а только исключительно развлечения».

В 1924 Л. примкнул ненадолго к Лефу, с которым он объединялся по линии мелкобуржуазного нигилистического отношения к культурному наследию. Написал статью в защиту «организованного упрощения культуры». Левидов не поаял и не показал, что революционное «упрощение культуры» создает базу для гигантского роста новой культуры не только вширь, но и вглубь. Связанный с футуристско-лефовскими кругами, Л. договорился до того, что «всякое искусство в революционной стране—не считая футуризма—имеет тенденцию стать—или уже стало, или на путях становления—контрреволюционным», «пролетпоэзия—это многоголовая и многоголосая Вербицкая», «искусство... никогда не предмет массового потребления» и пр. Мешанская подоплека этих реакционных высказываний Левидова очевидна.

Социальную сущность своих воззрений по вопросам искусства сам Л. определяет достаточно четко, заявляя, что он говорит от имени читателя интеллигентского и мелкобуржуазного. Мелкобуржуазный либерализм находит у Л. пестрое и часто весьма вульгарное выражение.

В последние годы Левидов работает преимущественно в области театра и кино. Его перу принадлежит пьеса о Бабефе («Заговор равных»), в течение недолгого времени шедшая на сцене московского Камерного театра. Слабая в художественном отношении, эта пьеса была выражением мелкобуржуазных тенденций.

ЛЕВИН Хана [Chana Lewin, 1899—] современная еврейская поэтесса. Была членом ВУСПП. Р. в Новомосковске (Днепропетр. района) в крайне бедной семье. По окончании начальной «школы для бедных детей» была портнихой, затем приказницей. В 1917 дебютировала циклом стих. в «Kunst Ring» (Харьков). В 1919 вступила в Красную армию. С 1925 сотрудничает систематически в журн. «Die rote Welt», «Prolit», «Der Stern». В 1929 издала книгу стихов «Zustaiet» (Летта).

Внимание Л. привлекают картины революционной борьбы на фронте и в тылу, политическая злоба дня, новый быт и социалистическая стройка. Все эти мотивы развиваются в большой поэме «Eine wi a sach andere» (Одна из многих) и ряде циклов стих.—«Eigene un fremde» (Свой и чужие), «Froi» (Женщина) и др., изобилующих яркими бытовыми зарисовками. Поэма «Одна из многих» повествует о жизни еврейской провинциальной девушки Симы, вышедшей из самой «гуши бедноты». Жестоко эксплуати-

руемая и унижаемая еврейской буржуазной средой, Сима примыкает к революционному движению и впоследствии вместе со своим другом Васей сражается бок-о бок в рядах Красной армии. Вернувшись с фронта, эти неразлучные герои поступают на рабфак; начинается новая—мирная—фаза. Проблемы новой семьи, материнства и борьбы за материнство освобожденной женщины-пролетарки особенно волнуют поэтессу. Ей не чужды и соблазны «уютного» отдохновения. Однако все эти сугубо личные настроения Левин преодолевает твердым сознанием революционного долга: «Каждый миг—готова расстрелять покой домашнего жилья...».

«Но лозунг нашего союза—Будь готов!
Мы помним все его:
Мы с этим лозунгом выражаем роши,
Мы с этим лозунгом встречаем смерть».

Надежной защитой против упадочнических «осенних» настроений является для Л. неотступное воспоминание о фронте. Для ее творчества характерно перерастание лиризма в сатиру. Тяга к лирической сатире особенно чувствуется в циклах «Беспризорные» и «Женщина». Несмотря на некоторые трагические нотки, прорывающиеся в наиболее художественных стихах из цикла «Женщина» и в ряде стихов цикла «Осень», творчество Л. в основном проникнуто глубоким социальным оптимизмом, отражающим мировосприятие класса-победителя. В отношении художественного оформления стихи Л. еще недостаточно зрелы. Как и многие молодые еврейские поэты, Левин стремится к творческому претворению еврейского фольклора. Для поэтессы характерно широкое использование диалектизмов. Левин Хана написала также две книжки для детей: «Sozgewet» (Соцсоревнование) и «Junge Boier» (Молодые строители). В настоящее время готовится к печати книга прозы Л.

Библиография: П. Добрушин И., «Die rote Welt», 1929, 11—12; Исакович Д., «Die rote Welt», 1929, 5—6. Ш. Гордон

ЛЕВИН-ЛИПМАН [Lewin-Lipman, 1877—]—еврейский беллетрист и журналист. Р. в Могилеве, в семье раввина. В 1900 дебютировал в варшавской еврейской газ. «Der Jud» (Еврей) рассказом «Dos jidische josem!» (Еврейский сирота). С 1900 по 1916 жил в Варшаве, Вильне, Петербурге, где постоянно сотрудничал в еврейской буржуазной печати. Писал на древнееврейском и еврейском яз. После Февральской революции поселился в Москве, где был секретарем еврейской религиозной общины. Издал в 1909 том рассказов «Schriften» (Сочинения), проникнутых запоздалым народническим сентиментальным гуманизмом. В ряде рассказов Л.-Л. выведены типы старых евреев из патриархальной среды еврейского местечка. Они призваны по замыслу автора сеять любовь к «прекрасной старине».

Библиография: П. Olgin, Lebn un Wisnhaft, 1909, V; Reizen Z., Lexikon far der Jid. Literatur, B. II, 7. Ausgabe.

ЛЕВИТАН Михаил [Michl Lewitan, 1884—]—видный еврейский публицист. Член ВКП(б). Виделся в семье еврейских колонистов (в б. Екатеринославской губернии). Учился в

реальном училище, сдал экзамен на звание народного учителя. Будучи учеником, примыкает к левому, так наз. «рабочему» крылу сионистического движения, затем — к еврейской социалистической партии. Долгое время работал в качестве учителя, был основателем еврейской школы в Киеве, известной под названием «Демиевская школа». В 1914 выпустил в издания В. Клепикина (Вильна) первый на еврейском языке учебник по арифметике. В 1919 Левитан вступает в коммунистическую партию. Редактирует ряд центральных еврейских коммунистических органов на еврейском языке.

Л. занимает видное место среди еврейских газетных работников и публицистов. Он написал ряд статей по вопросам лит-ры (гл. обр. о лит-ой политике). В. О.

ЛЕВИТОВ Александр Иванович [1835—1877] — писатель-народник. Р. в бедной семье дьячка в селе Добром, Тамбовск. губ. Учился в Лебединском народном училище и в губернской семинарии. Не окончил курса вследствие жестокого обращения с ним семинарского начальства и, выйдя из предпоследнего класса, отправился в Москву пешком,

чтобы поступить в университет. Из Москвы Л. через короткое время переехал в Петербург, поступил там в Медико-хирургическую академию, но вскоре был оттуда исключен и за участие в студенческом политическом кружке сослан в Шенкурск Вологодской губ., а затем в Вологду. По истечении трехлетней ссылки поселился в Москве. К концу 50-х гг. относятся первые беллетристич. опыты Л., к-рые печатались в «Зрителе», «Виб-ке для чтения», «Современнике», «Развлечении», «Русской речи», «Времени». С середины 60-х гг. Л. вел кочевую жизнь, переезжая из города в город и меняя профессии. Сильная нужда, подчас доходившая до нищеты, в соединении с приобретенным в ссылке алкоголизмом и туберкулезом быстро подорвали силы Левитова. В январе 1877 он умер в клинике Московского университета.

По своей классовой принадлежности Л. — разночинец, представитель той мелкобуржуазной демократии, к-рая вышла на общественно-политическую арену в эпоху 60-х гг. В пределах разночинства Л. занимает однако свое особое место. Если Шеллер-Михайлов, Омудевский и др. представляют преимущественно мелкое городское мешанство, если Слепцов — представитель деклассировавшегося дворянства, перешедшего на рельсы мелкобуржуазной идеологии (ср. его повесть «Трудное время»), то Л. генетически связан с наиболее «упадочными» прослойками мелкой буржуазии капиталистического города и разоренной деревни. Главное произведение Л. — «Степные очерки» (2 кн., 1875). В первом из этих сборников встает во всей своей неприглядной наготе жизнь московских закоулков и зловонное дно столичных трущоб. Внимание Л. привлечено бытом отвлеченных вертепов большого города, картинами нищеты, пьянства, грязного разврата и обитателями этих вертепов — проститутками, спившимися чиновниками, босаками, ворами, пропойцами — людьми, сломленными жизнью и опустившимися на дно. Не менее безотраден и другой сб. произведений Л., посвященный его дорожным впечатлениям, «сельским улицам», мягкая почва которых не спасает людей от «позорного страдания», от горя, тянувшегося во всей его жизни, «как обоз какой нескончаемый». «Родит горе степного человека, и оно же его, по нашей пословице, в ранний гроб кладет... Смотрит на все это степной человек каждый день божий до того, что и на светлое солнышко взглянуть ему некогда, да и нельзя никак проглотить к нему, потому что не столько заслоняют его от хороших глаз пыльные столбы, вздымаемые страданием и нищетой, сколько те громадные, все небо занимающие клубы, к-рые вздымают на наших улицах глухая, чванливая, но богатая спесь, когда она с крикливым хвастаньем, заглушающим всякий человеческий голос, валит по посаду впереди и вслед за горем, страдающим и нищенствующим».

Был ли Л. народником? Некоторые исследователи его творчества (напр. И. Игнатов) отрицали это, считая Л. поэтом «стихийного горя», не только крестьянского, но и общечеловеческого, отмечали у него отсутствие печали по народу, идеализации деревни и пр. Вся эта этически-импрессионистская аргументация не выдерживает научной критики — уже в приведенной выше цитате из «Степных очерков» говорится о «богатой спеси», которую Л. неоднократно противопоставлял нищете. Правда, Л. никогда не поднимался до изображения процессов классовой борьбы, но это — слабая сторона очень многих народников, в особенности раннего периода. Наконец неправильно утверждение и об идеализации народниками крестьянства — в творчестве Г. Успенского и Каролина-Петропавловского она отсутствует, и творчество Л. не отделено пропастью от творчества других писателей. Вместе с целым рядом других разночинских писателей Л. является художником крестьянской демократии,

хотя социальные проблемы заострены у него менее сильно, чем напр. у Решетникова и у Г. Успенского.

Своеобразие стиля Л. раскрывается в его беллетристических жанрах, среди которых гл. место принадлежит очерку. Очерки Л. не блещут правильностью яз., последовательностью развития действия, композиционным единством, столь характерными для дворянской лит-ры; по удачному выражению Скабичевского, очерки Л. представляют собой «лиро-эпические импровизации». Л. тяготеет здесь к бытописи, к объективному показу своих героев. Отсюда — обилие внешних деталей обстановки, красочных диалогов; все это вместе с исключительной широтой круга наблюдения делает Л. одним из самых видных очеркистов-шестидесятников. Л. любит называть свои зарисовки «сценами» («сцены сельской ярмарки», шоссейные типы, картины и сцены), любит облекать их в рамку «воспоминаний» («из воспоминаний временнообязанного», «из дорожных воспоминаний»). Бытовым зарисовкам его часто свойственен языковой гротеск (ср. напр. заглавие посмертного очерка: «Завидение муской, дамской и децкой обуви»). Л. является наконец прекрасным мастером интерьера («Московские трущобы») и пейзажистом («Степные очерки»), неизменно связывающим картины природы с действительным эмоциональным тоном. «Я остановился и слушал эти рыдания по стенному, почти общему горю: по всему полю тяжким стоном стояли они, и слушая их, мне казалось, что им мало этого поля; я желал, чтобы слезы, вызвавшие их, рекой многоводной зашумели по всему миру земному, потому что плакала ими неутешная мать». Авторской речи Л. свойственны периодичность и музыкальность, богатство эпитетов и метафор, прекрасно соответствующих лирической насыщенности его очерков.

Библиография: 1. Собр. сочин. Левитова, с предисл. А. Иманилова, в 8 тт., изд. «Просвещение», СПб, 1911; Избранные сочин. Левитова, в 2 тт., в настоящее время издает «Академия».

П. Нефедов Ф. Д., Левитов как писатель и человек, «Вестник Европы», 1877, III; Его же, А. И. Левитов, вступ. ст. и 1 т. «Собр. сочин.», М., 1884; Пылин А. Н., Беллетрист-народник 60-х гг., «Вестник Европы», 1884, кн. VIII; Игнатов И. Н., А. И. Левитов, в «Истории русской литературы XIX века», изд. «Мир», т. III; Ахенвальд Ю. И., Силуэты русских писателей, т. III (век. изд.).

III. Мезьер А. В., Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. 2, СПб, 1902; Владиславлев И. В., Русские писатели, изд. 4-е, Л., 1924.

ЛЕВИЦКИЙ — см. «Левитин».

ЛЕВИЦКИЙ Иван Семенович [1838—1918] (псевдоним Не ч у й) — украинский писатель второй половины XIX века. Р. в местечке Стеблеве, Киевской губ., в семье сельского священника. Учился в сельской школе, затем в монастырской «бурсе», в киевской духовной семинарии, с 1861 по 1865 — в киевской духовной академии. По окончании академии Л. занялся преподавательской работой в средних учебных заведениях Полтавы, Калиша, Седлеца и Кишинева.

В академии Л. примкнул к студенческому кружку украинофилов, выписывавшему популярный в то время буржуазный украин-

ский журнал «Основа». Писать Л. начал довольно поздно [1865], и первые его произведения («Дви московки», «Рибалка Панас Круть», «Причепча») печатались в галицийской «Правде», потому что на Украине печатание произведений на украинском языке представляло очень большие трудности, особенно после валуевского «Указа» 1863. Повести Л. приобрели немалую известность в Галиции и на Украине; в 1872 во Львове вышли отдельным изд. «Новісті І. Не ч у я», в 1874

в Киеве — «Новісті Ів. Левитського». В Кишиневе, где Л. учительствовал [с 1873 по 1885], вокруг него собрался кружок учителей украинофилов, в котором Л. прочитал свой известный реферат «Непотрібність великоруської літератури для України і для слов'янщини» (издан в Галиции под заглавием «Сьогочасне літературне прямування»). Реферат этот пронизан реаккой проповедью украинского национал-шовинизма, характерного для всего наследия Левитского и нашего особенно яркое выражение в его ответе на статью Пылина (см.) «Особая русская народность». Ответ этот был напечатан в журнале «Діло» за 1891 под заглавием «Україністо на літературних позовах з Московщиною».

Начав с подражаний Марко Вовчок, Л. пошел значительно дальше ее в деле создания монументального жанра. Будучи хорошо знаком с французскими натуралистами и русскими реалистами и следуя их манере, Л. сделался основателем буржуазного романа на Украине. В своих романах и повестях Л. стремится отобразить жизнь «целой нации». Он дает широкие зарисовки из жизни самых разнообразных слоев населения, заставляет их разговаривать на украинском яз. и рисует их либо представителями и апологетами родной национальности, либо ее врагами. Здесь и обедневшее, пролетаризирующееся крестьянство («Дви московки», «Баби», «Кайдашева сім'я», «Микола Джержа», «Бурлачка»), и кулаки, и сельское духовенство («Старосвітські батюшки та матушки»,

«По-між ворогами»), купечество («Рибалка Панас Круть», «Хмар»), помещики («Микола Джеря», «Бурлачка»), мещанство («Київські Прохот») и чиновничество («Навіжена»), и интеллигенция («Хмара», «Над чорним морем»), и первые зародыши индустриального пролетариата («Микола Джеря», «Бурлачка»). Главная идея, проходящая красной нитью через все творчество писателя, это нацдемовская идея единой украинской нации, живущей и развивающейся независимо от России, идея борьбы за национальное освобождение.

Интеллигенция, к которой принадлежал и Л., ориентировалась не на «народ», а на «нацию» в европейском (буржуазном) смысле этого слова. «Европеизм, русофобство и воинствующий национализм, дух конкуренции и национальной гордости, дух европейской буржуазии, идеология капиталистической интеллигенции — вот особенности идеологии Нечуя-Левицкого» (Коряк).

Рисуя быт различных слоев украинского общества, Л. пытается показать гибель не какого-либо класса, а «гибель нации». Гибель эта вызвана крушением национального капитала, не выдерживающего конкуренции более сильного соседа, что ведет страну к колониальной зависимости.

Типичный герой Л. Павло Радюк («Хмара») — организатор воскресных школ, распространяет книги для «народа», собирает народные песни, ходит в национальном костюме, читает «Кобзаря» Шевченко всем — от «мужика» до «пана». Он говорит не с классом, а с нацией и о нации. «Наша земля на Украине, — говорит Радюк, — как золото, а народ наш часто голодает. У нас нет промышленности, а о народе никто не беспокоится, никто его не поставит на путь истины, не учит... Наша народная песня поэтична, чудесна, как творения первостепенных гениев; и наш язык поэзия, и наш язык богат, как чистое золото... Нам не нужно войны, нам нужно просвещение» и т. д.

Выступая в защиту национального капитала, но при этом снимая вопрос о классовости и говоря только о «нациях», Л. неизбежно переходил к шовинистическому нападению на представителей иных национальностей, проживающих на территории Украины — русских, евреев, поляков («Рибалка Панас Круть», «Причепан», «Хмара»). Следует особенно отметить несомненную долю антисемитизма, присущего творчеству Левицкого. Рисуя евреев-лавочников, автор старается вызвать в читателе отвращение к ним; совсем иначе он изображает торгашей-украинцев.

В ст. «Сьогочасне літературне прямування» Л. провозглашает три принципа «новой литературы» — принцип реальности, принцип национальности и принцип народности, которым он остается верен в своем творчестве от начала до конца.

Почти все романы Л. принадлежат к типу буржуазного семейного романа; автор следит за целыми поколениями, сменяющими друг друга. Глубокая тенденциозность этих

романов отразилась на их художественности; это скорее «исследования», чем истинно-художественные произведения. Отсюда и герои — не живые люди, а схемы, воплощение какой-либо «идеи».

Если рассматривать идеи Л. в их развитии, в них можно видеть зародыши идеологии современного украинского фашизма, представшего перед судом советской общенности на процессе СВУ.

Библиография: Г. Твора, 11 тт., за ред. Ю. Меженца, ДВУ, К. Ів, 1926—1930; То же, издание 2-е, тт. I—III, V—VII, Харьков, 1929; То же, издание 3-е, тт. I—X, Харьков, 1930—1931 (вал. продовжається).

П. Огоновський О., Історія літератури руської, ч. 3, вид. І, Львів, 1893; Левицкий Л. в., Автобиография, журнал «Світ», 1881; Ефремов С., Історія українського письменства, 1917; Якимович С., До кошика романів Нечуя-Левицкого, «Червоний шлях», 1925, № 3; Ніковський А., Вступ. ст. до «Миколи Джери», вид. «Книгоспілка», 1925; Шамрай А., Українська література, «Рух», 1927; Меженца Ю., Ст. до «Твори» Нечуя-Левицкого, ДВУ, 1929; Коряк В., І. С. Нечуй-Левицкий, «Крижана», 1928, № 3; Его же, Нарис історії української літератури, т. II; Его же, Буржуазне письменство, Харків, 1929; Его же, Українська література, Колепент, ДВУ, Харків, 1931; Крижак Е., Творчий шлях І. Нечуя-Левицкого (вступ. ст. до І. Нечуя-Левицкий, «Вибрани твори», 1929; Дорошківцев О., Шляхчик історії української літератури, вид. «Книгоспілка» Київ, 1931.

ЛЕВИЦКИЙ Модест [1886—] (псевдоним Виборний - Макогоненко) — украинский писатель, типичный представитель буржуазного народничества в украинской литературе. Врач по профессии, Левицкий выпустил ряд популярных медицинских брошюр («Лихі хвороби на очі», «Сибірська язва» и т. д.) и книгу о заразных болезнях, специально предназначенную для массового крестьянского читателя («Лікарський порадник»). Рассказы Л. рисуют мелких, беззащитных, темных людей, падающих под ударами суровой жизни («Забув», «Перша льгота», «По закону», «Злочинниця», «Щастя Пейсаха Лейдермана», «Порожний хідом» и другие). Все его творчество — типичная «просвітяниця». Не случайно руководитель контрреволюционного СВУ Ефремов распространяется о его «гуманности», чуткости к «малым сим» (см. его «Історію українського письменства»). Буржуазный националист, Л. много занимался вопросом об отношении «українців» к «руським», очень ловко умалчивая о классово-сущности так называемого «демократичного українства», ведущего борьбу с «Росією» в интересах «українського народа», а на самом деле — в интересах украинской буржуазии и помещиков. В эмиграции, куда Л. переехал вместе с петлюровцами, он пишет явно контрреволюционные произведения, оправдывающие даже «еврейские погромы».

Библиография: П. Ефремов С., Історія українського письменства, над. 3-е, Київ, 1917; Дорошківцев О., Підручник історії української літератури, Київ, 1929; Коряк В., Нарис історії української літератури, т. II, ДВУ, Харків, 1929; Васильєво В., На ганьбу, ст. в газ. «Комуніст» от 25/XII 1927.

ЛЕГЕНДА [от церковно-латинского «legenda», формы множественного числа сущ. среднего рода «legendum» — «отрывок, подлежащий чтению», — осмысленной позднее как форма единственного числа женского рода]. —

1. В первоначальном значении слова Л.—отрывки «житий» и «страстей» святых; зачитывавшихся во время церковной службы или монастырской трапезы в дни, посвященные этим святым. 2. Отсюда—в более широком, внеритуальном значении—небольшое религиозно-дидактическое повествование, разрабатываемое в форме связной фабулы или отдельных эпизодов фантастическую биографию лиц, животных, растений, вещей, ставших по каким-либо причинам предметами христианского культа: легенда о кресте, Л. об осине—иудином дереве и т. п. 3. При еще более широком словоупотреблении термин Л. применяется также для обозначения: а) произведений повествовательного характера, разрабатываемых «легендарные» темы—напр. драматических мистериалей; б) религиозно-дидактических повествований, связанных с нехристианскими культами—буддийским, мусульманским, иудейским; Л. о Будде, Л. о потомках Мухаммеда, хасидские Л. о цадиках; в) не подтверждаемых историческими документами и часто фантастических рассказов о каком-либо историческом деятеле или событии, совершенно не связанном с религиозными культами; например Л. об Александре Македонском и т. п. В подобном расширенном словоупотреблении термин легенда теряет точное литературоведческое значение, и рассмотрение его применения в переносном смысле выходит за рамки предлагаемой заметки, устанавливающей специфику жанра и диалектику его развития на конкретном историческом материале Л. феодальной, общественной формации Зап. Европы.

Со стороны специфики жанра легенда может быть определена как малый жанр средневековой повествовательно-дидактической литературы, преследующий цели прямой пропаганды тех или иных элементов христианского культа и тем самым идеи избранничества духовенства, как агитационная новелла церкви.

Этой агитационно-пропагандистской установкой объясняются и наиболее характерные стилевые особенности средневековой легенды: в области тематики—отбор сюжетных элементов, способных наиболее сильно воздействовать на чувство слушателя—тематика ужасов и чудес, широкое развертывание описаний мук, пыток и казней, использование мотивов сексуального характера (насилие над девственницей, продажа девушки в публичный дом, соблазн распутной женщиной девственника), часто доходящих до пределов патологического (например возникающая в начале XIV века легенда о «двенадцатилетнем монашке», умирающем от тоски по сладостному младенцу Иисусу); в области композиции и языка—введение элементов прямой дидактики, часто занимающих весьма значительное место в построении повествования, риторические формы сказа, имеющие своей целью усилить воздействие на слушателя.

Агитационно-пропагандистская сущность легенды прекрасно осознавалась и церковью, усиленно насаждавшей и культивировавшей

этот лит-ый жанр. Об этом свидетельствует наличие многочисленных сборников легендарных сюжетов (изложенных в мнемотехнических целях без всяких украшений, сжатым деловым языком), предназначенных для проповедников; об этом свидетельствуют предписания духовникам пользоваться мистериалами (так, папа Евтихиан рекомендует всем пастырям: «Martyrologium et poenitentialem sapiat. Libellum istum unusquisque habeat»); об этом свидетельствует наконец огромная собирательская работа, проводимая церковью по линии закрепления и циклизации Л. и особенно усиливающаяся в эпохи начинающегося «оскудения веры»—в эпохи позднего феодализма и его распада.

Поскольку духовенство в общественной формации феодализма образует весьма однородную по своей мощности прослойку господствующего класса, включающую наряду с крупнейшими феодальными землевладельцами и безземельное городское духовенство, постольку классовая ориентация его агитационной новеллы—легенды—существенно изменяется на различных стадиях развития феодализма. Так, для эпохи раннего (чисто аграрного) феодализма характерен, с одной стороны, расцвет панегирических легенд, связанных с именами крупных церковных и даже светских феодалов (ср. напр. Л. о св. Леодегаре, епископе Отунском, о св. Томасе, епископе Кентерберийском, св. Эдмунде, короле англов, и т. п.), а с другой—культивирование Л., пропагандирующих местные святыни и паломничество к ним (так наз. патрональные культы).

К этим двум типам Л., сохраняющим свою значимость на протяжении всей эпохи феодализма благодаря сохранению основных предпосылок их появления—феодальному способу производства и свойственному натуральному хозяйству партикуляризму, продвижение европейской колонизации (крестьянские походы) и рост торговых связей с Востоком добавляют новый тип Л. с тематикой экзотических путешествий (широкое распространение Л. о св. Брандана) и восточной сюжетикой (Л. о Валааме и Иоасафе, Л. о семи спящих). Также не бесследно проходит для Л. выделение международной организации рыцарства и создание рыцарских орденов—ориентация на феодальную аристократию на новом этапе ее существования и претензия на пропаганду в ее среде идеи избранничества духовенства (Л. типа «Чистилища св. Патрика», «Рыцаря с бочонком», «Евстахия», «Маггавеев», разрабатывающие так сказать рыцарскую тематику) порождают цикл легенд совершенно куртуазного стиля (особенно Л. о Марии приобретают характер служения даме) и способствуют международному распространению Л. этого типа (Л. о св. Георгии).

Однако с началом обособления города от деревни, с ростом торговли и разлагающего действия торгового капитала, наряду с перечисленными выше типами Л., ориентирующимися целиком на феодальную аристократию, появляется и все более укрепляется существенно отличный тип Л., пе

тематике и стилию тесно примыкающий к новелле «городского сословия» — к фавлю (см.). Панегирик церковному князю-феодалу сменяется в Л. этого типа прославлением честного, добросовестного и благочестивого купца и ремесленника, тематика военных подвигов и небывалых путешествий — тематикой повседневного быта, в котором и осуществляется магическая помощь церкви и ее святых (Л. «О добром Герхарде, кельнском купце», Л. типа «Чудес святой девы», где магическая помощь оказывается родильнице, у которой захлебнулся в воде младенец, женщине на тонущем корабле и т. п.).

Но легенда — церковная агитновелла — является не только средством воздействия на различные прослойки господствующего класса феодального общества с целью монопольного укрепления за духовенством командных позиций; она вместе с тем и главным образом обслуживает интересы господствующего класса в целом, являясь орудием идеологического порабощения эксплуатируемых классов, внедряя в них убеждение в целесообразности каких бы то ни было продвижений вверх по общественной лестнице, прославляя «нищих духом», смиренно и протестушно верующих. В десятках вариантов повторяется в Л. тема освобождения и спасения через веру неграмотных, невежественных, слабоумных, отверженных представителей люмпенпролетариата — воров и проституток; сюда относятся знаменитые легенды о «Жонглере девы Марии», о «Спасенном девой Марией с виселицы воре», «О беглой монахине» и др.

В эту же эпоху обостряющейся классовой борьбы Л. становится превосходным средством разжигания национальной и религиозной вражды (так, рост конкуренции между торговцами-евреями и христианами приводит к созданию цикла Л. антисемитского содержания, как Л. «Об умученном родителями-евреями обратившемся в христианство отроке» и т. п.).

Неудивительно поэтому, что уже рано жанр Л. вызывает пародию в новеллистической продукции «городского сословия», осмеивающей в фавлю ряд традиционных ситуаций Л. (ср. «О виллане, попавшем в рай благодаря своему уменью спорить», «О торговце, поручившем свою лошадь богу и высказавшем убытки с „божьих людей“ — монахов» и т. д.), противопоставляя пропагандируемой Л. идее магической помощи практически правила житейской мудрости:

«Ou quel paradis? dist Martin,
Il n'est paradis fors deniers
Et mengier et boire bon vin,
Et gesair sus draps deliez...»

(«В каком раю? — сказал Мартин, — Нет рая кроме тугой мошны, / И еды и хорошего вина, / И спанья на тонкой простыне...» — «Сказ о Мартине-хапуге»). Эти зачатки критического отношения к Л., намечающиеся в эпоху позднего феодализма, превращаются в эпоху его распада, с ростом классового самосознания буржуазии, в мощное антилегендарное движение XVII—XVIII вв.; «просветители» от простого игнорирования легендарной те-

матики переходят к действительной, антилегендарной сатире, которой лучшие из идеологов революционной буржуазии наносят смертельный удар продукции, «способной вызвать лишь слезы... над слепотой и тугоумием породившего их человечества» (Лессинг). Л. умирает вместе с породившей ее общественной формой. Попытки возрождения Л. делались романтиками, что являлось одним из характерных показателей реакционности их идеологии.

Библиография: Лит-ра, посвященная изучению Л., огромна, но в весьма значительной своей части следует те же пути, что и сама Л. Библиографию Л. см. — для Германии — стр. «Legende» в «Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte», В. II; для Франции — D o u b e t, Dictionnaire des Legendes, 1855; Histoire littéraire de la France; для латинской литературы средневековья и Л. других романских стран — G r ö b e r, Grundriss d. romanischen Philologie.

См. также Веселовский А. Н., Опыты по истории развития христианской легенды. См. также «Апокрифы», «Жития». Р. III.

ЛЕДА — в греческой мифологии жена спартанского царя Тиндарея и одновременно жена Зевса, который сочетался с ней в образе лебедя. Плодом этого двойного брака были братья-близнецы (Диоскуры — «сыны Зевса») Кастор и Полидевк (Поллукс) и дочери — Елена и Клитемнестра. Античное искусство, особенно более поздних эпох, охотно изображало сочетание обнаженной Леды с лебедем, подчеркивая уже не мифологические, а эротические моменты сюжета.

С этой же точки зрения разрабатывает миф о Л. и позднейшая европейская поэзия (Парни, Пушкин, Баратынский и др.), иногда комически травируя его (Гейне).

ЛЕДЯНКО М. — современный украинский писатель. Известен романом «На-гора» (1929—1930) из жизни горняков дореволюционного Донбасса. В нем Ледянку отражает условия жизни и революционную борьбу рабочего класса в эпоху революции 1905 и последующих годов реакции. Автор дает много социально-бытового и психологического материала, но изображая забастовочное движение, революционные выступления, Ледянку отражает влияние объективизма; он показывает в мрачных красках жизнь рабочего класса и систему капиталистической эксплуатации, недостаточно выявляя революционный авангард пролетариата. Непонимание характера классовой борьбы приводит Л. к пессимистической оценке изображаемых им революционных событий. Рабочие-горняки у Л. далеко не соответствуют действительности: все они инертные, мало сознательные люди и т. д. Революционная интеллигенция трактуется Л. поверхностно, ходульно, несколько в авантюрном и сентиментальном плане. Большое внимание уделяет Л. типам капиталистов (Иван Гаврилович, капитан Генгер, пристав Винницкий и др.).

Несмотря на указанные недочеты, роман благодаря богатству фактического материала — одно из популярных произведений современной украинской советской лит-ры.

Роман вышел в трех книгах и с некоторыми изменениями и дополнениями напечатан в сборнике «Перший випал».

Библиография: I. Запалахтоло (Шьеса в 3 д.), вид. «Рух», Харків, 1926; На-гора, Роман, кн. I, Ятрань чорна, периодич. вид. «Романи й повісті», 1929, № 2, вид-во «Український робітник», отдельное издание, ДВУ (Госиздат Украины), Харків, 1930; На-гора, Роман, кн. II; В імлі позолочені, «Романи й повісті», 1929, № 10 (ч. 1-я), 1930, № 4 (16) (ч. 2-я), 1930, № 9 (21) (ч. 3-я); отдельное издание (все три части), «Книгоспілка», Харків, 1930; «Перший випал», Сб. дощечних расказів в. «Книгоспілка», Харків, 1930; Старе, Молоде й Лілея, Оповідання перше, ДВУ, Література й Мистецтво, Київ, 1931, П. О. Л., 1930, № 1, стр. 205—208 (на кн. I) и «Гарт», 1930, № 2, стр. 173—181 (на кн. I и 1-ю ч. кн. II). Г. П.

ЛЕЕЛЕС А. [A. Lejeles, 1889—] (псевдоним **А р о н а Г л а н ц а**)—современный буржуазный еврейский поэт, драматург и журналист. Начав свою лит-ую работу в Лондоне, Л. в 1909 переезжает в Нью Йорк. Здесь гл. обр. и протекает его дальнейшая лит-ая деятельность. В поэзии Л. (стихотворения Л. собраны в книгах: «Лабиринт», «Молодая осень», «Рондо») урбанистические мотивы перемежаются с эстетской экзотикой. Л. был вождем и теоретиком недолго просуществовавшей индивидуалистически-эстетской литературной группы «интроспективистов» («In Sich»). Пропагандируя «свободный стих» и разрушение поэтических канонов, «интроспективисты» однако не шли дальше эклектичного стилизации европейского «декаданса» и раннего футуризма. В своих драматических произведениях («Соломон Молхо», «Ошер Лемлен») Леелес в поисках экзотики уходит в мистику еврейского средневековья.

Библиография: II. Gurstein A., «Strom», 1924, V—VI.

III. Reizen Z., Lexikon fun der jid. Literatur, 2 Ausgabe, B. II, Wilno, 1927. А. Гурштейн

ЛЕЖНЕВ А. [1893—] (псевдоним **А б р а м Захаровича Горелика**)—критик, один из теоретиков лит-ой группы «Перевал» (см.). Примыкал к социал-демократам меньшевикам.

Воззрения Л. на литературу и искусство целиком исходят из меньшевистско-ликвидаторской политики Троцкого—Воронского (см.) в отношении пролетарской культуры, в частности искусства и лит-ры. Эстетические и литературоведческие взгляды Л. эклектичны и в основе своей идеалистичны, поскольку они определены старыми буржуазными (Кант, Шопенгауэр, Бергсон) положениями о бессознательном, интуитивном, иррациональном характере художественного творчества. Эти установки приводят Л. к крайне реакционным выводам: ратуя за бестенденциозное искусство, за «моцартианство», против «сальеризма», «огромной волны» накатившего на современное искусство и «одно время совсем было его затопившего», Л. призывает советских писателей к возможно большей «искренности». Последняя для Л.—«не моральная, а художественная проблема». Лозунгом «искренности» Л. заранее оправдывает всякое контрреволюционное произведение, лишь бы оно было «искренним».

Повторяя Воронского, Л. ставит перед писателями как центральную проблему—«проблему видения», понимая последнее не в духе диалектических материалистов как по-

знание объективной действительности для ее преобразования, а в духе иррационалистического интуитивизма. Выступая будто бы против схематизма лефовской фактографии, Л. на деле яростно борется лишь с пролетарским революционным искусством, которому он в целом бросает обвинение в «сальеризме», лефовщине и пр. Пропагандируя «эстетическую культуру» для писателя, Лежнев включает в это понятие развитие у художника свойств «наблюдательности», умения слышать разговорную речь, «ощущения слова», но не обязывает писателя иметь определенное мировоззрение. Л. не видит опасности на фронте литературы и искусства в развитии необуржуазных и кулацких тенденций, в оболакивании этими идеями молодых ростков пролетарской литературы. Л., ограничивая проблему утверждениями о необходимости борьбы с приспособленчеством, с халтурой («У нас начинается образовываться тип получателей гонораров, а это куда хуже всякой явной правой опасности»), явно смазывает тем самым необходимость борьбы с враждебной идеологией.

Как и Воронский, Горбов и др. идейные вдохновители «перевальства», Л. совершенно не понял пролетарского лит-ого движения, относясь к нему, как к агитке, как к «искусству», «пена которого медный пятак». Свысока третируя пролетарское творчество, Лежнев делает ставку на индивидуальное мастерство в ущерб классовой идеологии пролетариата и общественной роли лит-ры. Чрезвычайно характерна заплата Лежневым правых тенденций в пролетарской лит-ре.

Лежнев известен как «теоретик» лозунга «нового гуманизма», с которым выступил «Перевал» в 1929—1930. В период обостренной классовой борьбы этот лозунг объективно выражал сопротивление буржуазных элементов города и деревни развернутому социалистическому наступлению рабочего класса.

Защищая в своих теоретических и полемических статьях реакционные тенденции современной литературы, Л. неустанно борется с воинствующей марксистской критикой. В этом плане чрезвычайно характерны памфлетные (порой спускающиеся до пасквилья) выступления Л. в сборнике «Разговор в сердцах».

Библиография: I. Вопросы литературы и критики, изд. «Круг», М., 1926; Современники, Литературно-критические очерки, изд. «Круг», М., 1927; Литературные буллы, изд. «Федерация», М., 1929; Русская литература за десять лет, в книге: Лежнев А. и Горбов Д., Литература революционного десятилетия, 1917—1927, изд. «Пролетарий», Харьков, 1929; Разговор в сердцах, «Федерация», М., 1930; Предисловие к сб. «Ровесники» и статьи в журнале «Новый мир».

II. Ермилов В., Гармонический обыватель, «На литературном посту», 1929, XI—XII; Луаги и Мих., Ответ Лежневу, «На литературном посту», 1929, X; Сельвинский И., Письмо в редакцию, «Литературная газета», 1929, № 20; Якубовский Г., Три критика, «Литературная газета», 1929, № 9; Бочачер М., Гальванизированный воронщина, «Печать и революция», 1930, № 3; Егос, Сердце-победитель, там же, 1930, № 4; Гельфанд М. и Зонин А., К дискуссии о творческом методе, там же, 1930, № 4; Против буржуазного либерализма в художественной литературе (дискуссия о «Перевале»), изд. Комнадемии, М., 1931.

III. Мандельштам Р. С., Художественная литература в оценке русской марксистской критики, ред. Н. К. Писанова, изд. 4-е, Гиз, М.—Л., 1928; Писатели современной эпохи, т. I, ред. Б. П. Козьмина, изд. ГАН. М., 1928. М. Бочаев

ЛЕЗГИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Лезгинами (лезг, лезгий) называют себя один из дагестанских народов, насчитывающий около 200.000 чел., занимающий в данное время Касум-Кентский, Курахтский и Ахтынский районы Даг. АССР, Гильский и частью Хамастский районы Аз. ССР, расположенные по обе стороны реки Самура. Основная форма производства — сельское хозяйство; сильно развиты отхожие промыслы; налицо отчетливая классовая дифференциация. Тюрки называют лезгинами всех горцев, но кроме указанного народа ни один дагестанский народ себя лезгинами не называет; поэтому придуманное Усларом для лезгин специальное название «кюринцы» является излишним и к тому же совершенно необоснованным.

Л. л. по сравнению с лит-рой других горских народов Дагестана может быть признана достаточно развитой и богатой. Большой популярностью, так же как и у многих других народов, пользуется у лезгин животный эпос — сказки, в которых большей частью в качестве основного персонажа выступает хитрая лиса, обманывающая более простоватых волка, медведя, осла, верблюда.

Не менее распространены фантастические сказки о приключениях удачливых бедняков, глуповатых, по мнению села, людей. В этих сказках фигурируют мифические «великаны», «дивы», «волшебный змей», волк, говорящий человеческим языком. Все они помогают герою избавиться от беды, преодолеть препятствия и т. д. Концовки этих сказок напоминают русские концовки этого же типа сказок — «так зажили они, а рассказчик вернулся домой». Обращает на себя внимание обилие пословиц, поговорок, прибауток, коротких метких присказок, отображающих «житийскую мудрость» феодально-родового общества («Протягивай ногу, выяснив длину одеяла», «Каждый собирает посеянное им», «Сытый не может понять голодного»), или примитивные процессы производства и возникающие на их основе человеческие отношения, главным образом споры. Но наряду с ними большой удельный вес имеют и большую роль играют пословицы, поговорки, частушки, сказки с ярким отражением распада родовых отношений, нарастающего классового расслоения изменений в технике и социально-бытовых моментах производства. Старик-крестьянин противопоставляется феодалу-крепостнику, «мудрость» старика спасает общину от самодурства феодала, бедняк-пастух противопоставляется аульскому старшине и т. д. В подавляющем большинстве случаев произведение фольклора становится на защиту трудящихся, показывая изворотливость их ума, волю, выносливость («Если пастух захочет, то и от козла сыр добудет»).

Эксплуатации, угнетению бедноты и трудящихся в фольклоре отводится значительное место, хотя защита бедноты часто и выа-

лируется («журица яйца несет, Тамал (женщина) их уносит»). Однако рядом с этим до известной степени намечаются и пути сопротивления, борьбы. Правда, под влиянием исламского духовенства лезгинны говорят: «чем хватать человека за подол (т. е. просить у него помощи), лучше просить у аллаха»; но рядом с этим существует пословица — «кто был ранен, знает, как лечить рану» (смысл такой, что «потерпевший скорей и лучше найдет способ защиты»). Столетиями длаещеся угнетение бедноты и вообще трудящихся, крайне тяжелое их экономическое положение сообщают лезгинскому фольклору грустный, порой беспросветный, нередко очень озлобленный тон. Очень много песен о горькой доле бедняка, бьющегося в тисках феодала или кулака. Еще больше песен о горькой участи женщины, угнетенной властью адата, родовых традиций.

«Семь садов поливают
Ради одного дерева,
А меня отдали за немалого,
Чтобы получить пятьсот рублей».

Большое место занимает в фольклоре город Баку — нефтяной и промышленный центр. Дифференциация на селе после завоевания Дагестана царской Россией углублялась с каждым годом. Все больше разоренных крестьян выбрасывалось на отхожие промыслы. Большинство уходило в Баку, оставляя жен и детей большую часть года часто в ужасающей нищете. Немалое место в фольклоре занимают антирелигиозные песни и сказки. Народное устное творчество продолжается и поныне, но современный фольклор носит уже отчетливый классовый характер. В нем фигурируют, с одной стороны, рабочий, батрак, бедняк, коммунист, красноармеец, борющийся за социалистическое строительство, с другой — слышится ядовитое шипение классового врага. Но в то время как социалистический сектор обогатился уже новыми разнообразными формами, у нашего классового врага остается все та же самая ядовитая частушка. Впрочем, частушка — преобладающая форма и в социалистическом секторе.

Гражданская война дала особенно большое количество частушек и коротеньких песен. В них — не только отражение борьбы в целом, но и художественное воспроизведение отдельных эпизодов и бытовых сдвигов. В последние годы обострения классовой борьбы и систематического поражения кулачества сопротивление классового врага растет; но чем меньше средств борьбы у него остается, тем упорней и чаще он использует литературу в целях дезориентации масс, надлома их воли, возбуждения недовольства.

Беднота понимает причины злобы кулака и, посмеиваясь над ним, поет:

«Когда организуется новый колхоз,
Кулак жарится на медленном огне;
«Настал, ирчит, «аши черныи день,
Вопить нам, плакать, да терзаться!»

В условиях сопостроительства, в условиях обостряющейся классовой борьбы поэтическое творчество у лезгин развращается с небывалой быстротой. Хотя почти каждое

удачное произведение быстро становится известным широким массам, но при ближайшем изучении легко обнаруживаются и село, где оно впервые появилось, и часто сам автор. На селе любят и ценят своих поэтов, окружают их почестями, устраивают соревнования их. Уже в XIX в. мы устанавливаем у лезгин, несмотря на отсутствие письменности, ряд выдающихся поэтов, многие произведения которых стали всеобщим достоянием и при недостаточном внимательном изучении легко могут быть приняты за произведения коллективные, безымянные. Особенно ярко выделяется плеяда поэтов середины XIX века с Магомед Эмином (известен под прозвищем «Етым», ум. в 1878) во главе (его брат Мелик, Шайда и др.) и более позднее поколение: Молла Нури (ахтыч), Хпедж Курбан, Сайфулла Курахский, Гаджи Ахтынский, знаменитый Султан из Касум-Кента и др. В данное время собрана еще только очень незначительная часть их произведений, почти совсем нет переводов. Собирали раньше занималась старая аульская арабская интеллигенция. Лишь в начале XX века, перед революцией, за эту работу взялась интеллигенция русской школы (Мирзабек Ахундов, Надиришах Султанов и др.). Особенно большую работу в этом направлении ведет в настоящее время писатель и литературовед Гаджибек Гаджибеков.

Магомед Эмин и его современники воспитались на персидской и арабской литературе (именно влияние персидской, а позже арабской литературы сказывается в наличии рифмованного стиха у лезгин вообще и у этих писателей в частности). Они выросли на идеях зарождавшейся и развивавшейся в то время буржуазно-национальной освободительной борьбы против русского царизма. Основной мотив большинства их произведений — борьба против русских, пишут ли они о Шамиле, о Зелим-Хане или Эвербее. Общая их ориентация — на пантюркизм и ислам, при этом у Магомеда Эмина она выражена слабее, у позднейших — более ярко и определенно.

Некоторые из этих старых поэтов пережили революцию и сейчас по-новому определились в новых условиях классовой борьбы. Знаменитый Хпедж Курбан не принял социализма. Он стал на сторону кулака, «обиженного» советской властью. В последнее время не слышно его произведений. Престарелый поэт Стал-Сулеймен идет с революцией, сейчас работает в колхозе, продолжает борьбу с духовенством, критикует недочеты соцстроительства, но видно, что старому неграмотному поэту все труднее становится разбираться в новой обстановке.

После революции и особенно с организацией письменности и печати ряды писателей и поэтов, пишущих на лезгинском языке, растут очень быстро. Основное ядро их группируется вокруг газ. «Дзи-Дуныя» (Новый мир) и в последний год в лезгинской секции ДАСП. В этом новом поколении советских писателей и поэтов уже выделилось несколько имен, подающих большие надежды. Среди них Мемей Эфендиев — новатор, талантливо ломающий все установившиеся до

революции в лезгинском яз. поэтические формы; Сайфулла Хаджиев — с большим искусством трактующий бытовые вопросы, ведущий борьбу с духовенством, мюридизмом; Алибек Фатахов — пролетарский писатель, зачинатель лезгинской прозы (повесть «Кровавые следы»), своими произведениями знающая лезгинскую массу с городом, заводом, с историей классовой борьбы; Магомед Хаджиев — посвятивший себя вопросам классовой борьбы и социалистического строительства в ауле; Азиз Гамидов — автор бытовых драм и поэтических произведений на темы школы и культурного строительства; А. Ибрагимов — тоже работающий над вопросами культурной революции; Гаджибек Гаджибеков — драмы которого «В котях адата» и «Колхоз» пользуются всеобщей известностью; Асан Бала-Бутаев, Хаджи Магомед Аликперов, Рамазан Юсупов (Юсуфан), Хаджи Баба Шугаев, Н. Нури, Куреддин Ширипов и мн. др.

Почти все эти молодые писатели и поэты являются активными участниками классовой борьбы и социалистического строительства. Многие из них — коммунисты и комсомольцы. Они решительно порвали со старым бытом, ведут упорную борьбу на фронте культурной революции за новые формы производства, за новый быт, за новую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Н. Нури пишет к матери:

«Нет у меня больше слов с тобой говорить —
Ты мне порчишь мою мысль и мою жизнь.
Не говори со мной старыми словами,
Старый быт и законы сгорели — их нет.

Ты ходишь каждый день в хар,
Там набираешься нулацкого шипенья,
Возвращаешься и живешь меня их ядом,
Оставь, не тервай меня, родная.

Там умирающий быт шрыгает
Сердца разбитого стоны и злобную месть,
А я теперь позым человек,
И люблю новую жизнь новой эпохи...

Пятиконечная звезда нам светит, как солнце,
Наука — в нашем сердце яркий фанел.
Если ты стремишься в райский сад,
С нами ты найдешь его — это наша коммуна».

Как в отношении техники, так и в отношении содержания молодые современные писатели и поэты уже опередили лезгинских писателей XIX в. (исключение — Магомед Эмин). Но нужно отметить, что, так же как и у писателей XIX века, у современных литературных работников лезгин преобладает поэзия. Лишь драма получила сравнительно большее развитие. По всей лезгинской территории разбросаны любительские аульские труппы. Они используют в качестве театральных подмошков балконы домов, площади, аульские клубы и школы. Население очень любит театр и охотно его посещает. Чувствуется однако недостаток пьес. Тюркская пьеса, заимствованная из Азербайджана, держится на сцене еще довольно прочно. Проза же отстает чрезвычайно. Почти нет очерков, освещающих животрепещущие вопросы жизни аулов. Нужно призвать недостаточной подготовку кадров лезгинских писателей. Нет еще четкого классового подхода, уменья диалектически осветить во-

прос, немало и технических трудностей, которые еще предстоит преодолеть. Нужна большая работа по консолидации и перестройке литературно-художественных организаций под руководством авангарда пролетариата — Коммунистической партии.

Библиография: Кюринские тексты, собранные Леонидом и Султановым (сб. материалов по описанию местностей и племен Кавказа, вып. XIV, Тифлис, 1892); Услар П., Этнография Кавказа, Языковедение, вып. VI, Кюринский язык, изд. Управления Кавказского учебного округа, Тифлис, 1896; Писать ли по-лезгински? (и вопросу о лезгинском языке), издание кружка лезгин при Комитете по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, под ред. проф. Л. И. Жирнова, М., 1926 (стенография); Песни лезгинских поэтов, Центриздат, Москва, 1927; Генко А. Н., проф., Диалектология лезгинского языка, «Известия Академии наук», серия VII, № 4, Л., 1929. П. К.

ЛЕЗГИНСКИЙ ЯЗЫК [lezgɪ ɟal] — яз. второго по численности (после аварцев) из народов Дагестана. По переписи 1926 лезгин насчитывается 144 795. Лезгины населяют Касум-Кентский, Курахтский и Ахтинский районы Даг. АССР. Область их расселения заходит также в смежные части Азербайджана (Гильский и часть Хаимастский районы). Главных наречий два: кюринское и ахтинское, причем кюринское — наиболее распространенное. Есть еще ряд поднаречий. В Л. языке согласных фонем 38, гласных — 5.

Л. яз. как по своему лексическому запасу, так и по своей грамматической структуре имеет много общего с остальными яз. Дагестана (см. «Дагестанские языки»), от которых его отличает отсутствие грамматических категорий.

Пионером в деле изучения Л. яз. является П. К. Услар, составивший в конце 60-х гг. XIX в. «Грамматiku кюринского яз.» (на основе русского алфавита) с приложением словаря и ряда прозаических лезгинских текстов (басен, анекдотов и пословиц), параллельно переведенных на русский яз. В 1892 в печати появились «Кюринские тексты» (сказки и пословицы), записанные при помощи усларовского алфавита Султановым и Леонидом, то же — с параллельными переводами записей на русский язык и вступительной статьей («Грамматические заметки») М. Завадского.

В 1905 царское правительство, с целью облегчить русификацию народа, сделало попытку создать лезгинскую письменность на основах разработанных бароном П. К. Усларом, который вводил для горских алфавитов русское начертание. Управлением Кавказского учебного округа были изданы составленные народным учителем Абу-Джафар Мамедовым и написанные усларовским алфавитом «История восьми пророков, упоминаемых в Коране» [1905] и «Кюринская азбука» [1911]. Попытка эта потерпела неудачу вследствие враждебного отношения к ней лезгинских народных масс.

Вопросы изучения Л. яз., фольклора и лит-ры и трудная задача создания письменности на родном яз. могли быть поставлены во всей широте только в послеоктябрьскую эпоху. В начале революции лезгин Абу-Джафар Мамедов, учитель из аула Касум-

Кент и составитель букварей, к-рые печатались еще азбукой Услара (ср. выше), реформировал арабский алфавит, приспособив его для Л. яз. Другой проект (тоже на арабской основе) предложил лезгинский писатель и научный работник Г. Гаджибеков, записав при помощи этого алфавита образцы произведений лезгинской лит-ры («Песни лезгинских поэтов», вынужденные Центриздатом в 1927 с большим запозданием). В дальнейшем Дагестан примкнул к движению за создание латинизированного алфавита (так наз. «нового дагестанского алфавита»), применимого для всех дагестанских языков, а в том числе и для лезгинского. Однако в истории собственно лезгинской письменности следует отметить еще один промежуточный момент — работу «лезгинского кружка» в Москве [1925—1926], результатом которой явилась брошюра с проектом практического алфавита лезгинского языка на основе латинского алфавита.

В 1928 был составлен проект нового дагестанского алфавита, к-рый и лег в основу ныне принятого алфавита (таблицу лезгинского алфавита см. «Дагестанские яз.»).

На «новом дагестанском алфавите» выпущено по-лезгински уже довольно много книг учебного и научно-популярного характера, имеющих широкое распространение среди лезгинского населения. В административном центре Дагестанской АССР (Махач-Кала) выходит первая газета на Л. языке «Дзи-Дунья».

Библиография: Услар П., Кюринский язык (этнография Кавказа, том VI), Тифлис, 1896; Писать ли по-лезгински?, изд. Кружка лезгин при Комитете по изучению яз. и культур восточных народов СССР, М., 1926 (стенограф); Генко А. Н., проф., Кюринское наречие, «Известия Академии наук», Л., 1929. См. также «Дагестанские яз.», А. Ш. и Е. Ш.

ЛЕЗИН Борис Андреевич [1880—] — литературовед, получил премию им. А. Потебни. Редактор и издатель сборников «Вопросы теории и психологии творчества» (см.), являвшихся центральной трибуной идеалистической школы потебнианства. В последние годы Лезин работает при кафедре литературоведения Харьковского государственного университета и редактирует полное собрание сочинений Потебни. В похвальных работах (статьи в журн. «Черный шлях», «Родной язык в школе» и т. д.) Л. пытается приблизиться к марксизму, но идеалистическая методология Потебни (см.), к-рую Л. не может преодолеть, препятствует успеху его попыток.

Библиография: I. Художественное творчество как особый вид эконома мысли. «Вопросы теории и психологии творчества», т. I, Харьков, 1907, издание 2-е, 1911; Психология поэтического и прозаического мышления, там же, т. II, вып. II, СПб., 1910; На черновых заметок А. А. Потебни о мифе, там же, т. V, Харьков, 1914; Схема марксистского метода изучения художественного творчества, Родной язык в школе, 1927, I; О сочетании психологического метода изучения художественного творчества с марксизмом, там же, 1927, VI и др.

II. Ф о х т Р. О психологистах — «сочетателях» и о «сочетателях» вообще, «Родной язык в школе», 1927, VI.

ЛЕЙВИК Г. [1888—] (псевдоним Лейвика Гальперна) — видный представитель современной мелкобуржуазной еврейско-американской литературы. Р. в Игу-

мени (б. Минской губ.) в семье учителя. Учился в ешиботе в Минске, откуда был исключен за вольдумство. Участвовал в рабочих кружках; за принадлежность к «Бунду» осужден в 1906 на 4 года каторги. Отбыл ее в московских Бутырьках. Печатал свои первые стихотворения (написанные в тюрьме и посланные оттуда за границу) в нью-йоркском органе «Zajt Gajst» (Дух времени) в 1907. По отбытии тюремного заключения был сослан в Сибирь. В конце 1913 бежал из Сибири в Америку и поселился в Нью Йорке. После Октябрьской революции сотрудничал несколько лет в нью-йоркской коммунистич. еврейской газете «Frajhajt» (Свобода). В 1925 посетил СССР. В 1930 во время революц. восстания арабов в Палестине выступил против «Frajhajt» с декларацией, в к-рой олеветал арабское восстание, пытаясь изобразить его как еврейский погром, и создал в Нью Йорке вместе с остальной группой ушедших из «Frajhajt» журн. «Di Woch» (Неделя), просуществовавший несколько месяцев. Этот орган, объединивший еврейских мелкобуржуазных националистических писателей, был по существу трибуной для контрреволюционной травли компартии и клеветы на СССР. В дальнейшем Лейвик не создал ни одного крупного произведения и неуклонно деградировал как поэт.

В 1916 Л. напечатал цикл стихотворений «Af Wegn Sibirer» (По сибирским дорогам). В этих стихах, как и в цикле «Untern Schloss» (Под замком), Лейвик изображает каторгу и ссылку в символической форме, используя мотивы народных песен; в них Л. передает отчаяние и безнадежное настроение мелкобуржуазного интеллигента, «страдавшего за революцию». Все дальнейшее творчество поэта проникнуто тем же отчаянием, вызванным проигранной революцией, и одновременно самолюбованием мелкобуржуазного интеллигента, мнящего себя непонятым. Ярче всего это выражено в его драматической поэме «Der Golem» («Голем» — см.).

Особое значение для понимания социальной природы Л. имеет его драма «Банкрот»: бывший революционер бежал из Сибири и прибыл в Америку. «Революционность» свою он растратил на родине, а приспособиться к американскому «бизнес»-миру он тоже не в силах. Начинается самосозерцание и самокопание, характеризующие трагедию поэта и той группы мелкобуржуазной интеллигенции, которая изменила революции, но которой еще трудно полностью приспособиться к империалистической Америке. Мелкобуржуазно-индивидуалистический характер идеологии поэта резко выступает в драмах с рабочей тематикой. В драме «Sâr» (Фабрика) снова появляется «раздвоенный лик» — фабрикант Вульф; в прошлом бундовец, он переживает внутреннюю драму бывшего революционера в прошлом и фабриканта в настоящем. Эта драма фабриканта из бундовцев заслоняет перед Л. проблему классово-борьбы. В последней драме «Гирш Леккер» Лейвик пытается изобразить ра-

бочее движение накануне 1905 (покушение рабочего Леккерта на губернатора фон Валя и казнь Леккерта). И тут вместо преданных борцов за дело рабочего класса выступают раздвоенные, мучащиеся из одной крайности в другую интеллигенты. При этом Лейвик наделяет национализмом «Бунда» рабочие массы: «И мы горды, что еврейские рабочие — передовые. Пусть палач знает, что только еврейские рабочие пришли первыми».

Все острые, классовые столкновения Л. притупляет, и они преломляются у него в виде душевных конфликтов отдельной личности, оторванной от коллектива.

Библиография: I. Lider, N. Y., 1919; Der Golem, N. Y., 1921; Smates, drama, N. Y., 1922; In Kejnems Land, N. Y., 1923; Bankrot, N. Y., 1923; Die oremeluche, N. Y., 1923; Anders, N. Y., 1923. Кроме того стихи, драмы и статьи в разных еврейско-американских газетах и журналах. В СССР передавались сборн. стихов: Durch siba Tojtn, Киев, 1926; Aropgefalener Snej, M., 1925.

И. Wiener M., «Di rojte Welt», 1927, 5; Ojssender, «Di rojte Welt», 1927, 6—7; Zart, «Der Stern», 1931, 3; Bronstein Jakob, «Der Stern», 1929.

Ш. Рејзен, Lexikon fun der jid. Literatur, В. II, 1929. А. Ворман и Ш. Клуменсон

ЛЕЙКИН Николай Александрович [1841—1906] — юморист 80-х гг. Писатель огромной плодовитости — автор нескольких тысяч сцен и рассказов. Р. в купеческой семье. Служил в различных коммерческих предприят. С 60-х годов отдался всецело лит-ой деятельности. Сотрудничал в журн. «Искра», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки». С 70-х годов работал главн. обр. в «Петербургской газете». С 80-х годов стал редактором и издателем журн. «Осколки».

Фабульным источником многочисленных произведений Л. — юмористических рассказов («Наши забавники», «Шуты гороховые»), романов («Стукин и Хрустальников», «Сатири и нимфа», «Наши за границей») — являлись нравы купечества Гостиного и Апраксинского дворов 70—80-х годов. Некультурный купеческий быт Л. изображал с точки зрения либерального буржуа, пользуясь неиссякаемым запасом смехотворных положений. Но его количественно богатая продукция поражает однообразием тематики, примитивизмом художественного метода. Купеческий быт Л. изображал, пользуясь приемами внешнего бытописательства, без показа каких-либо сложных общественных или психологических конфликтов. Л. часто прибегал к шаржу, карикатуре, стремился рассмешить читателя даже коверканьем его героев иностранными слов. Изображение крестин, свадеб, масляницы, заграничных путешествий его смехотворных героев — вот тот узкий круг, в к-ром вращалось творчество Л. Он удовлетворял спросу на легкое развлекательное чтение, к-рый предъявляла к лит-ре мешанско-бытовательская масса читателей политически застойной эпохи 80-х гг. Наряду с ней Л. угождал и вкусам части буржуазной интеллигенции, с удовлетворением читавшей о похождениях купцов с Апраксинского двора, считая, что она уже

«культурна» и высоко поднималась над темной лейкинских героев.

В «Осколках» Л. в 80-х гг. работал молодой Чехов—«Антонша Чехонте», испытавший на себе первоначально сильное влияние Л.

Библиограф. фан: 1. Наиболее известные сборники Л.: Наши забавники, СПб, 1879; Неупывающие россияне, СПб, 1879; Шуты гороховые, СПб, 1879; Саврасы без узды, СПб, 1880; Цветы лазоревые, СПб, 1885; Наши за границей, СПб, 1890 (издание 13-е, СПб, 1897); Где апельсин зреет, СПб, 1893 (10-е издание, СПб, 1898); Воскресные охотники, СПб, 1893 (изд. 8-е, 1898), и мн. др.

II. Введенский А. И., Современные литературные деятели, Н. А. Лейкин, «Исторический вестник», 1890, VI; С. А. Чеховская А., История новейшей русской литературы, издание 7-е, СПб, 1909 (глава IV. Беллетристика-публицисты); Лейкин Н. А., Мои воспоминания, «Исторический вестник», 1906, II—III; В. Г. Глиньский В. В.), Памяти Н. А. Лейкина, там же, 1906, II; Лейкин в его воспоминаниях в перепишке, 1907; Ясинский И. И., Роман моей жизни, Л., 1926; Мышковская Л., Чехов и русские юмористические журналы 80-х гг.

III. Мезьер А. В., Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. 2, СПб, 1902; Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. III, П., 1914 (библиографические указания не позже 1899). В. Бойчицкий

ЛЕЙЛА И МЕДЖНУН—героиня и герой популярнейшей на Востоке арабской легенды о разлученных и страдающих любовниках. Эти «бедуинские Ромео и Джульетта» принадлежали к враждующим родам: Лейлу выдали замуж за другого, а Кайс (прозванный «меджнуном», т. е. одержимым демоном, безумным) ушел от своего племени в пустыню и жил одиноко, слаяв песни в честь Лейлы. В конце концов оба погибают от тоски. Текст легенды содержит ряд любовных элегий. Впоследствии сюжет использован романтическим эпосом Персии и Турции и суфийскими поэтами; последние придали ему символический смысл тоски души в разлуке с божеством. Сохранилось более 20 поэм на эту тему; самая прославленная—поэма перс. поэта Низами (м.).

Библиография: Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur, Weimar, 1897—1902; Huart C. I., Littérature arabe, P., 1902.

ЛЕЙМА—см. «Пауза».

ЛЕЙНО Эйно [Eino Leino, 1878—1926]—финский поэт, писатель и драматург. Р. в семье землемера в Палтамо; еще студентом Л. печатает первые сборники своих лирических стихов («Мартовские песни», 1896; «Ночная пряха», 1897; «Сто и одна песня», 1898, и др.). Количественно лит-ая продукция Л. никем в Финляндии не превзойдена: он выпускал один за другим сборники стихов, писал целые серии романов и драм, переводил Рунеберга, Шиллера, Гёте, Расина, «Божественную комедию» Данте и т. д.

Л.—писатель финской буржуазии, певец эпохи утверждения национального самосознания. Националист и романтик, Л. пытался посредством широкого внедрения в новую финскую лит-ру национального эпоса («Калевала», «Кантелетар») дать финской поэзии новое ярко националистическое содержание и форму. Эта попытка модернизации народного творчества, превращения примитивной фантастики в сложную символику, делает его поэмы и баллады в большинстве своем трудно понимаемыми и художественно малоценными. Буржуазная критика осо-

бенно ценит его две книги древнефинских баллад «Helkavirsiä».

Л. известен также как драматург. Темы для своих драм он брал из мира сказок, из Библии, восточных легенд, древнегреческой и римской истории, а также из истории и современной жизни Финляндии. В построении драмы он стремился к крайней простоте, пытаясь подражать древним грекам. Но его драмы, лишённые занимательной фабулы и остроты сценических ситуаций, успехом не пользовались.

Большая заслуга Л.—обогащение финского лит-ого яз. словесными богатствами народной речи, в особенности яз. восточных племен—корелл. Вся же огромная лит-ая продукция Лейно особенным мастерством не отличается, хотя современная буржуазная критика и провозглашает его «народным поэтом». Националист и либерал до революции 1917, сыгравший прогрессивную роль в деле борьбы с царизмом, Л. и после революции остался поэтом национальной буржуазии—современной фашистской Финляндии.

Библиография: 1. На русский язык переведены: Ина Ронто, «Вестник Европы», 19 8.

II. Siljo J., Ein Leino Lyrisk nä; Kallia O. A., Undersöpti Suomalainen Kirjallisuus; Tietosanakirja. Seso a sin, 773—775

ЛЕЙТЕС А. М. [1901—]—современный украинский критик и литературовед. Автор ряда работ по вопросам современной западной и украинской лит-ры. Р. в интеллигентской семье. Получил философское образование. В 1920 был одним из организаторов Всеукраинского союза писателей, в 1921 руководил Украинским лит-ым комитетом. Если не считать раннего выступления Л.—несколько парадоксальной брошюры «Поэзия как анахронизм»,—то началом его критической деятельности является книга «Ренессанс украинской литературы», недооценившая значения классовой борьбы в украинской лит-ре. Эту недооценку широко использовали в дискуссии (см. «Хмельовый» и «Украинская лит-ра») сторонники идеи Хмельового. Сам Л. участия в дискуссии не принимал и в дальнейшей своей критической работе отталкивается от идеи «хмельовизма» и установок «Ренессанса». Из остальных работ Л. следует отметить сборник «Силуэти Заходу» (посвящен зап.-европейской лит-ре) и трехтомный труд «Десять років української літератури» (в сотрудничестве с М. Яненко), вызвавший ряд откликов в украинской и заграничной прессе. Работа отличается тенденциозностью в духе «ваплитовства» как в подборе самого материала, так и в оценке его. Л. был членом Союза пролетарских писателей ГАРТ, «ВАПЛІТЕ» (см.), затем членом ВУСПН.

Библиография: 1. Новая как анахронизм, «Историк», 1922; Жовтень і західна література (на русск. и украинск. яз.), вид. «Червоный прах», 1924; Ренессанс української літератури, ДВУ, 1925 (на русск. и украинск. яз.); Пути письменницькі, «ВАПЛІТЕ», 1926; Десять років української літератури, 1927; Силуэти Заходу, вид. «Книгоспілка», 1928; Вид Барбюса до Ремарка, «Пролетфронт», 1930.

II. «Новая русская книга», 1922, № 5, Берлин; Загул Д. М., Про нашу критику, «Плуганин», 1927, № 5; Хвилі А., Ісюко дорогою, ДВУ, 1927.

ЛЕЙТМОТИВ [нем. Leitmotiv—«ведущий мотив»]—термин, введенный в тео-

рию музыки Рихардом Вагнером (см.) и применяемый иногда в литературоведении, преимущественно представителями психологического и формального направлений. Значение термина «лейтмотив» в литературоведении крайне расплывчато и неопределенно. Термин «Л.» употребляется, во-первых, для обозначения доминанты (см.) произведения или даже творчества писателя в целом: в этом значении можно сказать например: «Идея о несправданном и неэскипном эле мирового порядка проходит Л. через все творчество А. де Виньи»; или: «Пессимистическое „и выигрывает тот, кто хуже“, становится Л. всего „Romanzero“ Гейне». Термин «Л.» употребляется, во-вторых, для обозначения группы тематических элементов или выразительных средств, постоянных, «канонических» для определенного жанра и стиля; в этом значении говорится напр. о похищении, нападении морских разбойников, разлуке влюбленных, их скитаниях и конечном соединении, потере детей и признании их родителями как Л. греческого романа или о мрачном унылом пейзаже—кладбище, руинах, пожарище—как одним из Л. английской «кладбищенской поэзии» XVIII в. Наконец термином «Л.» обозначается тот комплекс тематических и выразительных средств, который постоянно повторяется на протяжении данного художественного целого—лит-ого произведения; в этом употреблении термин «Л.» приближается к своему первоначальному музыкальному значению. Так, немецкие романтики в своих поисках синкретического искусства охотно вводят в прозаическое произведение ряд лирических стихотворений, тематически с ним не связанных, но образующих эмоциональный Л. всего произведения (лирическая вставка у Эйхendorфа и др.). Риторический пафос романов Гюго отражается и в введении и выборе символического Л., в четкости своей идеологической значимости часто приближающегося к аллегории (Л. башни и гильотины в «93 год»). В реалистическом романе XIX в. встречается так наз. портретный Л. (ср. Л. у Диккенса и Л. Толстого), благодаря к-рому соответствующие детали становятся неотъемлемыми частями образа (вздернутая с усиками губка княгини Болконской, лучистые глаза и тяжелые ступни княжны Марьи, железный крик и жесткая провощенная шляпа капитана Куттля, оскал зубов м-ра Каркера и т. д.).

Как ясно из приведенных примеров, к-рые можно бесконечно умножать, основным недостатком понятия «Л.» как литературоведческой категории—помимо его расплывчатости и неопределенности—является его метафизичность: введение понятия «Л.» предполагает существование идеалистическую и формалистическую концепцию лит-ого произведения как самодовлеющей структуры, подлежащей описанию в своих частях методами и терминами, заимствованными из других областей искусства (принцип взаимоотношения искусств, отрывающий искусство от его общественной базы). Для марксистского литературоведения, изучающего

конкретное историческое классовое искусство во всем многообразии его сторон, противоречий, ведущих тенденций, категория лейтмотива как категория формалистическая непригодна, и термин «лейтмотив» может применяться только в смысле условного обозначения ведущей тенденции и т. п. (см. «Мотив»).

ЛЕКАЙ-ЛАССЕН Янос Иоганн [Janas Johann Lécai Lassen, 1895—1925]—венгерский пролетарский писатель и публицист. Начал свою лит-ую деятельность в радикально-буржуазных газетах, затем сотрудничал в активистски-экспрессионистском журн. «Ма» (Сегодня), где писал на антилитературские темы. В 1915 Лекай-Лассен совершил неудачное покушение на жизнь председателя совета министров Венгрии—графа Тиссы, за что был приговорен к каторжным работам. Революция 1918 освободила Л.-Л., и с этого момента он играл руководящую роль в венгерском и международном движении рабочей молодежи. При советской власти в Венгрии Лекай-Лассен был секретарем Коммунистического союза рабочей молодежи. После падения советской власти бежал в Германию, потом жил в Чехо-Словакии, Советской России и наконец в Америке. Неоднократно подвергался в капиталистических странах заключению и ссылкам. Постоянно преследуемый международными полицейскими ищевками, страдая от тяжелого легочного заболевания, Л.-Л. все же успел написать ряд книг, которые нашли сочувственный отклик в широких рабочих массах. Рассказы, очерки и корреспонденции Лекай-Лассена переведены на двадцать языков, его агитационные песни почти одновременно ставились на десяти—двадцати рабочих сценах (некоторые из них под общим заглавием «Пленник» переведены на русский язык).

Все произведения Л.-Л. проникнуты классово-боевой динамикой и реалистичны. Его первая драма «Венгрия 1914—1919», к-рую в Америке ставили на рабочих сценах под заглавием «Новый», изображает страдания венгерского пролетариата во время империалистической войны, его борьбу и конечную победу. Роман Л.-Л. «Красные и белые» рисует жизнь бежавших из Венгрии эмигрантов-коммунистов. Пребывание Л.-Л. в Америке дало ему материал для романа «Господа и рабы», где показаны положение американского пролетариата и американская фашистская организация Ку-Клукс-Клан (роман этот издан на русском яз.). Следует еще отметить массовую драму Л.-Л. «Herrin», посвященную героической борьбе горняков, среди к-рых Л.-Л. пользовался большой популярностью. Лучшими его произведениями являются очерки и заметки из жизни пролетариев в крупных американских центрах, собранные в одной книге «Другая Америка». Здесь на огромном фактическом материале Лекай-Лассен обнажает язву капиталистического общества, показывает, как живут за пышными декорациями небожителей рабочие, безработные и голодающие пролетарские дети.

Библиография: I. Рабоч. Революция. Искупление, с предисл. А. В. Луначарского, Гиз, М., 1921 (см. рец. Фрича в В., «Печать и революция», 1921, III); Господа и рабы, Роман из жизни американских рабочих, изд. «Прибой», Л., 1926; То же, перевод А. А. Петрова, Гиз, М.—Л., 1927; В стране доллара (Картины американской жизни), изд. «Прибой», Л., 1926; Цветной Херлем (Картины американской жизни), перевод С. Кублицкой-Шютух, изд. «Прибой», Л., 1926.

ЛЕНАШ Бернар [Bernard Lecache]—современный французский писатель. Известен в России своим романом «Радан Великолепный» (русск. перев. Осипа Мандельштама, Гиз, 1927). Здесь показан раскол еврейской семьи: дети, отказываясь от вековых традиций своего народа, веры, хранимой их родителями, начинают новую, свободную от всяких традиций жизнь. Они представляют ассимилированную еврейскую крупную буржуазию, преуспевающую в недрах современного общества. Ассимиляция еврейства мыслится как слияние его верхушки с крупной французской финансовой буржуазией, как усвоение упадочной буржуазной морали. Принадлежит к крупным капиталистическим слоям еврейства, Л. чужд еврейскому пролетариату, который не находит отражения в его творчестве. Л.—автор книги об еврейских погромах на Украине во время гражданской войны («Когда Израиль умирает», перев. Н. И. Янве, с предисловием Ю. Ларина, Л., 1928).

Библиография: I. Польша без маски, перевод Е. Берлович, под ред. и с предисловием Р. Арсено, изд. «Прибой», Л., 1928.

ЛЕКИБЫ—см. «Озерная школа».

ЛЕКОНТ Жорж [Georges Lecomte. 1867—]—французский писатель. Начал литературную деятельность в качестве журналиста: редактировал с 1885 жури. «La Cravache» (Хлыст), орган французских символистов и парнасцев, где печатались Верлен и тогда еще молодые Анри де Ренье, Поль Адан и др. Л. входит так. обр. в лит-ру как поборник символизма, и по этому пути продолжает развиваться в дальнейшем его творчество. Противоречие между действительностью и мечтой, между действительной практикой и «надземным» созерцанием, лежащее в основе большинства его произведений,—«Миражи» (Mirages, 1893), «Золотой телец» (Le Veau d'or, 1903) и др.,—разрешается уходом от жизни, победой миражей.

Представитель реакционных слоев мелкой буржуазии, Л. политически выступает как защитник буржуазной диктатуры, триумфу к-рой в лице республики Тьера посвящена его книга «Надежда» (L'espoir, 1908). Ему принадлежит также хвалебная биография Клемансо («Clémapseau», 1918) и ряд патристически-милитаристских статей, написанных во время империалистической войны. Эти заслуги в значительной мере способствовали избранию Леконта—далеко не первоклассного художника—в члены Французской академии.

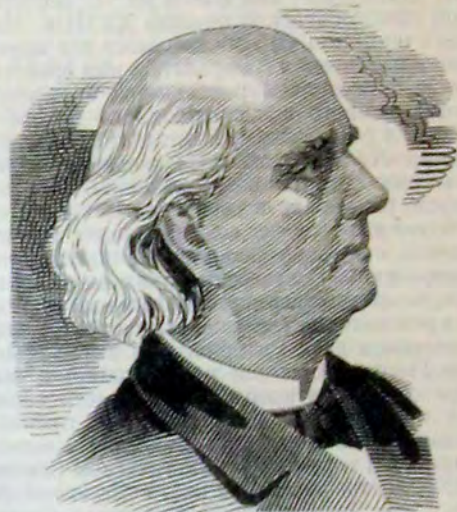
Библиография: I. La mule, Drame, P., 1891; Les valets, P., 1898; La maison en fleurs, P., 1899; La lumière retrouvée, P., 1924; Le mort salait le viv. P., 1925.

II. Magne E., Georges Lecomte, «Mercure de France», 1 Janvier 1925.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ Шарль Мари Рене [Charles Marie René Leconte de Lisle, 1818—

1894]—франц. поэт. Р. на острове Бурбона, в тропической франц. колонии. Образование получил в Рейнском университете, вовлечен был в романтическое литературное движение того времени. Романтизм привлекал Л. де Л. не своим реакционным крылом, а наиболее прогрессивным и демократическим. Сильное воздействие на Л. де Л. оказал Ламенне, надолго внушивший ему симпатии к мнимодемократическому и мнимосоциалистическому христианству.

В 1845 в связи с этими воззрениями Л. де Л. становится сотрудником журналов фуьре-ристовского направления («Фаланга», газ. «Мирная демократия»). К этому времени относятся его не лишённые сильного мистического привкуса стихи («Hélène», «La Robe du Centaure»). Л. де Л. полагает, что фуьре-ризм—научная реализация христианских заповедей. Неохристианские увлечения у Л. де Л. уживаются с все более и более возторженным отношением к античности. Молодой поэт считает себя социалистом и республиканцем. Он полон уважения к прогрессу, надежд на радикальное улучшение

жизни человека на земле, считая, что предпосылки для этого создаются в окружающей действительности.

Леконт де Лиль написал несколько популярных брошюр, в которых несмотря на путаницу понятий ярко выражается его острый, почти революционный демократизм. На этой почве поэт порывает самым решительным образом все связи со своей аристократической семьей. Но эта нота республиканизма, социализма, к-рая являлась одной из определяющих черт личности и творчества Л. де Л., была сорвана тяжело сложившимися историческими условиями.

Революция 1848, ее быстрое крушение, разгром пролетариата наносят страшный удар оптимистическим упованиям поэта. Леконт де Лиль пережил поражение революции 1848 как непоправимую социальную катастрофу. Надо однако отметить, что старые симпатии к идее осуществления правды, братства, равенства на земле все же сохра-

вились у Л. де Л. и он нередко выражал их с большой силой в лучших своих произведениях («Niobé», «Caïn» и др.). В таких своих поэмах, как «Caïn» или «La tristesse du diable», Л. де Л. поднимается до грозных пророчеств по адресу мира угнетения и несправедливости. И хотя пророчества эти чаще всего облечены в форму романтического богоборчества, пафос протеста в них все же достаточно глубок и высоко поднимает Л. де Л. над остальными парнасцами. Однако сочувствие к революционному протесту сочетается у Л. де Л. с полным неверием в возможность действительно революционных перемен. В целом эволюция Л. де Л. отражает движение определенных мелкобуржуазных групп от расплывчато-социалистических и демократических идеалов в 1848 к своеобразному примирению с торжествующим буржуазным порядком, — не к прямой защите этого порядка и слиянию с ним, а именно к вынужденному примирению с ним как с чем-то подлым и варварским, но непобедимым и естественным, как сама жизнь. В этом глубочайшая основа трагизма творчества Л. де Л.

С 50-х гг. оформляется физиономия поэта как вождя «парнасцев». Парнасская поэзия в отличие от романтики гордилась своей объективностью и бесстрашием. Леконт де Лиль сам излагает основы этого направления в своих сборниках «Современный Парнас» [1866—1876].

Куда же отступил Л. де Л. от своих юношеских оптимистических мечтаний? Романтизм сменяется у него «научным» мировоззрением. Буржуазный позитивизм, насыщенный элементами механистического материализма, становится базой мировоззрения поэта. Но этот, казалось бы, освещенный светом науки мир представляется Л. де Л. особенно мрачным и безнадежным. «Научность» мировоззрения поэта явилась в данном случае формой краха романтических иллюзий. Буржуазная наука демонстрировала тут свое бессилие справиться с противоречиями буржуазного общества. Объективность Л. де Л. есть лишь признание бесчеловечности природы и тьмы человеческих усилий. Признание это гордое. Патетические жалобы на заброшенность человека, на неудачность, неприемлемость всего мироздания занимают у Л. де Л. небольшое место. Он замыкается скорее в безопасном художественном изображении жизни природы и общества, в ее безмерном богатстве, но и в ее безжалостности, и призывает стоически уйти в себя, противопоставить чувства мужественности и достоинства этому враждебному миру и искать разрешения жизненной скорби в искусстве.

Л. де Л. стоит на точке зрения фаталистического детерминизма и в биологии и в социологии. Этими положениями проникнуты его «Античные поэмы» [1852], «Варварские поэмы» [1862], «Трагические поэмы» [1884] и наконец изданные после его смерти «Последние поэмы» [1895]. В целом ряде как бы изваянных из базальта стихотворений Л. де Л. рисует природу и общество как «царство священного голода, взаимного истребления»,

постоянного умирания, таковы: «Le secret de la vie», «In excelsis», «Dies irae», «La joie de Civa», «La mort de Valmiki». Лучшим исходом Л. де Л. признал бы полное исчезновение мира в пучинах Нирваны: «La Maya», «Midi», «Bhagavata», «Cinaëra», «La Vision de Brahma». Отметим также стихотворение Леконт де Лиль «Тоска дьявола», глубоко проникнутое тем же настроением.

Р. Frieda. Иллюстрация к «Варварским поэмам» Леконт де Лиль

Естественно, что пессимистически-горделивая муза Л. де Л. не могла найти материала для вдохновения непосредственно в плоской буржуазной современности. Свою безнадежную оценку этой последней Л. де Л. заключал в романтическую, легендарную, мифологическую оболочку образов античной и всякой иной древности, тем более, что и там, в веках, он находил все новые и новые подтверждения своей философской концепции («Néféron Ra», «Nurmahab», «L'apothéose de Monça al Kebyr», «Massacre de Mona», «Le cœur de Hialmar», «La mort de Sigurd»).

Совершенно очевидно, что так наз. бесстрашие Л. де Л. — иллюзия. Вождь «Парнаса» был человеком чрезвычайно страстным, с могучей эмоциональной жизнью, но пафос Л. де Л. благодаря социальным условиям должен был замереть. Его образы поэту статичны и кажутся холодными, выражая бессилие человека, безнадежность его стремлений. Но эти величественные фигуры пол-

ны чувств, выраженных монументально. Тут и отчаяние, и тихая гордая скорбь, и напряженная жертва, и страстное негодование.

Пластичность, скульптурность произведений Л. де Л. бросаются в глаза. Он высекает свои поэмы из камня, льет их из бронзы. Однако Л. де Л. является и замечательным живописцем. Не вдаваясь в красочные детали, чуждый всякому импрессионизму, он любит пряную, острую нарядность. Он ведет читателя в экзотические страны, чудесные и далекие во времени и пространстве. Стиху Л. де Л. не свойственна романтич. напевность. Он звучит, как траурный марш.

Поэзия Л. де Л. принадлежит к числу лучших созданий французской лит-ры и буржуазной лит-ры вообще. Пережив крах романтических мелкобуржуазных иллюзий в социальной борьбе и не найдя реального выхода из этого кризиса, Л. де Л. не пожелал полностью капитулировать перед буржуазной действительностью, но и не смог объявить ей активной войны.

Буржуазная критика прекрасно уловила реакционную тенденцию Л. де Л. и вознесла его на пьедестал, ибо пессимистический пассивизм бывшего социалиста был как нельзя более на-руку буржуа с их боязнью и ненавистью к революции. Однако марксистское исследование должно вскрыть до конца противоречия, породившие трагедию Л. де Л., и показать, что эта трагедия обращена также и против буржуазии, против ее культуры, искусства, науки.

Библиография: I. Русск. перев.: Из «Poèmes tragiques», перевод О. Михайловой, «Вестник Европы», 1895, I; Эриния, Античная трагедия, перев. О. Чуманов, Москва, 1908 (последний перев. «Эриния» — М. Лозинского, П., 1922. В 1909 «Эриния» были поставлены в Ленинграде, в Михайловском театре); Слоны, Дремота кошмара, перевод В. Брюсова, в Полном собрании сочинений и перев., т. XXI, СПб., 1913. Стихи также переводили: И. Аниенский, Ф. Сологуб («Новый журнал иностранной литературы», 1904), С. Пигус и др.; Poèmes et poésie, 1854; Le chemin de la Croix, 1859; Le catéchisme populaire républicain, 1871; Poèmes tragiques, 1886; Речь при приеме во Французскую академию, 1877; L'Apollonide, 1888; Derniers poèmes, 1895 (посмертный сборник); Oeuvres, éd. Lemerre; Premières poésies et lettres intimes, préf. de Guinandau, 1902; Contes en prose, préf. Dornis.

II. Ф р и ш м у т М., Леонт де Лизь. Из современной французской литературы, «Вестник Европы», 1889, III—IV (перевел в его «Критических очерках и статьях», СПб., 1902); Деген Е. В., Новейшая французская литература, «Новое слово», 1896, IX (июль); Брюсов В., Французские лирики, изд. 2-е, СПб., 1913 (я в Полном собр. сочин. и перев., т. XXI, СПб., 1913); Dornis J., Leconte de Lisle intime, 1895; Leblond M. A., Leconte de Lisle d'après les documents nouveaux, 1906; Calmettes F., Leconte de Lisle et ses amis; Vianey, Les sources de Leconte de Lisle, 1907; Dornis J., Essai sur Leconte de Lisle, 1909; Whiteley J. H., Etude sur la langue et le style de Leconte de Lisle, 1910; A v a l l e, Leconte de Lisle, «Studio Letterario», Cremona, 1920; E s t é v e E. d., Leconte de Lisle, l'homme et l'œuvre, 1922. А. Луначарский

ЛЕКСИКА (греч.)—совокупность слов какого-нибудь яз., словарный состав яз. Л.—одна из сторон яз., наиболее четко выявляющая связь яз. как «практического сознания» (определение языка у Маркса) с его общественно-экономической базой и его роль как орудия классовой борьбы. Ибо «производство идей, представлений, сознания прежде всего непосредственно влетает в материальную деятельность и в материальные

отношения людей—в яз. реальной жизни» (К. Маркс). Действительно: смена одних форм производства, общественности, быта, идеологии другими вызывает соответствующие изменения лексики как в объеме словаря, так и в выборе слов. Названия исчезнувших явлений материальной культуры, общественной и политической жизни, идеологии исчезают из живого яз. широких масс, сохраняясь иногда в виде архаизмов лит-ой (поэтической) или научной речи, доступных пониманию узкого круга специалистов—филологов, литературоведов, историков, или же они переносятся на новые явления по функциональной близости последних к старым, существенно изменяя при этом свое значение (подробнее см. «Семантика»). И наоборот: названия новых предметов и явлений входят в лексику в качестве неологизмов, то просачиваясь в нее медленно и незаметно (в эпохи стабилизации соответствующих общественных формаций), то врываясь бурной волной (в эпохи революционных сдвигов в экономике и общественности). При этом—поскольку «страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (К. Маркс)—пополнение Л. часто происходит путем заимствования слов из языка экономически, технически, политически более передовых стран. Так, перестройка старой феодально-помещичьей Московской Руси в централизованное поместичье государство западноевропейского абсолютистского образца [XVII—XVIII вв.] влечет за собой в конечном счете массовое отмирание политических, юридических, бытовых слов старого русского феодализма (стольник, жилец, рында, стрелец, околыничий, терлик, охабень, опашень, боярская дума, приказы и т. д.) и массовое обогащение русской Л. иноязычными словами для обозначения новых форм техники, общественности, быта (сенат, синод, канцелярия, арест, амнистия, мода, коммерция, монета, гавань, матрос, бомба, атака, ассигновать, баланс и т. д.). Иные формы пополнения Л. наблюдаются в русском языке послеоктябрьской эпохи; поскольку новые формы экономики и общественности не имеют себе аналога в капиталистических странах Запада, пополнение Л. в области названий форм труда и социально-экономических отношений идет в значительной мере не за счет иноязычных заимствований, но за счет новообразований из слов, уже вошедших в русский яз. (колхоз, соцсоревнование, ударник, пятилетка и т. д.), тогда как техническая терминология продолжает обогащаться за счет технической терминологии более передовых технически стран (трактор, комбайн, фордзон и т. д.).

Отобразая в своих изменениях в конечном счете смену общественных формаций, образующих базу языка, дифференциацию общества на классы, взаимодействие и борьбу этих классов, Л., как всякая область идеологии, становится сама орудием классовой борьбы. Классовая дифференциация находит себе яркое выражение в том факте, что одни-

классы, сохраняя более старые формы производства, быта, материальной культуры, сохраняют и наименования их, уже отброшенные из языка ведущих классов; так, кустари-богомасы сохраняют термины старой (византийской) техники, например «вапа», греч. *vaphe* — «краска», уже давно вытесненные в полиграфическом производстве и живописи итальяно-немецкой и английской терминологией. Точно так же проникновение иноязычных заимствований захватывает обычно в первую очередь и преимущественно язык господствующих классов, ориентирующихся на более развитые формы культуры других стран; в этом отношении показательны например обилие иноязычных заимствований в Л. русского дворянства XVIII века по сравнению с Л. других классов русского общества. При этом часто наблюдается и обратный процесс: в эпоху наибольшего расцвета своей культуры или в момент соперничества между господствующими классами разных «национальных» государств класс-гегемон начинает очищать свою лексику от заимствованных слов (ср. пуристические тенденции в языке русского дворянства в XVIII — начале XIX веков). Так осуществляется дифференциация Л. по классовым диалектам, усложняемая еще более дифференциацией производственной терминологии, обусловливаемой (в устанавливающим разделении труда обществе) многообразием технических отношений людей к орудиям, способам и объекту труда. Там, где только есть разделение труда, каждая отрасль производства принуждена создавать свой особый запас «технических терминов» — наименований орудий и процессов работы, связанных с ее ролью в производстве и непонятных для членов иной производственной группы (ср. например в лексике металлиста — «фрезер», «шайба», «ножовка», «паятиж», в лексике электротехника — «голофан», «вольтаж», «конденсатор», «агломератор»; при этом одно и то же слово может приобретать совершенно разные значения — ср. напр. значение слова «изоляция» в Л. юриста или электромонтера).

Тенденция к дифференциации Л. противостоит в развитом капиталистическом обществе тенденция к ее унификации, вызываемая самыми формами труда, огромным ростом мировых связей, развитием классовой борьбы пролетариата, втягивающей все большие и большие народные массы. В частности единообразие орудий и процессов труда, стандартизация продукции влекут за собой унификацию лексики, создание международного производственного и технического словаря (ср. «электричество», «автомобиль», «трактор», «газ», «бензин» и т. д.). Но эта тенденция к унификации лексики, как и языка в целом, встречает в капиталистическом обществе непреодолимые препятствия как в соперничестве господствующих классов отдельных государственных объединений, так и в антагонизме классов в пределах отдельного «национального» государства, отсюда дифференциация Л. по классовым диалектам. Это неразрешимое в преде-

лах капиталистич. общества противоречие снимается только социалистич. революцией.

В пределах же классового общества лексика становится одним из орудий идеологической классовой борьбы. Поскольку язык классового общества распадается на классовые диалекты, употребление тех или иных слов, свойственных этому именно диалекту, становится одним из признаков принадлежности говорящего к тому или другому классу. Отсюда — положительная оценка своего словаря как единственно нормальной и правильной формы выражения и отрицательная оценка Л. других классовых диалектов (ср. например оценку «советизмов» в среде буржуазной интеллигенции). Отсюда — особенно обостряющиеся в эпоху открытой политической борьбы тенденции к стабилизации и «очистке» от иноязычных диалектизмов своего словаря со стороны падающего класса-гегемона и настойчивое стремление «обновить» его своей Л. со стороны поднимающегося класса (ср. напр. борьбу вокруг Л. французского лит-ого яз. в эпоху Великой французской революции). Отсюда — возможность усвоения иноязычной Л. классом восходящим, еще слишком слабым и себя не осознавшим (напр. усвоение стабилизированной лит-ой Л. французского дворянства еще не осознавшей себя французской буржуазией XIV—XVII вв.), или классом нисходящим, пытающимся в своей политической борьбе опереться на чуждые ему слои общества (усвоение французской аристократией в эпоху Великой французской революции Л. крестьянства в своих политических брошюрах). Выбор Л. становится так. обр. одним из показательных приемов классовой борьбы и выявления классовой ориентации.

В Л. лит-ого яз. — как яз. классового — по существу наблюдаются те же явления, усложняемые лишь тем, что стабилизация Л., борьба за ее «обновление» и против него определяются и специфическими условиями смены лит-ых стилей, протекающей часто в пределах того же класса и знаменующей разные этапы его существования и выступления различных его прослоек. Ср. борьбу за «народность» поэтического яз. в русской лит-ре начала XIX в. (вытеснение ряда славянизмов и введение Л. разговорной речи класса), борьбу за введение в поэтик яз. урбанистической и технологической Л. в 10-х гг. XX в. (имажинизм). Подробнее см. «Стиль».

При анализе Л. отдельного поэтического произведения или художественной продукции отдельного писателя в целом необходимо так. обр. изучать определяющие ее моменты и как специфически-стилистические (принадлежность к определенной лит-ой группе, следование канонам отбора «поэтических» слов или нарушение их) и как основополагающие моменты классово-языкового порядка (борьба за Л. своего классового диалекта или против Л. чуждого класса, отбор слов, имеющих целью выявить ориентацию на другой класс, и т. д.). С этой точки зрения большинство существующих исследований по Л. отдельных русских писателей представляется методологически невыдержан-

ним, поскольку они или не учитывают классовой базы лексического отбора, или упускают моменты специфически литературного порядка — традицию «поэтической лексики», или наконец забывают о том, что классовая борьба не просто пассивно отображается в лексике класса, но и создает ее, что использование той или иной лексики является одним из орудий классовой борьбы.

Библиография: Важнейшие лексикографические и лексикологические работы по отдельным языкам — см. соответствующие статьи. Методологическое значение имеют следующие сочинения: Darmsteter A., *La vie des mots*, P., 1887; Nyugor K., *Das Leben der Wörter*, Lpz., 1903; Rozwadowski J., v., *Wortbildung und Wortbedeutung*, Hdb., 1904; Schrader O., *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, Jena, 1890 (есть русский перевод); Schuchardt H., *Sachen und Wörter* («Anthropos», 1912); Wagner M. L., *Die Beziehungen zwischen Wort- und Sachforschung* (Germ.-Rom. Monatsschrift, 8); Jaber K., *Wie die Wörter untergehen*, Zürich, 1907; Holthausen F., *Vom Aussterben der Wörter* (Germ.-Rom. Monatsschrift, 7); Vossler K., *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung*, Heidelberg, 1913; Meillet A., *Linguistique historique et linguistique générale*, P., 1921 (статья «Comment les mots changent du sens» и «Interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes»); Vendryes J., *Le langage*, P., 1921 (p. 3, «Le vocabulaires»).

Перечисленные здесь работы отражают преимущественно культурно-историческое и психологическое направления в лингвистике. Марксистские исследования в области лексики: Лафарг П., *Язык и революция*, М.—Л., 1930; Егоров Е., *Экономический детерминизм* К. Маркса, М., 1928.

Из новейших работ на русском языке наибольший интерес представляют труды ак. Марра, см. ак. Марра Н. Я., *Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории*, Л., 1926, а также многочисленные статьи об отдельных словах, библиография которых см. «Яфетический сборник», Л., 1930, № 6.

Описательные работы по Л. отдельных писателей указаны в библиографии и соответствующих статьях. См. также статьи «Диалектология», «Семантика», «Язык».

Р. Шор

ЛЕКСИКОЛОГИЯ — раздел «языковедения» (см.), посвященный изучению лексики.

ЛЕМАНСКИЙ ЯН [Jan Lemański, 1863—] — польский поэт, сатирик. Басни Л., печатавшиеся в журнале «Химера», сделали его одним из виднейших представителей «Молодой Польши». Изображаемые в них «звери-люди» являются злой карикатурой на ненавистное Л. мещанство. Отнюдь не являясь революционером, Л. все же относится с отвращением к узколюбью, трусости и карьеризму. Для сатиры Л. характерны как лиризм, так и грубая тривиальность. Более поздние произведения Л. уже слабее, хотя в них иногда прорывается социальная сатира.

Библиография: I. Bajki, 1902; Prosa ironiczna, 1904; Colloquia, 1905; Ofiara krolewny, 1906; Nowenna, 1906; Prawo własności, 1909; Basń o prawdzie, 1910; Noc i dzień, 1911; Czyn, 1911; Kamień filozoficzny, 1911; Zwierzyniec, 1912; Bajki o zwierzętach, 1916; W kraju słonka, 1920; Złota rybka, 1920; Listy na dworze królewskim, 1920; Księga rodzaju, 1920; Tao, 1920; Prawo mężczyzny, 1922.

ЛЕМЕРСЬЕ [Louis Jean Néromucène Lemercier, 1771—1840] — французский писатель, типичный представитель периода, переходного от классицизма к романтизму. Р. в Париже, в буржуазной семье. Начало литературной известности Л. положила контрреволюционная комедия «Тартюф революционер» [1795], запрещенная к постановке даже термидорианской Директорией. За «Тартюфом» последовали трагедии в вольтеровском стиле, с примесью элементов мелодра-

мы (см.) — «Евфраимовский леви́т» [1795] и «Агамемнон» [1797]. Последняя пьеса имела шумный успех. После этого триумфа Лемерсье в дальнейшем испытывает только полу-удачи, несмотря на редкое разнообразие его драматической продукции. Единственным исключением была его историческая комедия «Пинто, или день заговора» [1799], положившая начало новому жанру, впоследствии подхваченному Скрибом (см.). Особенности этого жанра: снижение исторической тематики до масштабов мещанского анекдота, мотивировка больших событий ничтожными причинами, внешние зрительно представления, что короли и принцы, возмеченные трагедиями, на самом деле мыслят и чувствуют, как простые лавочки. Жанр этот знаменовал скептицизм, утомление и дезориентацию мелкого буржуа вследствие глубокого разочарования, которое торжество буржуазии принесло массам мелкой буржуазии. Герой пьесы — талантливый проходимец и ловкий политик Пинто — навеян Лемерсье образом Фигаро, предвещая в то же время образ Рюи-Блаза Гюго. Л. таким образом перекидывает мост от комедии XVIII века к романтической драме. В комедии «Христофор Колумб» [1809], рисующей излюбленный романтиками образ неизвестного гения, Лемерсье дерзнул отступить от классических «единств» (см.), чем вызвал кровопролитную схватку в рядах зрителей. В трагедии «Ричард III и Джени Шор» [1816] Лемерсье подражал любимому романтиками Шекспиру, в «Frédégonde et Brunehaut» [1821] он на материале входившего в моду средневековья развернул романтическую историю служанки, ставшей королевой. Не брезгал Лемерсье даже сочинением мелодрам для бульварных театров («Les deux filles sœurs» — «Две девушки-призраки», «Les serfs polonais» — «Польские рабы», «L'héroïne de Montpellier» — «Герония из Монпелье»), внося приемы этого «низменного» жанра в свои трагедии (особенно «Les martyrs de Soult» — «Мученики из Сули», 1825). Помимо драм Лемерсье сочинял также поэмы («Четыре превращения», «Гомер и Александр», «Меровинда» и др.); одна из них — эпико-сатирико-драматическая поэма «Raphaëlisade» (или «Адская комедия XVI в.», 1819) — при грандиозности замысла и выполнения (она предвещает «Легенду веков») превзошла своей экстравагантностью самые небезудачные проявления романтической фантазии. Но все эти новаторские попытки Л., путавшие классиков-ригористов, разбивались об его консерватизм в вопросах языка и стиля. Раздраженный своим бессилием, Л. ненавидел молодое поколение романтиков, своих собственных продолжателей. Сам не без труда проникнув во Французскую академию [1810], он всемерно препятствовал избранию Гюго, который попал в Академию лишь после смерти Л. и на его место. Литературные воззрения Л. ясно выражаются в его лекциях, читанных в течение 7 лет в парижском Атенее и составивших 4-томный «Аналитический курс всеобщей лит-ры» [1817]. Лемерсье стоит здесь на почве догма-

тической поэтики эпитетов классицизма Бугура и Лагарра (см.), ориентируется на опыт древних писателей и расписывается в полном подчинении классическим «правилам», отрицая расхождение собственной практики с этой теорией. Под этим «благонадежным» прикрытием он проводит однако теорию лит-ого прогресса и отстаивает права современных писателей на создание собственных правил, созвучных требованиям эпохи. Подобная противоречивость характеризует также политические воззрения Л. Перекликался с эмигрантами во время Революции, он становится ярым республиканцем в период Империи, возбуждает гнев Наполеона (с которым был близок во время консульства) выпадами против «кровавого насильника» в своих трагедиях, подвергнувшись цензурному запрету. После реставрации Бурбонов Леметр держится в стороне от политики и занимается исключительно литературой, все более отступая на второй план перед молодой школой, отказывавшейся видеть своего предшественника в этом «двулицом Янусе, обращенном одним лицом к новому, а другим—к старому режиму».

Библиография: I. Переписку Леметр частично надал M. Souriau, «Revue d'histoire littéraire de la France», 1909, и «Mélanges Wilmotte», 1910.
II. C. H. P., La vérité sur Lemerrier, 1827; P. o n g e r v i l l e, Biographie de Lemerrier, 1859; L. e R o y A., Un demi-romantique, «Revue Bleue», 1903; S o u r i a u M., N. Lemerrier et ses correspondants, 1908. C. Мокучевский

ЛЕМЕТР Жюль [Jules Lemaitre, 1853—1914]—французский писатель. Вышел из семьи зажиточных крестьян. Учился в духовной семинарии в Париже, окончил Нормальную школу, был преподавателем. Свою литературную деятельность начал стихами, вскоре перешел к критике. Много писал также о театре. Критик-импрессионист, Л. смакует всякое оригинально выраженное художником жизнеощущение. Восторгаясь классиками, Леметр сумел без предубеждений отнестись к Золя (однако широта его литературно-эстетических взглядов имела свои границы: он так и не сумел признать символистов).

Задача критики, по его мнению, извлечь из художественного произведения наибольшее количество впечатлений и суметь передать эти свои личные впечатления читателю. «Критика—искусство наслаждаться книгами», говорит он. Он любит жонглировать идеями, иронически высказываться за и против, кокетничать своим скептицизмом, в значительной мере напускным. Блестящий стилист, он давал довольно яркие и не лишние меткости суждений характеристики, когда старался беспристрастно передать общий характер и психологическое содержание произведения. Но в каждой из них все-таки проглядывает эстетствующий буржуазный идеолог, для к-рого великие социальные драмы в сущности нечто глубоко безразличное. Он вполне заслужил лукаво-ироническую похвалу А. Франса: «Л.—писатель добронравный. Он защитник общественного порядка и частных добродетелей». Л. впитал в себя консервативные инстинкты французского кулачества, сознавал это и гордился этим: «Та капля истинной муд-

рости,—пишет Леметр в 5-й серии своих «Современников»,—та капля духовного смирения и чувства меры, которыми я обладаю, достались мне потому, что прежде чем стать писателем, я был крестьянином, привязанным к своей колокольне, своему двору, своему дугу».

Дело Дрейфуса окончательно выявило классовые инстинкты Леметра. Его переход к маховому национализму был вполне закономерен. От буржуазного эпикурейства и гурманства к буржуазному человеконенавистничеству—один шаг: ведь национализм как-раз защищал те идеалы личного благополучия небольшой кучки избранных и привилегированных, к-рые так дороги были Л.

Л. написал также много пьес, 2 тома рассказов и ряд романов. Некоторые пьесы имели успех на франц. сцене; в большинстве их виден тот же ограниченный национализм.

Библиография: I. Русский перевод: Поль Бурме, «Русская мысль», 1887, X; Литературные характеристики: Эрнст Ренан, Альфонс Доля, «Русская мысль», 1888, IV; Современные писатели, СПб., 1891; Бретонская легенда, сб. «Помощь голодающим», М., 1892; Мирра, Рассказ из времен Нерона, «Русская мысль», 1892, VIII; Этюды о русских писателях, Одесса, 1893; Флинт, Комедия в 3 д., перев. Э. Маттерна, «Театральная библиотека», 1893, X; Прости, Комедия в 3 д., перев. Н. Е., «Театрал», 1895, XXXVII; За кулисами, Комедия, перев. Э. Маттерна, М., 1902; Серенус, История мученика, перев. Ю. Бромлей, М., 1908; Короли, перев. Ю. Бромлей, М., 1908; Contemporains, 7 тт., 1885—1899; Impression de théâtre, 10 тт., 1888—1898; Révolte, 1889; «Députés», «Le veau», «Mariage Blanc» etc.

II. Арсеньев К., Новая французская критика, «Вестник Европы», 1887, VI; Андриев А., Жюль Леметр и его «Современники», «Северный вестник», 1892, V; Луначарский А. В., Этюды критические, Западноевропейская литература, М., 1925; B o r d e a u x H., Jules Lemaitre, 1920; M o r i s e H., Jules Lemaitre, 1924. B. Гиммельфарб

ЛЕММЕ Михаил Константинович [1872—1923]—историк русской журналистики, цензуры и революционного движения. Р. в дворянской семье, был офицером. В 1898—1901—зав. редакцией «Орловского вестника»; в 1901—1902—редактор «Приднепровского края» (Екатеринослав); 1903—1904—зав. историч. отделом либерального изд-ва М. В. Пирожкова; 1906—редактор библиографического журн. «Книга»; 1915—1916—военный цензор в ставке верховного главнокомандующего; 1920—1921—один из редакторов «Книги и революции»; затем—председатель правления треста «Петропечать»; незадолго до смерти вступил в РКП(б). Сотрудничал в «Русском богатстве», «Мире божьем», «Былом», «Современном мире», «Русских ведомостях» и др. журналах и газетах.

Лемме занимался гл. обр. эпохой Николая I и 60-х гг.—Герценом, Чернышевским, Серно-Соловьевичем, сатирической журналистикой, Писаревым и пр. Интересы его были направлены преимущественно на историю цензуры и борьбы русского абсолютизма с революционными и прогрессивными течениями общественной мысли, а не на самый анализ явлений лит-ры и журналистики. Л. был не исследователем, а скорее собирателем исторических материалов; социальный смысл описываемых фактов он или вовсе игнорировал, или оперировал лишь самыми общими понятиями, как «революционный»,

«реакционный» и т. д. В его книгах наиболее ценны документы первостепенной важности, извлеченные им из разных архивов (III Отделение, сената и др.).

Под редакцией Л. вышли «Записки и дневник» А. Низиженко (изд. 2-е, СПб, 1905), собр. сочин. Добролюбова (4 тт., СПб, 1911), М. М. Стасюлевича и его современники в их переписке (СПб, 1911—1913; вышло 5 тт.), полное собр. сочин. и писем Герцена (22 тт., 1915—1925). В последнем много затерянных и вовсе до тех пор неопубликованных произведений Герцена и ценный, несмотря на ряд ошибок, фактический комментарий.

Библиография: Т. Думь журналиста, СПб, 1903; Н. М. Ядринцев, СПб, 1904; Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст., СПб, 1904; Эпоха цензурных реформ, СПб, 1904; Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского, СПб, 1907 (изд. 2-е доп., под псевд. Политические процессы в России 1860-х гг., М.—П., 1923); Очерки освободительного движения 60-х гг., СПб, 1908; Николовские записки и литература: 1825—1855, СПб, 1908 (изд. 2-е, 1909); Автобиография Лемке: Словарь членов Общества любителей российской словесности, СПб, 1911, и в сб. «Русские ведомости», 1863—1913, М., 1913; 250 дней в царской ставке, П., 1920.

И. О «Думах журналиста»: Ветринский Ч., «Образование», 1903, VII. Рец. на «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст.» А. Шевского и С., «Мир болей», 1904, IV; Морозов П., «Образование», 1904, VII. Рец. на «Очерки освободительного движения 60-х гг.» Святиков С., «Минувшие годы», 1908, IV. Рец. на «Николовские записки: К а л а ш В., «Весел», 1908, III; Шеголев П., «Минувшие годы», 1908, II. Рец. на «250 дней в царской ставке»; «Книга и революция», 1924, VIII—IX. О собр. сочин. Герцена: Козловский Л., «Голос минувшего», 1918, IV—VI; Водовозов В., Статья в «Сб. материалов и статей», «Главное управление архивными делами», выпуск 1, М., 1922; Пикасов Н., «Печать и революция», 1925, V—VI. Рец. на «Политические процессы: К о з м и н Б., «Печать и революция», 1925, I.

ЛЕМОНЬЕ Камилл [Camille Lemonnier, 1844—1913]—бельгийский романист. Учился в Лувенском университете (которого не окончил), служил чиновником в гор. управлении в Брюсселе, 22 лет вышел в отставку, чтобы всецело отдаться лит-ой деятельности. В своих романах Лемонье отражает процесс превращения Бельгии в передовую капиталистическую страну, сопровождавшийся коренной ломкой привычного социального-экономического уклада. В романе «Последний барон» Лемонье показывает, как под натиском капитала разрушаются старые рыцарские замки (Hassali); в романе «Смерть» (La Mort)—как капитализм проникает в деревню и разрушает ее, порождая бредовую жажду обогащения; роман «Конец буржуа» (La fin des bourgeois, 1892) посвящен быту крупной буржуазии; в романе «Нарре-Шайг» воспроизведен быт рабочих, создающих богатства для своих хозяев, капиталистов, и вместе с тем обреченных на безысходную нужду и деградацию.

Л. отрицательно относится к капиталистической действительности. Ему равно чужды и враждебны капиталистический город и капиталистическая деревня с ее расстройством крестьянства на захиточное кулачество и бездомных бродяг («Самец»). Выход из создавшегося положения Л. видит в отрицании машины, капиталистической цивилизации, в проповеди возвращения к неис-

порченной и здоровой природе (роман «Адам и Ева»—«Adam et Eve», 1899), к ремесленному труду, который он идеализирует в романах «Au cœur frais de la forêt» (В прохладных недрах леса, 1900) и «Comme va le guisseau» (Как течет ручей, 1909). В этой апологии патриархального ремесла с особой отчетливостью раскрывается мелкобуржуазная природа Л., опущающего гнет растущего капитализма и в отчаянии зовущего назад, к патриархальному ремеслу; Лемонье не видит иного выхода из противоречий современности.

Эта же тема развита и в других его произведениях, напр. в «Ветрогон» (Le vent dans les moulins, 1901), в котором Л. рисует молодого человека, приехавшего из города в деревню, мечтающего о социалистическом преобразовании общества, но мало-помалу изменяющего своим планам и с радостью и

увлечением отдающегося повседневному труду столяра. Идеализацию тихой, не охваченной капиталистической лихорадкой жизни провинции мы находим в последних романах Л.—«Le petit homme de Dieu» (Божий человек, 1903) и «La chanson du carillon» (Благовест, 1910).

Л.—выдающийся представитель бельгийского реализма XIX века. Его называли «бельгийским Золя». Подобно последнему он видел в человеке продукт наследственности и среды, уделяя много места вопросам психопатологии. Так, в романе «В плену страсти» (L'homme en amour, 1897) Л. описывает патологическую любовную страсть молодого человека, изуродованного католической системой воспитания, обессилившей его волю и силу сопротивления. Роман «Одержимый» (Le possédé) раскрывает моральную опустошенность и тайную разнузданность официального судьи общественной нравственности. Психологии парижской «звезды», жившей любовью, посвящен роман Л. «Клодина Ламур» (Claudine Lamour, 1893). Той же проблеме любовных отношений в условиях капиталистического города посвящены и

другие его произведения: «La faute de madame Charvet» (Преступление мадам Шарве, 1895), «Une femme» (Путь женщины, 1898), новеллы «L'ambône d'amour» (Милостыня любви, 1897) и «La vie secrète» (Тайная жизнь, 1898).—Проблему оздоровления человечества Л., как сказано выше, связывает с отказом от урбанистической и индустриальной культуры, с проповедью опрощения и возвращения к первобытной жизни и ее непосредственным эмоциям.—Критики называли Л. «художественной совестью» страны, строго судившей все возникающие явления в художественной и общественной жизни.—Л. написал более 50 тт. разных произведений, среди них большой труд, посвященный Бельгии («Belgique», 1888), в к-ром он дает картину состояния современной Бельгии и ряд монографий о Менье, Ронсе, Эмиле Клаусе и т. д. Он первый обнаружил талант Курбе, творчеству которого посвятил блестящий очерк, сразу обративший внимание и на критика и на художника. Последним произведением Л. были «Воспоминания писателя».

Библиография: 1. Когда я был мужчиной, Роман, перев. З. Журавской, М., 1909; Собр. сочин., под ред. Ф. Фриче, изд. «Звено», Москва, 1910; Избранные произведения, 2 тт., перев. и примеч. А. Н. Горюна, под ред. А. В. Амфитеатрова, П.—М., 1922; Веселое богомолье, Рассказы, перев. К. Жихаревой, Л., 1925; Конец буржуа, Роман, перев. Э. К. Бродерсен, Л., 1926; Один из многих, Рассказы, М., 1926; Конец Россафоссов, Роман, перев. Н. Деген, М.—Л., 1927; Люди земли, Рассказы, перев. К. Жихаревой, М.—Л., 1927; Путь женщины, Роман, перев. З. Журавской, Харьков, 1927.

Фриче В. М., Предисловие к «Рассказам Лемонье», изд. «Магнит», 1909; Е го же, Лемонье, ст. в «Энциклопедическом словаре Гранат», 1913; Barbeu d'Aurevilly, Les critiques ou les juges, jugés «Gil Blas», 23 novembre, 1888; De l'art et de l'art à la cour d'assises, éd. Savine, 1893; Moskell, C. Lemonnier et la Belgique, «Mercure de France», 1897, IV—V; Leblond M., Un apôtre du panthéisme, «Revue naturaliste», 1900, V; Cille V., C. Lemonnier, «Le Soir», Bruxelles, 7 mars 1903; «Revue de Belgique», numéro consacré à C. Lemonnier, 15 févr. 1903; «L'idée libre», numéro consacré à C. Lemonnier, 15 mars 1903; «Le Thyrs», numéro consacré à C. Lemonnier, 8 mars 1903; «Wallonia», numéro consacré à C. Lemonnier, 1903, 4; Bazalgette L., C. Lemonnier, éd. Sansot, 1904; Des Ombiaux M., C. Lemonnier, éd. Carrington, P., 1910; Е го же, Premiers romanciers nationaux de Belgique, 1919; Liebercht, Histoire de la littérature belge des origines à nos jours, éd. illustrée, Bruxelles, 1924.

III. Des Ombiaux M., Camille Lemonnier, monographie anecdotique et documentaire avec une bibliographie, 1909. К. С.

ЛЕНАРТОВИЧ Теофиль [1822—1893]—польский поэт. Стихотворения его сопоставляются обычно с «народнической поэзией» Владислава Сырокомли. Брюкнер в своей книге «Dzieje literatury polskiej w zagrysie» (том drugi, Warszawa, 1922) называет его польским Кольцовым. Однако об этом можно говорить только условно. Далеко не безмятежную жизнь непрерывно нивавшей и бугтовавшей польской деревни того времени Ленартович идеализирует и рисует в розовых тонах. Его можно считать одним из выразителей шляхетского «народолюбства», причем категория «народ» носит у него чрезвычайно расплывчатый характер. Поэтический кругозор Ленартовича весьма ограничен. Лучшие его произведения собраны в сборниках «Lirenka» [1855] и в «Nowa Lirenka» [1859]. Л. однажды пытался подойти к

более широким темам, но потерпел неудачу, вызвав резкие критические отзывы своими «Гладиаторами».

Кроме указанных известны его произведения «Album wloskie» [1870], «Ze starych zbroiz» [1870], «Echa nadwiślańskie» [1872], «Rytmy narodowe» [1881] и др.

Библиография: II. Noire-Isle Ch., Poètes illustres de la Pologne au 19-e siècle, v. V, 1881. Я. З.

ЛЕНАУ Николаус (псевдоним — Николаус Нимбш фон Штреленау) [1802—1850]—немецкий писатель. Родился в Венгрии в дворянской семье. Творчество Л. выражает усложненность и противоречивость немецкого романтизма эпохи его разложения. Л.—поэт, связанный с группой поздних романтиков — Уландом, Швабом, Кернером, сложившийся в среде, проникнутой дворянско-монархическими, романтическими традициями, на протяжении всей своей творческой деятельности колебался между этими традициями и побег-

давшими их влияниями наступающей буржуазно-капиталистической культуры. Продолжая романтические традиции в обработке сюжетов народного творчества («Фауст», «Анна» и др.), в лирическом пейзаже своих «Naturgedichte», в смешанной форме пьес — эпико-драматических и эпико-лирических, в преобладающей у него романсовой форме эпических стихов, Л. пытался разрешить противоречие между авторитарной дворянско-феодалной идеологией и разлагающим эту идеологию буржуазным свободомыслием предреволюционных лет. Поискам выхода из указанных противоречий посвящены наиболее крупные эпико-драматические и эпико-лирические его произведения: «Фауст», «Саванарола» [1837], «Альбигойцы» [1842], характеризующие его тяготение к «большой», монументальной форме. Воплотив все свои сомнения, свое стремление сбросить изживающие себя авторитеты (по существу — дворянско-феодалное мировоззрение) в образе Мефистофеля («Фауст»), Л. быть может помимо своего желания сделал его побе-

дителям над двойственным, колеблющимся, пытающимся все же «как-то соединить мир, бога и себя» Фаустом. Но в «Саванаролле» (цикл романсов), где Л. выступает против эллинизма Возрождения, поэт не может преодолеть в себе «католическое», иначе говоря, — консервативное, традиционное, авторитарное. Радикальные бюргеры «Молодой Германии» приняли поэму в штыки, увидев в ней защиту идеи об оздоровлении государства через возрожденную и обновленную церковь. «Альбигойцы» Л., как определяли смысл произведения радикальные критики, — это «торжество освобожденного от пут христианства поэтического духа». «Герой моей новой поэмы — Сомнение», пишет Л. От альбигойцев, борцов против папства, по мнению автора, начинается великий путь борьбы с деспотизмом: «За Гуссом и Жижкой явились Лютер и Гуттен, тридцатилетняя война, северные борцы, победители Бастилии и т. д.». Наряду с очень типичной романтической лирикой («Naturgedichte» и др. циклы) у Л. встречаются стихотворения, которые сближают его с политической поэзией радикального немецкого бюргерства: «Am Grabe eines Ministers» (На могиле министра), «Abschied» (Прощание), где поэт, оставляя страну деспотизма, приветствует свободу, отделенную от него морем — Америку, «Polenlieder» (Польские песни), посвященные польскому восстанию, и др.

Путем переоценки, отступлений, мучительных компромиссов Л. пытается найти выход в освободительном движении немецкого бюргерства 30—40-х гг. Однако трагедия деградации, пессимизма одиночества постоянно снижают в творчестве Л. подъем, энергию, боевые настроения молодого класса, которыми пытается «возродиться» поэт, и даже революция 1848 не вносит в его мировоззрение и творчество той целостной монументальности, к которой он всегда стремился.

Библиография: Л. Гербель Н. В., Немецкие поэты в биографиях и образах, СПб, 1877; Фауст, Поэма, перев. в стихах, с биографией и предисловием Л. А-ского, издание журнала «Навстречу литературе», СПб, 1892; То же, перев. А. Антонова [А. Луначарского], с приложением очерка Н. Ленау и его философские поэмы, изд. ред. журн. «Образование», СПб, 1904; Sämtliche Werke und Briefe, hist.-krit. Ausgabe von E. Castle, 6 B-de, 1910—1923.

И. Вейнберг П., об. статей «Страны из истории западных литератур», СПб, 1907, II; Луначарский А. В.: указанный выше статья, и в его кн. «Этюды критические», «ЗИФ», М., 1923; Фриче В. М., Очерк развития западно-европейской литературы, Харьков, 1927; Schurz A., Lenaus Leben, 2 B-de, 1855; Oritz T., Nik. Lenaus, 1850; Auerbach B., Nik. Lenaus, 1876; Reitz Fg., N. Lenaus; Bischoff H., Nicolaus Lenaus Lyrik, ihre Geschichte, Chronologie und Textkritik, 2 Bände, 1920; Schöenburg R., Lenaus «Faust», 1922; Schmahle E., Die Beziehungen von lyrischer Form und Inhalt in der Lyrik: Untersuchungen an Lenaus und Heine, 1924; Hesen J., Lenaus und das junge Deutschland, 1925.

Н. Эвистина

ЛЕНГЬЕЛЬ Иосиф [J. Lengyel, 1896—] — венгерский пролетарский писатель. Начал писать в 1916 в экспрессионистском журнале «Сегодня». Присоединив к коммунистической партии, Л. отходит от группы «Сегодня» и всецело поднимает свою литературную работу задачам пролетарской революции. После падения советской власти в Венгрии

Л. эмигрирует в Вену, увлекается некоторое время толстовством, но вскоре опять возвращается в ряды коммунистической партии и становится активным сотрудником ряда партийных органов, помещая в них главным образом небольшие рассказы из жизни венгерских и немецких рабочих. Л. также автор книжки для детей «Sternekund und Reinekund» (Берлин, 1923).

ЛЕНГЬЕЛЬ Мельхиор [M. Lengyel, 1889—] — венгерский буржуазный драматург и публицист. Первое значительное произведение Л. — драма «Пророк». По своей драматической структуре и критической оценке существующих общественных отношений драма эта являлась предвосхищением новой фазы в венгерской драматической литературе, обнаружив в авторе чутье к социальным проблемам современности. Вскоре однако стало ясно, что Ленгьеель не в состоянии искать и находить разрешение социальных проблем вне рамок буржуазного общества. Драма Л. «Тайфун» (русский перев. Ф. А. Корша, М., 1910), к-рая имела мировой успех, является по существу лишь эффектной в сценическом отношении пьесой. Идея этого произведения в том, что отдельная личность должна быть принесена в жертву интересам буржуазного государства. Сделавшись одним из любимцев буржуазной аудитории, Ленгьеель в пьесе «Королевство Санчо-Пансо», написанной во время войны, выступает сторонником буржуазного уклада и ратует за мешанский «порядок» и спокойствие. Более поздние произведения Ленгьееля — пьесы «для кассы».

В.

ЛЕНИН.

1. Биография [176].

II. Ленин и литературоведение.

1. Постановка проблемы [194]. 2. Философские воззрения Л. [197]. 3. Учение Л. о культуре [208]. 4. Теория империализма [218]. 5. Теория двух путей развития русского капитализма [220]. 6. Воззрения Л. на отдельных русских писателей [226]. 7. Высказывания Л. на литературные темы [249]. 8. Л. и современное марксистское литературоведение [255]. 9. Библиография [269].

I. БИОГРАФИЯ. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич [1870—1924] — теоретик революционного марксизма, организатор и вождь ВКП(б), основатель и вождь Коминтерна, основатель и руководитель первого в мире пролетарского государства. Р. в семье инспектора (позднее — директора) народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, в гор. Симбирске 22 (10) апреля 1870. Все дети Ульяновых, за исключением рано умершей дочери Ольги, стали революционерами; из них четверо — большевиками. Старший брат, Александр Ильич, народовец, 1 марта 1887 с группой товарищей был арестован при подготовке покушения на Александра III и по приговору царского суда казнен. Окончив в 1887 с золотой медалью Симбирскую гимназию, Л. поступил в Казанский университет, но уже через 3 месяца за участие в студенческих волнениях был арестован, исключен из университета и выслан из города. Поселившись в дер. Кокушкино (в 40 км от Казани), Ленин прожил там около полугода, занимаясь самообразованием. Осенью 1888 Л. получил разрешение вернуться в Казань без права

поступления в университет и прожил там до 1889, усиленно изучая «Капитал» Маркса и участвуя нелегально в марксистском кружке. В начале 1889 Л. со всей семьей переехал в одну из деревень Самарской губ., а осенью — в самую Самару и прожил там с не-

В. И. Ленин в 1890—1891

большими перерывами четыре года, усиленно работая над сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова и Каутского. Подготовившись экстерном к экзамену за курс юридического факультета, Ленин сдал этот экзамен в 1891 в Петербурге, но юридической практикой почти не занимался.

К самарскому периоду жизни Л. относятся первые его литературные произведения. К сожалению почти все они не были напечатаны в свое время, а впоследствии затерялись. Уцелела только ст. «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» [1893], представляющая разбор книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» и опубликованная только после Октябрьской революции (Сочинения, том I. Здесь и в дальнейшем — ссылки на 2-е и 3-е издания). В последний период жизни в Самаре Ленин организовал (вместе с Лалайцем и Ссырянко) марксистский кружок, около которого сгруппировалась лучшая часть самарской молодежи.

Переехав осенью 1893 в Петербург и будучи уже совершенно сформировавшимся марксистом, обладавшим большой эрудицией, Л. вошел в группу студентов-марксистов (Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, С. И. Радченко и др.), которые вели революционную работу в рабочих кружках. Сблизившись с рядом рабочих-революционеров (В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин и др.), Л. скоро стал вождем этой группы. Работу ее он начал строить в направлении перехода от кружковых занятий с рабочими к пропаганде и агитации на почве конкретных вопросов, затрагивающих практические интересы рабочих, ни на минуту не забывая при этом о тесной связи этой ра-

боты с борьбой против самодержавия и за социализм.

Рост влияния марксистов среди рабочих и молодежи вызвал беспокойство среди народников, которые до того времени занимали господствующее положение в общественной жизни и в лит-ре. Лидер их Н. К. Михайловский выступил против марксистов с рядом статей в «Русском богатстве». Л. ответил памфлетом «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», направленным против народничества. Особое значение этой работы заключается в том, что в ней уже Л. намечал перспективу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Там же Л. впервые ставит вопрос и о национализации земли. В свое время памфлет «Что такое „друзья народа“...» несколько раз издавался на гектографе. Он состоял из трех частей; вторая часть затерялась совершенно, первая и третья были найдены только после Октябрьской революции (см. Сочин., т. I).

В 1894 Ленин пишет под псевдонимом «К. Тулиш» статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», в которой, наряду с блестящей полемикой против народников, первый во время общераспространенного отношения к Струве как к марксисту в отличие от Плехановской оценки Струве указывает на буржуазн. подоплеку его «марксизма». Сборник, в котором была помещена эта статья, был сожжен царской цензурой; удалось спасти только несколько экземпляров.

Весной 1895 Л. едет за границу для установления связи с соц.-дем. группой «Освобождение труда». Пробыв за границей четыре месяца, Л. по возвращении становится организатором и руководителем петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а также начинает подготовку к изданию нелегальной соц.-дем. газеты «Рабочее дело». Но газета эта не вышла, так как Л. вместе с группой других товарищей был арестован 21 (9) декабря 1895. В тюрьме Л. провел один год и два месяца. За это время им был разработан «Проект программы с.-д. партии» и написано для рабочих несколько брошюр и прокламаций, к-рые тайком передавались на волю и печатались. В тюрьме же Л. начал собирать материалы для большой книги «Развитие капитализма в России».

В феврале 1897 Л. был отправлен на 3 года в административную ссылку в Сибирь, в с. Шушенское, Минусинского уезда. В ссылке Ленин закончил исследование «Развитие капитализма в России» (Сочин., т. III), в к-ром исчерпывающим образом доказал утопичность воззрений русских народников на то, что России не коснется процесс капитализации. Кроме того им был написан за это время ряд статей, появившихся в русских легальных журналах или за границей и вошедших в настоящее время в т. II собрания его сочинений. Из них особенно важны статьи «К характеристике экономического романтизма» и «От какого наследства мы отказываемся», содержащие глубоко диалектическую марксистскую оценку русского народниче-

ства как течения, отражавшего интересы мелкого крестьянского производителя с точки зрения мелкого буржуа. Живя в ссылке, Л. поддерживал тесные связи с заграницей, с товарищами, разбросанными по другим местам ссылки. В это время в среде русской соц.-дем. начало развиваться течение так называемого «экономизма», стремившееся свести задачи русской соц.-дем. к борьбе за экономические интересы рабочих. Л. энергично выступил против этого течения в защиту революционного марксизма. Им

«обшири намеками на счет будущего, прослѣживая только тѣ теперь уже нѣмнѣющія на лицо, элементы, изъ к-рыхъ вырастаетъ будущій строй. Всѣмъ извѣстно, что по части перспективъ будущаго неизвѣримо больше давали пражскіе социаллисты, к-рые со всѣми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь общество картиной такихъ порядковъ, когда люди обходятся безъ борьбы, когда ихъ общественныя отношенія основываются не на эксплуатаціи, а на истинныхъ началахъ прогресса, соответствующихъ условіямъ человеческой природы. Однако - несмотря на цѣлую фалангу талантливейшихъ людей, налагавшихъ эти идеи, и убѣжденнѣйшихъ социалистовъ, - ихъ теоріи оставались въ сторонѣ отъ жизни, ихъ программы - въ сторонѣ отъ народныхъ политическнхъ движеній, пока крупная машинная индустрія не вовлекла въ водоворотъ политической жизни массы рабочаго протетариата и пока не былъ найденъ истинный лозунгъ его борьбы.

Этотъ лозунгъ найденъ былъ Марксомъ, но „утопистовъ, а строгиъ, нѣмнѣно даме сумѣли уцѣлѣть“ (какъ отзывался о немъ Г.М.-кій въ давнопрошедшія времена - 1871 г.), найденъ совсѣмъ не посредствомъ идиллическ. перспективъ, а посредствомъ научнаго анализа современнаго буржуазнаго режима, посредствомъ выясненія „необходимости“ эксплуатаціи при наличности этого режима, посредствомъ изслѣдованія законовъ его развитія. Г.М.-скій можетъ конечно, увѣрять читателей Р.Богатства, что усвоеніе этого анализа не требуетъ ни анализъ, ни работы мысли, но мы видѣли уже у него самого (и увидимъ не меньше у его сотрудника экономиста) такое грубое непониманіе авбучимыхъ истинъ, установка левншихъ этихъ анализомъ, что подобное заявленіе въ состояніи вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримымъ фактомъ распрстраненіе и развитіе рабочаго движенія именно тамъ и постольку, гдѣ и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрія; - успѣхъ социалистической доктрины именно въ томъ случаѣ, когда на оставляеть разсужденія объ

Текст 64-й страницы гектографированной тетради «Что такое „друзья народа“...», 1-е издание 1 выпуска 1894

был написан и по его инициативе обсужден, принят группой ссыльных и напечатан за границей «Протест российских с.-д.» против так наз. «Стеда» (программной статьи Е. Д. Кусковой), налагавшего программу экономизма. В ссылке же у Л. возник и план издания за границей газеты, которая должна была стать боевым органом революционного крыла российской соц.-дем. и организующим центром в деле создания партии.

Окончив ссылку в начале 1900 и не имея права жить в Петербурге, Л. поселился неподалеку от столицы, в Пскове. Он организовал здесь совещание нескольких товарищей и выдвинул перед ними свой план изда-

ния газеты. Эта идея была одобрена, и Л. стал готовиться к поезду за границу. Во время одной нелегальной поездки в Петербург он был арестован и пробыл под арестом 3 недели. Летом 1900 Л. уехал за границу, сговорился там с членами группы «Освобождение труда» (Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич) об издании новой газ. «Искра» и, поселившись в Мюнхене, приступил к ее изданию, сделавшись фактически главным редактором газеты. Несколько позже туда же приехала окончившая ссылку Н. К. Круп-

ская, ставшая секретарем редакции. С самого начала своего издания «Искра» стала организующим центром революционного марксизма. Энергичное участие принял Л. и в создании и редактировании журн. «Заря» — теоретического органа революционной соц.-дем. В «Искре» и «Заре» Л. поместил большое число своих статей (Сочин., тт. IV и V). В это время им была написана брошюра «Что делать?», налагавшая план организационного строительства партии и тактики, которой она должна следовать, и сыгравшая в этом плане огромную роль.

Еще до II Съезда партии между членами ред. «Искры» и Л. обнаружился крупный разногласия. Споры шли о ленинской тактике непримиримой борьбы с либералами, с Струве, с экономистами и оплехановских попытках увлечь рабочий класс и партию на блок с либералами. Разногласия шли и по вопросу о программе партии. Первоначальный плехановский проект Л. считал абстрактным, дающим общую критику капитализма, но не вскрывающим особенности капитализма русского. Проекту Плеханова Л. противопоставил свой проект «прямого объявления войны» русскому капитализму. Борьба за программу едва не окончилась расколом ред. «Искры». Соглашение было достигнуто внесенным в проект ряда существенных поправок Л. и в первую очередь пункта о диктатуре пролетариата, а также написанного Л. раздела по аграрному вопросу, но был выпущен пункт о национализации земли, выдвинутый Лениным еще в «Друзьях народа» и позднее развернутый в знаменитой работе «Аграрная программа русской социал-демократии».

Большинство редакций долго сопротивлялось опубликованию статьи, написанной Л. в защиту аграрной программы. Сейчас, после победы Октября, особенно стало ясно, каким гениальным предвидением была ленинская постановка аграрного вопроса.

В 1903 Л. в статье «Национальный вопрос в нашей программе» поставил вопрос о праве наций на самоопределение и наметил то решение национальной проблемы, к-рое сыграло огромную роль в победе Октября и во всей тактике Коминтерна.

Все эти разногласия привели к тому, что на II Съезде споры по вопросу о членстве партии, о составе партийных центров и об отношении к либералам, иначе, о революционной стратегии и тактике пролетарской борьбы или о реформистском отказе от революционной борьбы—привели к расколу. Во все это время Ленин выступал как вождь, борющийся за создание партии нового типа, основы учения о которой он дал в работах «Что делать?» [1902] и «Задачи русских социал-демократов» [1897].

Первое время после съезда Л. совместно с Плехановым редактировал «Искру», где отстаивал позиции большевизма. Вскоре Плеханов перешел к меньшевикам. Л. вышел из редакции. «Искра» стала органом меньшевистской фракции. В это время Л. входит в ЦК партии, в то время большевистский. В мае 1904 Л. выпустил брошюру «Шаг вперед, два шага назад», дав анализ работ II Съезда и охарактеризовав сущность разногласий. С осени 1904 Л. приступил к подготовке III Съезда партии, а с декабря—к изданию большевистской газ. «Вперед».

Издание большевистской газеты особенно диктовалось тем, что меньшевики, расправляясь «Искрой», повели борьбу против большевиков, травили Л. как раскольника, сектанта, догматика. Их поддерживали авторитеты II Интернационала Каутский и даже Люксембург (причем Каутский отказался опубликовать ответ Л. на нападки Люксембург). Тогда же Л. начинает борьбу с Каутским, Бебелем и с левыми во II Интернационале, с Люксембург за новый тип партии. Тогда уже начинает развертываться борьба Л. против социал-реформизма, которая нашла наиболее яркое выражение в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Увидев в событиях «9 января» начало революции в России, Л. уже с весны 1905 ставит вопрос о подготовке к вооруженному восстанию и выдвигает лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства на основе гегемонии пролетариата—лозунг, направленный против меньшевистской концепции движущих сил революции,—концепции, предоставляющей роль гегемона буржуазии, и против «утопической, полуменьшевистской схемы перманентной революции» (Сталин), к-рую дали Парvus и Троцкий. С учением о гегемонии пролетариата у Л. связана и идея о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, намеченная им еще в «Друзьях народа»: «От революции демократической

мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата,—начнем переходить к социалистической революции». Утверждение Троцкого и троцкистов, что Л. поставил вопрос о социалистической революции только в 1917, или во время империалистической войны, является, как показал т. Сталин,—контрреволюционной клеветой: «Победу буржуазно-демократической революции Л. мыслил не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической».

Эта концепция революции 1905 последовательно проводится во всей революционной тактике Л. Он настаивает на участии представителей партии рабочего класса во временном революционном правительстве. Он выступает с лозунгом активного бойкота Бульгинской думы. Критикует меньшевистские лозунги революционного самоуправления, а главное—ставит вопрос о руководстве пролетариата вооруженным восстанием, о тактике баррикадных боев, о работе в армии.

В октябре 1905 Л. вернулся в Россию и поселился нелегально в Петербурге. Он вел очень резкую борьбу с меньшевиками, эсерами и кадетами, выступая на рабочих собраниях, защищая революционную тактику и развертывая агитацию за подготовку вооруженного восстания. После закрытия редактировавшейся им легальной большевистской газ. «Новая жизнь» [декабрь 1905] и подавления в декабре 1905 Московского вооруженного восстания Л. пишет ряд брошюр, выступая в них за бойкот Государственной думы и продолжая защищать идею вооруженного восстания. Весной 1906 Л. участвует в Стокгольмском объединительном съезде, руководя партией большевиков. Ле-

том 1906 Л. принимает энергичное участие в легальных большевистских газ. «Волна», «Эхо», «Вперед», а после закрытия их в августе 1906 возобновляет издание нелегальной партийной газ. «Пролетарий».

В работах этого времени Л. ставит вопросы тактики соц.-дем.: «Наша задача, — пишет он, — не поддержка кадетской думы, а использование конфликтов внутри этой думы и связанных с этой думой для выбора наилучшего момента нападения на врага, для восстания против самодержавия». Таким моментом Л. считал Свеаборгское и Кронштадтское восстания и настаивал на

В. И. Ленин в 1900

объявлении забастовки петербургскими рабочими. В связи с изменившимся положением он отказался от бойкота выборов во II гос. думу, решительно выступил против всяких избирательных соглашений с кадетами, на чем настаивали меньшевики. Л. принимает активное участие в работе соц.-дем. фракции II думы, готовя проекты речей для депутатов большевиков. На V съезде РСДРП выступает с докладом об отношении к буржуазным партиям. Слежка полиции заставила Л. весной 1907 переселиться сперва в Финляндию, а в конце 1907 снова уехать в эмиграцию. Временное торжество реакции не обескуражило Л. И в это время он полон революционной энергии, он не свертывает революционных лозунгов и по-прежнему защищает идею вооруженного восстания в отличие от плекхановского «не надо брать за оружие». Вместе с тем Л. энергично борется за использование большевиками в период реакции всех легальных возможностей: участие в выборах в Государственную думу, использование ее как трибуны в целях политической агитации, участие в больничных кассах и профсоюзах, в страховой кампании, в различных съездах и т. д. Л. ведет борьбу за сохранение революционной подпольной партийной организации против меньшевиков-ликвидаторов и Троцкого, стремившихся к ликвида-

ции нелегальной партии и к замене ее чисто-легальной, реформистской организацией, приспособленной к условиям царского режима. С другой стороны, он энергично ведет борьбу с «левым» уклоном — с «отзовистами» и «ультиматистами», к-рые требовали отказа от участия в Гос. думе и отрицали возможность революционного использования легальных возможностей в интересах революции. Для пропаганды своих идей большевики приступили к изданию в Петербурге сперва еженедельной газ. «Звезда» [1910], а затем ежедневной — «Правда» [1912]. Чтобы быть ближе к России, где снова начало разгораться революционное движение, и иметь возможность руководить последним, Л. переехал из Парижа в Краков и поселился в его окрестностях.

В 1912 под руководством Л. собирается партийная конференция в Праге, разрывающая последнюю формальную связь с меньшевиками, к-рые после Пражской конференции созвали меньшевистскую конференцию в Вене и вели активную борьбу против ЦК партии, как и сколоченный Троцкий беспринципный Августовский блок. Руководя работой большевиков в России, Л. не упускал из виду и международного рабочего движения. Он участвовал в Штутгартском [1907] и Копенгагенском [1910] международных социалистических конгрессах, где боролся за организацию в международной соц.-дем. революционного левого крыла. На этих конгрессах и в статьях по поводу их Л. вел настойчивую борьбу с оппортунистическими тенденциями II Интернационала и с половинчатостью левого крыла немецких соц.-дем.

Еще в первых своих лит-ых работах Л. отчетливо осознал важность для марксиста изучения философии. Уже в своей работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» он обнаруживал глубокое понимание марксовой диалектики. Однако главное его внимание было направлено на стоявшие тогда в порядке дня политические и экономические вопросы. Когда в эпоху реакции после революции 1905 в рядах соц.-дем. стали развиваться течения, враждебные диалектическому материализму: эмпириокритицизм (А. Луначарский), эмпириомонизм (А. Богданов), эмпиросимволизм (П. Юшкевич), субъективный идеализм Э. Маха (Н. Валентинов), различные формы богоискательства и др., Л. занялся за вопросы философии, и в 1908 появилась его классическая книга «Материализм и эмпириокритицизм», знаменующая собой новый этап в истории марксистской философии и поднимающая разработку диалектического материализма на новую, высшую ступень. К этим годам относятся и имеющие особое значение для разработки ленинского литературоведения статьи о Л. Толстом и переписка с М. Горьким.

Когда началась мировая война, Л. был арестован австрийскими властями, но был выпущен и поселился в Швейцарии. Среди охватившего всех шовинистического угара и растерянности Л. и его ученики были

единственными, сохранившими революционное ясное предвидение дальнейшего хода событий. Освободившись от ареста, Л. пишет статью, в которой констатирует крах соц.-дем. и II Интернационала и выдвигает идею создания нового революционного Интернационала. В «Социал-демократе» — тогдашнем нелегальном органе партии — он ведет неустанную борьбу против лозунга гражданского мира, против оборонцев и центристов как русских, так и зарубежных, защищая лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, революционную, разоблачая лозунг Троцкого об европейских соединенных штатах. Л. придает исключительное значение национальному и колониальному вопросам, по которым он резко полемизирует с Люксембург, с Пятаковым, Бухариным. В это же время им был написан «Империализм, как новейший этап капитализма» — исследование, в котором, на основе вскрытия специфических особенностей империализма, Л. доказал факт загнивания капитализма и наступления эпохи войн и пролетарских революций. В статьях этого периода Л. выдвигает ряд положений, легших затем в основу тактики коммунистических партий, в частности идею о возможности строительства социализма в одной стране. Он принимает деятельное участие в международных конференциях в Циммервальде [1915] и Кинтале [1916], борясь не только против оборонцев и центристов, но и против нерешительности левых циммервальдцев.

Февральская революция застала Ленина в Швейцарии. В первые же дни революции он в своих «Письмах издали» намечает задачи и лозунги новой революции. Л. стремится скорее возвратиться в Россию, но державы Антанты, пропуская представителей других партий, не соглашались пропустить Л. и других большевиков. Л. строит планы нелегального проезда (между прочим — под видом глухонемого шведа), но эти планы были явно неосуществимы. Тогда он решается прибегнуть к последнему способу — проехать в Россию через Германию и Швецию; этот план был осуществлен в конце марта 1917. Рабочие Петербурга встретили вождя с громадным энтузиазмом. В первой же своей речи в день приезда на площади Финляндского вокзала Л. выдвинул лозунг социалистической революции, а 4 апреля огласил на парт. собрании свои знаменитые тезисы «О задачах пролетариата в данной революции», которые стали программой работы большевиков. Эти тезисы легли в основу работ апрельской конференции партии, на которой против них выступил Каменев, еще в первые годы войны начавший отходить от революционной линии ленинизма. Против Каменева и Зиновьева Л. вскоре пришлось выступать по вопросу об их отношении к предполагавшейся стокгольмской конференции.

По возвращении в Петербург Л. развил кипучую деятельность. Его руководство работой партии, его выступления на рабочих и партийных собраниях, его статьи,

в изобилии печатающиеся в редактируемой Л. «Правде», возбуждали против себя все большую ненависть буржуазии, эсеров и меньшевиков. Эта ненависть доходит до последних пределов в «июльские дни». Буржуазия и эсеры с целью возбудить солдат и рабочих против Л. и большевиков составляют фальшивые документы о том, что Ленин якобы германский шпион. Временное правительство отдало приказ об его аресте, и Л. вынужден был перейти на нелегальное положение. Скрываясь в окрестностях Петербурга, живя в поле, в шалаше,

В. И. Ленин в 1910

а затем в Финляндии, Л. и отсюда продолжает руководить партией. В это время им было написано замечательное исследование «Государство и революция», которое легло в основу нашего современного учения о государстве. Когда осенью 1917 усиливается революционная активность пролетариата, Л. возвращается нелегально в Петербург и ставит перед ЦК партии вопрос о восстании как ближайшей задаче партии, а когда оно происходит, он руководит им, разбив сопротивление Каменева и Зиновьева. На их выступления в «Новой жизни» против восстания, разгласившие вместе с тем перед буржуазией план восстания, Л. ответил предложением исключить их из партии как штрейкбрехеров и дезертиров.

После Октябрьской победы Ленин становится во главе советского правительства, формирует новые органы власти, а на себя берет работу председателя Совнаркома. Вместе с тем он продолжает руководить работой большевистской партии. В этот период гений Л. развертывается во всей своей мощи. Но это только увеличивает ненависть к Л. врагов пролетариата. На него организуется ряд покушений, и во время одного из них [30 августа 1918] эсерка Каплан серьезно ранит Л. двумя пулями. Но как только Л. оправляется, он снова принимается за неустанную работу. Вся борьба с контрреволюцией, все строительство советской власти проходят под энергичным

Имя Государства и революции
 Ф. Ф. Шварцман
 (Учение марксизма о государстве и партии
 применительно к революции)

Предисловие

Вопрос о государстве и о партии в период буржуазно-демократической революции и в периодически-политическом процессе классовой борьбы является чрезвычайно важным и актуальным процессом преобразования социалистического государства в коммунистическо-социалистическое государство. Впервые в истории человечества мы имеем возможность наблюдать процесс превращения государства в коммунистическое государство. Этот процесс является объектом исследования в настоящем труде. Впервые в истории человечества мы имеем возможность наблюдать процесс превращения государства в коммунистическое государство. Этот процесс является объектом исследования в настоящем труде.

Несомненно важным является и обстоятельство, заключающееся в том, что в настоящее время мы имеем возможность наблюдать процесс превращения государства в коммунистическое государство. Этот процесс является объектом исследования в настоящем труде. Впервые в истории человечества мы имеем возможность наблюдать процесс превращения государства в коммунистическое государство. Этот процесс является объектом исследования в настоящем труде.

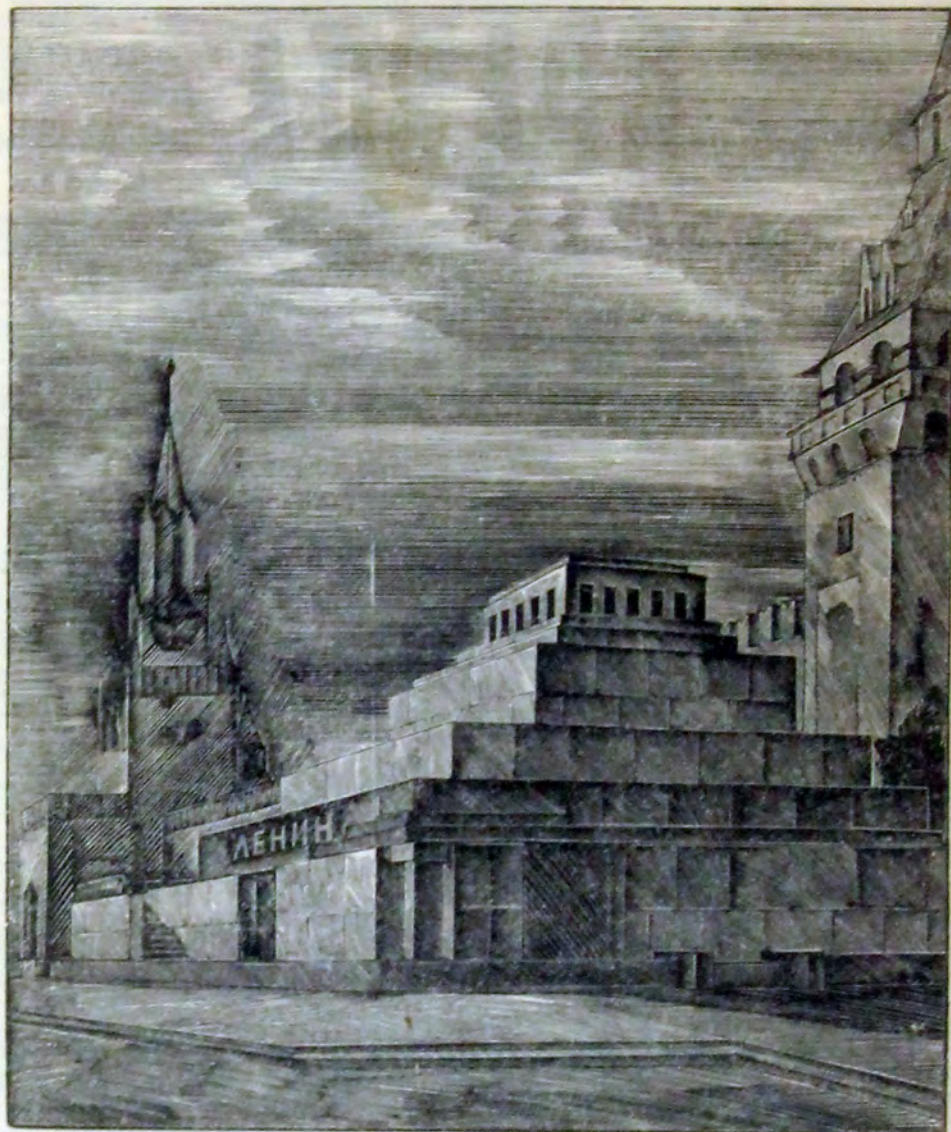
Всего 100 страниц

Август 1917 г. Ленин

(Печатано: Москва, Прессовый отдел, 1917 г. в типографии при издательстве
 № 77. Чернышевский, Горький и Ко в России, Швейцария, Швейцария,
 Лавиня и пр. в Германии; Дидель, Гид. Кандриков в Франции
 и др. в Англии; Ленинград - Спб. в Англии 17 г. 17)

циальным содержанием—советская власть. Неизмеримо много было сделано им для создания Красной армии. Рассматривая Октябрьскую революцию как составную часть революции мировой, Л. создает Коминтерн и руководит этим штабом мировой социалистической революции до последних дней своей деятельности. Л. принадлежит идея электрификации («социализм,—гласил знаменитый ленинский лозунг,—есть советская

власть. Ни малейшего следа тревоги или уныния не бывало на его всегда деятельной радостной фигуре. Своей энергией, своей верой в победу он заражал своих помощников и товарищей, а также и те широкие массы, перед к-рыми он выступал на собраниях. Так же велик бывал он в переломные моменты, когда надо было быстро и круто переменить тактику партии и советской власти (напр. Брестский мир, переход от

Мавзолей Ленина, Гравюра на дереве А. Кравченко

власть плюс электрификация») и коллективизации мелких крестьянских хозяйств.

Характерной особенностью работы Л. всегда было то, что он не ограничивался общими директивами, а старался предусмотреть все трудности исполнения, вникая даже в мелочи. Особенно велик бывал Л. в те моменты, когда положение дел в стране становилось наиболее трудным, угрожающим. В это время его энергия удваива-

лось. Ни малейшего следа тревоги или уныния не бывало на его всегда деятельной радостной фигуре. Своей энергией, своей верой в победу он заражал своих помощников и товарищей, а также и те широкие массы, перед к-рыми он выступал на собраниях. Так же велик бывал он в переломные моменты, когда надо было быстро и круто переменить тактику партии и советской власти (напр. Брестский мир, переход от

военного коммунизма к нэпу и т. п.). Поразительно было развито у него чутье настроения масс; самое внимательное наблюдение и учет настроения пролетариата и трудящегося крестьянства, тесный контакт с этими массами, вовлечение их в социалистическое строительство были характернейшими чертами манеры работы Л. Вечно перегруженный тяжелой, ответственной работой, Ленин находил время принимать

у себя представителей трудящихся и беседовать с ними. Рабочие и крестьяне всех национальностей СССР относились к нему с глубокой и искренней любовью. Смерть Ленина была воспринята всеми трудящимися СССР как великое горе; такой же тяжелой потерей была она и для всего международного пролетариата. Сочинения Л. переведены на многие языки. Именем Л. названа Всесоюзная организация комсомола; его имя присвоено в СССР нескольким городам, различным учреждениям, фабрикам и заводам. Даже буржуазия должна была признать величие и гениальность своего непримиримого классового противника. Из черт характера Л. нужно отметить его постоянную и глубокую любовь к жизни во всех ее проявлениях, его необычайную скромность и умеренность в личной жизни, его неизменно бодрое, веселое, жизнерадостное настроение. Все эти черты производили чарующее впечатление на тех, кому приходилось сталкиваться с Лениным, и навсегда привязывали их к нему.

Первое собрание сочинений Л. было выпущено Государственным издательством в 19 тт. Второе и третье издания, значительно исправленные и дополненные, под редакцией Института Ленина, изданы Госиздатом в 31 тт. Многие не напечатанные при жизни статьи помещены в «Ленинских сборниках», издаваемых Институтом Ленина (до декабря 1932 вышло 20 сборников). *Н. Мещеряков*

Библиография: I. Ленин и. И., Собр. сочин., изд. 2-е и 3-е, тт. I—XXVIII и XXX, М.—Л., 1926—1932; Ленин, Избранные произведения (в 6 тт.), 1930—1931.

II. Бонч-Бруевич В. Д., Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 (по личным воспоминаниям), М., 1923; Сталин И. В., О Ленине и ленинизме, Гиз, М., 1924 (неск. изд.); Горький Максим, Владимир Ильич Ленин, Гиз, Л., 1924 (последнее изд., ГИХЛ, М., 1932); Попов Н. Н. и Яковлев Я. А., Жизнь Ленина и ленинизм, «Красная новь», М., 1924 (неск. изд.); Владимиров И. М., Ленин в Женеве и Париже, с предисл. Н. А. Семашко, Гиз Ураинки, Харьков, 1924; Крупская Н. К., О Владимире Ильиче, «Красная новь», М., 1924; То же, Гиз, М.—Л., 1925; Дуначарский А. В., Ленин, «Красная новь», Москва, 1924; «О Ленине», Сб. воспоминаний, под ред. и с предисл. И. Л. Мещерякова, кн. I—IV, М., 1924—1925; Ленин в русской сказке и восточной легенде, «Молодая гвардия», 1930; Платтен Ф., Ленин из эмиграции в Россию, Март 1917, «Московский рабочий», 1925; Ленин В. И., Письма и родным 1894—1919, Соцгиз, 1931; Алексеев В. и Швер А., Семья Ульяновых в Симбирске, 1869—1887, под ред. и с примеч. А. И. Ульяновой (Елизаровой), Гиз, Л., 1925; «О Ленине», Сб. воспоминаний, Гиз, Л.—М., 1925 [Институт Ленина при ЦК ВКП(б)]; Цеткин К., О Ленине, Воспоминания и встречи, перев. с рукописи Жуль, под ред. С. Шевардина, «Московский рабочий», М., 1925; Аросев А., О Владимире Ильиче, «Прибой», Л., 1926; Елизарова А. И., Воспоминания об Ильиче, «Новая Москва», М., 1926; Делешинский П. Н., Вокруг Ильича (думы, заметки, воспоминания), «Пролетарий», Харьков, 1926; Ярославский Е. М., Жизнь и работа В. И. Ленина, издание 5-е, Гиз, Л., 1926; Крупская Н. К., Воспоминания, Гиз, М.—Л., 1926; «О Ленине», Сб. воспоминаний, «Правда», М., 1927; Ленин в зарисовках и воспоминаниях художников, под ред. с предисл. и примеч. И. С. Зильберштейна, Гиз, М.—Л., 1928; Шлихтер А., Ильич, каким я его знал, Кое-что из встреч и воспоминаний, Гиз, М.—Л., 1928; Скрыпкин Н., Воспоминания об Ильиче (1917—1918), изд. 2-е, М.—Л., 1928; Попова Е., Простое в великом, Сб. рассказов об Ильиче, Стенография, записи, «Московский рабочий», М.—Л., 1928; Ленин в художественной литературе, предисл. А. В. Дуначарского,

«Огонек», М., 1929; Крупская Н. К., Воспоминания о Ленине, выпуск I, Гиз, М.—Л., 1930, вып. II, Соцгиз, М.—Л., 1931 [Институт Ленина при ЦК ВКП(б)]; Даты жизни и деятельности Ленина 1870—1924, изд. Соцгиз, Л., 1931 [Институт Ленина при ЦК ВКП(б)].

III. ЛЕНИН И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.—Марксизм-ленинизм—единая и целостная система взглядов, мирозерцание и миропознание пролетариата как класса. Вырастая из всей суммы накопленного человечеством знаний, но будучи организованным на совершенно новых началах, сделавшихся возможными лишь только в силу особенного социального положения нового класса, марксизм-ленинизм превосходит в научном отношении все прежние построения человеческого ума различных эпох и классов. Марксизм-ленинизм является одновременно и философской картиной природы и общества, и теорией познания, общим методом научного исследования, и в то же время системой руководящих принципов, лежащих в основе программы пролетариата, стратегии и тактики низвержения капитализма и построения пролетариатом нового социалистического общества.

Являясь пролетарским мирозерцанием, марксизм-ленинизм не обнял еще целиком сознания всех пролетарских масс. Он представляет собой оружие а в а н г а р д а пролетариата, выражающего его истинные интересы, пролетарских коммунистических партий и их международного объединения—III Коммунистического интернационала.

Основание, мощное и глубокое развитие этого мирозерцания дано было Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом во второй половине XIX в. Оно было названо ими «научным социализмом», или «диалектическим материализмом». Великие основатели пролетарского мирозерцания исходили из глубокого изучения как теории, так и живой действительности прошлого и окружающего их настоящего. Как писал Ленин, «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» [Статья «Карл Маркс», Сочин. Ленина, т. XVIII, стр. 8 (здесь и в дальнейшем цитаты по 3-му изданию сочинений Ленина)]. Пристальное изучение буржуазной политической экономии, высших форм утопического социализма, боевого материализма буржуазных философов XVIII столетия, идеалистической диалектики немецких мыслителей начала XIX столетия, особенно Гегеля,—соединилось у Маркса и Энгельса со всесторонним анализом всех форм современной им социальной действительности, обоснованием практики еще молодого движения пролетариата, учетом опыта буржуазных революций XVIII и XIX вв. и первых попыток пролетарских переворотов в 1848 и во время Коммуны.

В настоящее время однако не может быть уже и речи о каком бы то ни было подлинном

марксизме вне ленинизма. Ленинизм явился продолжением дела Маркса и Энгельса на основании учета дальнейшего развития капитализма, вплоть до эпохи его загнивания — империализма, и дальнейшего развития пролетариата, вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 и опыта социалистического строительства последних лет. Нельзя быть ленинистом, не будучи марксистом, это само собой разумеется, ибо вся теория и практика Л. и его партии зиждется на марксизме. Но равным образом нельзя в настоящее время

В. И. Ленин в 1918

быть марксистом, не будучи ленинистом, ибо ленинизм есть естественная и необходимая стадия учения Маркса. По определению Сталина «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее — ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов. Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма» (И. Сталин, Об основах ленинизма, сб. «Вопросы ленинизма»). Марксизм без ленинизма невозможен. Меньшевистский марксизм всех типов, марксизм II Интернационала, есть псевдомарксизм. Это мирозерцание мертво и разлагается на наших глазах, превращаясь в более или менее ловко размазанную декорацию, за которой произойдет разращение пролетариата и идет политиканская возня, направленная к тому, чтобы исказить самостоятель-

ное развитие рабочего класса и подчинить его идейному влиянию эксплуататоров. Ленинизм «вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с к-рым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом» (Сталин).

Имелись попытки — их делала напр. группа А. М. Деборина — изобразить взаимоотношение марксизма и ленинизма в том смысле, будто бы марксизм представляет собой законченную теорию пролетариата, а ленинизм — обновленную и приспособленную к нашему времени практику его. Этот взгляд должен быть осужден самым решительным образом как меньшевистствующая, сознательно или бессознательно произведенная попытка снизить значение ленинизма и тем самым исказить и весь марксизм. Ленинизм является не только практикой, приспособленной для времени реальной пролетарской революции, но также и новой фазой развития теории, остающейся глубоко верной своим принципам и развернувшейся в связи с новым опытом. Иногда, не отрицая первоклассного значения ленинизма в области политики, политической экономии, основных принципов истории и особенно революционной практики, пытаются доказать, что ленинизм не вносит ничего особенно ценного в область философии. Теоретики этого типа пытаются поставить рядом с Марксом и Энгельсом Г. В. Плеханова и пройти со словами любезной похвалы мимо философских работ В. И. Ленина. Этот совершенно неверный и глубоко вредный взгляд на вещи должен быть со всей резкостью отвергнут. Защищая материализм Маркса от всяких хитрых, скользких и извилистых систем так наз. позитивизма (Э. Мах, Р. Авенариус и пр.), Л. в «Материализме и эмпириокритицизме» развернул богатейшую систему воззрений, являющуюся с точки зрения уяснения сущности как материалистической, так и диалектической стороны философии пролетариата ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистской мысли. Без внимательнейшего изучения этой книги нельзя быть образованным марксистом. Л. не закончил других философских произведений, но в его черновых тетрадях остались многочисленные конспекты сочинений Гегеля и заметки о целом ряде различных философских проблем, представляющие собой столь же драгоценные перлы пролетарской философской мысли, как например афоризмы Маркса о Фейербахе. Каждая строчка и каждое слово здесь должны быть внимательно изучены, чтобы заключающиеся в этом кратком, но богатейшем наследии детерминанты смогли быть полностью использованы в качестве руководящих вех в дальнейшей философской работе пролетариата.

Литературная энциклопедия обязана осветить ту часть наследия Л., к-рая относится непосредственно к литературоведению, или, вернее, осветить современное литературоведение при помощи этого наследия. Самой собой разумеется, что обоснованные Л. общие философские принципы марксизма имеют

основополагающее значение и для литературоведения как одной из ветвей пролетарской науки. Вместе с использованием для этой специальной цели философского наследия Л. необходимо внимательнейшим образом изучить под этим специальным углом зрения и о б щ е с т в е н н о - н а у ч н ы е принципы и данные ленинизма. Особое значение имеет при этом учение Л. о культуре, о взаимоотношении культуры прошлого с пролетарской культурой и о культурных задачах пролетариата в нашей стране. Лит-ра не может быть изучаема вне истории общества и истории самой лит-ры. В наследии Ленина имеются драгоценные указания, раскрывающие внутренний смысл экономической, политической и культурной истории нашей страны, без понимания к-рого нельзя ни познать прошлое лит-ры ни исторически осмыслить ее настоящее и будущее. Изложение и комментирование всего огромного наследия Л. под углом зрения использования его для литературоведения разумеется не может быть исчерпано статьей в «Энциклопедии»: это дело специальных исследований, вернее всего — коллективных. Здесь мы ограничиваемся сжатым очерком ленинизма по следующим разделам: 1. философское наследие Ленина; 2. его учение о культуре; 3. теория империализма; 4. учение об основных путях развития Запада и нашей страны; 5. отдельные работы Ленина, в той или иной степени посвященные истолкованию лит-ых явлений; 6. его отдельные, относящиеся к области лит-ры замечания и высказывания, не вошедшие в его сочинения, но сохранившиеся в воспоминаниях современников, и наконец 7. Ленин и проблемы современного марксистского литературоведения.

2. **ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЕНИНА.** — Характернейшая черта ленинского метода — единство теории и практики — особенно показательна на фоне деятельности социал-демократов из II Интернационала, теория к-рых — не более как фразеология, призванная замаскировать социальную бесплодность и предательство их практики. «Единство теоретической идеи (познания) и практики — это NB и это единство именно в теории познания». Этот замечательный философский фрагмент Л. свидетельствует о том, что самую теорию познания Владимир Ильич мыслил неотрывно от практики, входящей в эту теорию. Всякую теорию он неустанно поверял практикой, и не случайно в предисловии ко второму изданию брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?» он с удовлетворением писал: «Настоящая брошюра писана... в конце сентября и закончена 14(1) октября 1917 г. Революция 7 ноября (25 октября) перевела вопрос, поставленный в этой брошюре, из области теории в область практики. Не словами, а делами надо отвечать теперь на этот вопрос... Задача теперь в том, чтобы практикой передового класса — пролетариата — доказать жизнеспособность рабочего и крестьяне того правительства... За работу, все за работу, дело всемирной социалистической революции должно победить и побе-

дит» (т. XXII, стр. 66). Здесь Ленин говорит о том, что ему некогда теперь рассуждать о революции, что революции интереснее делать, чем о них писать, но он и писал затем, чтобы делать. Изречение о том, что марксизм «не догма, а руководство к действию», было одним из любимейших изречений Ленина. Оно конечно никоим образом не относится к теоретической продукции II Интернационала, к-рая вся направлена к тому, чтобы реформистской болтовней лишить пролетариат возможности действовать.

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРИАЛИЗМЪ

И

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ

критическія замѣтки обь одной
реакціонной философіи.

ИЗДАНИЕ „ЗВЕНО“
МОСКВА
1909

Но это изречение в высокой степени характерно для ленинизма, этого «марксизма эпохи империализма и пролетарских революций», когда в активную классовую борьбу против капитализма вовлечены десятки миллионов международного пролетариата, когда пролетариат победил уже на протяжении одной шестой земного шара и вступил в полосу решающих схваток с капиталистическим строем на остальных пяти шестых его.

В своем сочинении «Материализм и эмпириокритицизм» («Критические заметки об одной реакционной философии») Л. со всей мощью своего гения стал на защиту материализма. Он сам указывал на ту разницу задач, которая имеется между этим исследованием и философскими произведениями Маркса и Энгельса при полном единстве исходных точек зрения и всего мирозерцания в целом. Маркс и Энгельс в своих фило-

Для определения самой сущности материализма Л. цитирует работу Энгельса «Людвиг Фейербах»: «Тот вещественный (stofflich), чувственно воспринимаемый нами мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно действительный мир», «наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом (Erzeugnis) вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Это разумеется чистый материализм» («Материализм и эмпириокритицизм», т. XIII, стр. 71). Материализм, как подчеркивает Ленин, начисто отвергает противопоставление явления—вещи: «Всякая таинственная, мудреная, хитроумная разница между явлением и „вещью в себе“—есть сплошной философский вздор. На деле каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение „вещи в себе“ в явление, „вещь для нас“. Это превращение и есть познание» (там же, т. XIII, стр. 97). Источником всякого познания могут быть только ощущения, но отсюда идут два пути—один правильный, другой ложный: «Первая посылка теории познания, несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний—ощущения. Признав эту первую посылку, Мах запутывает вторую важную посылку: об объективной реальности, данной человеку в его ощущениях или являющейся источником человеческих ощущений. Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму („тела суть комплексы или комбинации ощущений“), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел внешнего мира). Для первой точки зрения—агностицизма или, немного далее, субъективного идеализма—объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т. е. материализма, существование познания объективной истины» (т. XIII, стр. 103).

Основной материализма являются так. обр. следующие положения. Существует объективный мир, в основе своей он един; это—единая во всем бесконечном разнообразии материя. Всякий человек составляет часть этого мира. Его сознание, как и сознание вообще, есть свойство высоко организованной материи. Сознание человека отражает действительные вещи окружающего мира и их взаимоотношения. Оно отражает лишь приблизительно, но приближение это становится постоянно все более точным. Л. пишет поэтому поводу: «...для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется (т. е. представляется нашему сознанию на данном отрезке его развития—А. Л.), ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» (т. XIII, стр. 105).

Как мы уже сказали, основной задачей главного философского произведения Л. была защита материализма от всякого замаскированного идеализма, стремившегося подорвать его незыблемые устои. Л. придавал гигантское значение именно диалектиче-ской сущности материализма Маркса. Материя для Л. не есть нечто инертное, само

по себе неподвижное, нуждающееся в толчке извне, в каком-то нематериальном движении, силе, или энергии. Равным образом и это движение для Л. отнюдь не есть только механическое передвижение в пространстве посредством толчка, сопротивления, отражения и т. д., как это предполагали материалисты механистические. Для Ленина материя и движение сливаются воедино. Материя диалектического материализма есть нечто развивающееся, и под движением ее понимаются все бесконечно разнообразные ее изменения. Изменение присуще материи как таковой. Материя никогда и нигде не может быть неизменной. Всякая материальная данность находится в процессе изменения, причем процесс этот всегда имеет характер раздвоения, распада данного целого на противоречивые части. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» (XII Ленинский сборник, «К вопросу о диалектике», стр. 323). «Тождество противоположностей... продолжает Ленин,—... есть признание... противоречивых взаимоотношений, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей» (XII Ленинский сборник, стр. 323—324). (Здесь и далее неогворенный особо курсив принадлежит Л.—А. Л.).

Устанавливая эти огромной важности общие принципы в своих заметках «К вопросу о диалектике», Ленин особенно подчеркивает двойное представление о развитии. «Две основные... концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне: бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“ движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового» (XII Ленинский сборник, стр. 324). В тех же заметках Л. дает указания самого метода изложения диалектики вообще и диалектики любого отдельного явления. Эти гениальные строки необходимо привести здесь целиком: «В. Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диа-

диалектики в относительном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики относительное только относительно и исключает абсолютное. У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обобщенное, миллиарды раз встречающееся, о т в о ш е н и е буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) в с е противоречия (respective зародыш в с е х противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в Σ его отдельных частей, от его начал до его конца. Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения и любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее...). Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в той связи, к-рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами). И т. д.» (XII Ленинский сборник, стр. 324—325).

Философская глубина этих ленинских формулировок не подлежит в настоящее время никакому сомнению. Но они имеют не только общеполитическое, но и специально литературоведческое значение. Поставить проблему единства «общего» и «частного» применительно к таким важным категориям лит-ой науки, как стиль или жанр, должен будет отныне всякий литературовед-марксист. Поставить проблему «единства противоположностей» применительно к творчеству того или иного писателя — значит уяснить внутренние противоречия этого творчества и установить в их недрах ведущее, организующее начало. Здесь вполне реально опасность голого диалектицизма, формалистских или механистических абстракций. Но эти извращения, к сожалению нередкие в современном литературоведении, обязывают нас к всестороннему и самому глубокому изучению ленинских философских фрагментов, необходимых для построения диалектики литературного процесса.

Учению Энгельса о постепенном овладении человечеством истиной Ленин придавал чрезвычайно большое значение. Оно, по мнению Владимира Ильича, проводит яркую демаркационную линию между косным догматизмом, с одной стороны, и релятивизмом, отрицающим объективную истину, — с дру-

гой. Поскольку наше краткое изложение материализма Л. (а стало быть и сознательно-го пролетариата) дается нами здесь в особенности в качестве опоры для выводов относительно методов построения марксистско-ленинского литературоведения, мы считаем целесообразным вслед за Л. привести здесь целиком эти важные мысли Энгельса: «Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину, — в ряде относительных (релятивных) заблуждений; ни то ни другое (ни абсолютное истинное познание ни суверенное мышление — А. Л.) не может быть осуществлено полностью иначе как при бесконечной продолжительности жизни человечества». «Мы имеем здесь снова то противоречие, с к-рым уже встречались выше, противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в таком ряде последовательных человеческих поколений, к-рый для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограничена, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе (или устройству — Anlage), призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» (т. XIII, стр. 109).

«Исторические условия, — прибавляет к этому сам Л., — контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед „безусловно объективного познания“. Одним словом исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие напр. от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечаю вам: оно как раз настолько „неопределенно“, чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько „определенно“, чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» (т. XIII, стр. 111). Ленин настаивает, что познанию человека вообще присуща диалектика, ибо диалектически живет сама природа: в ней наблюдаются постоянные переходы, переделы, взаимная связь противоположностей. Тем не менее к осознанию диалектических свойств своего мышления, находящихся в глубоком соответ-

нии со свойствами самой природы, человек приходит лишь иногда, лишь в благоприятных условиях. Наоборот, очень часто его классовые интересы или классовые интересы тех, кто руководит им, совершенно губят живущую в деятельности его мозга диалектику, заменяя ее косными метафизическими методами мышления. Как-раз теперь, с торжеством пролетариата над буржуазией, восторжествов окончательно и естественное диалектическое мышление человека, извращаемое собственническим общественным строем. Это будет иметь место во всех областях знания и творчества, в том числе в литературоведении и в самой лит-ре. Все марксисты разделяют то мнение, что теория Маркса есть объективная истина. Это значит, что, «идя по пути марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (т. XIII, стр. 117).

Л. резко отвергает всякое смещение общественного сознания с общественным бытием: «Общественное сознание,—говорит он,—отражает общественное бытие—вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной, приблизительно верной копией отражаемого, но о тождестве здесь говорить нелепо». «Самая высшая задача человечества,—утверждает Л.,—охватить объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах, с тем чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран».

Диалектический материализм ни в коем случае не делает человека пассивным, наоборот, он чрезвычайно повышает активность марксистски-сознательного человека. Л. говорит об этом: «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая объективный критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами, „слепой необходимостью“. Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) независимо от нашей воли и от нашего сознания, мы—господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» (т. XIII, стр. 156).

Объективную истину можно конечно размыскивать лишь объективным методом, каковым и является диалектический материализм. Этот метод однако в то же время является партийным, классовым методом. Такой характер его объясняется тем, что господствующий буржуазный класс и зависящая от него буржуазная наука не в состоянии быть объективными, ибо объективная

истина противоречит интересам и самому существованию буржуазии. Это очень важное положение, позволяющее нам определить нашу позицию при построении познания (в том числе в области литературоведения) по отношению к современной официальной науке буржуазного мира. Л. говорит по этому поводу: «Ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессорско-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии—ученые приказчики теологов» (т. XIII, стр. 280).

О том, что глубокая объективность Л. не приводила его к фатализму и равнодушию, а гармонически сочеталась с самым страстным отношением к действительности, свидетельствует замечательное место одной из его ранних работ, направленных против народников: «...на стр. 182-й своей статьи г. Михайловский выдвигает против „учеников“ еще следующий феноменальный довод. Г. Каменский ядовито нападает на народников; это, извольте видеть, „свидетельствует, что он сердится, а это ему не полагается (sic!). Мы „субъективные старики“, равно как и „субъективные юноши“, не противореча себе, разрешаем себе эту слабость. Но представители учения, „справедливо гордого своей неумолимой объективностью“ (выражение одного из „учеников“), находятся в ином положении“. Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ действительности и действительного развития,—так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галimatия, сапоги в смятку! Не слышали ли вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о „Капитале“? Целый ряд ученых и экономистов видит главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И однако в редком научном трактате вы найдете столько „сердца“, столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, к-рые по убеждению автора тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроения французского petit bourgeois,—тем

не менее с величайшей страстью, с горячим гневом „накидывался“ на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут „противоречит себе“? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами,—то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это „не полагается“? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешают его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д. Пустяковинная выходка г-на Михайловского показывает только, что он до сих пор не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма от фатализма» («От какого наследства мы отказываемся», т. II, стр. 335—336).

Л. ратовал за всестороннее научное исследование фактов и умел раскрывать эти факты во всем их гигантском многообразии. Такие работы Л., как «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм» или «Импрериализм как высшая стадия капитализма», построены на огромном, пристально изученном материале, критически переработанном научным методом Л. Содержа безошибочные прогнозы исследуемой социальной действительности и давая объективную картину последней, работы Л. в то же время никогда не были объективистскими. Известна классическая по своей рельефности характеристика, данная Л. струвизанству, течению буржуазного либерализма 90-х гг., до поры до времени драпировавшемуся в одежды марксистской фразеологии. «Объективист,—писал Ленин в «Экономическом содержании народничества»,—говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту

необходимость. В данном случае, напр., материалист не удовлетворился бы констатированием „непреодолимых исторических тенденций“, а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» («Экономическое содержание народничества», т. I, стр. 275—276). Эту цитату едва ли необходимо комментировать, так красноречиво характеризуется в ней отрицательное отношение Л. ко всем программам и теориям, претендующим на «внепартийность», так ярко обрисовался в ней ленинский метод, научность к-рого насквозь пронизана партийной остротой—характерным свойством всех его теоретических работ.

По необходимости ограничиваясь этими цитатами, характеризующими философские воззрения Ленина,—мы еще раз подчеркиваем, что в с е в философском наследии Ленина имеет огромное значение для литературоведа, в с е подлежащее внимательнейшему изучению, и если мы ограничиваемся лишь относительно немногими цитатами, то к этому нас вынуждает только словарный характер нашей статьи.

3. УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О КУЛЬТУРЕ.—Самой собой разумеется, что в основных своих чертах учение Л. о культуре есть то же, к-рое мы находим у Маркса и Энгельса. Понятие культуры обнимает у них в сущности все формы общественной жизни, за исключением непосредственно производственных. Разумеется и эти последние можно было бы отнести к культуре, если противопоставлять последнюю понятию природы, т. е. природы вне всякого изменения ее человеком. Понятие культуры включает в себя все так наз. надстройки. В их число входят не только «чистые» формы идеологии, религия, философия, наука, искусство, но и такие формы культуры, которые непосредственно связаны с бытом: мораль, не только теоретическая, но и непосредственно бытующая в жизни, право, опять-таки и в его идеологических и в практических формах, и т. д. Все эти формы культуры находятся друг с другом в непрерывном взаимодействии и в известной степени оказывают давление также на экономический фундамент общества. Определителем всех форм культуры и всей ее динамики является в конечном счете процесс производства. Именно им обуславливается изменение отношений собственности и группировка людей в производстве, причем особое значение имеет не столько техническая группировка в самом процессе производства, сколько группировка классов. Классы играют различную роль в производственном процессе и имеют различные права на орудия производства и продукты его. Именно классовая конфигурация определяет собой государственную структуру, политическую жизнь данного общества и все остальные формы идеологических надстроек.

А. П. Троицкий (Великий)

В. И. ЛЕНИН
Офорт А. П. Троицкого, 1924

От этих общих положений марксизма-ленинизма, касающихся культуры, обратимся к тем ценнейшим и оригинальнейшим мыслям, к-рые в учение о культуре—эту необходимую основу литературоведения—внес Ленин.

Вполне уместна параллель между ленинским и плехановским учениями о культуре, поскольку то и другое сильнейшим образом отразилось на взглядах обоих мыслителей на природу художественной лит-ры. Плеханов, к-рого долгое время считали непрекаемо авторитетным учеником Маркса и Энгельса, на самом деле носил на всем своем мышлении печать определенной прослойки русской революционной интеллигенции конца прошлого и начала этого столетия, шедшей навстречу пролетариату, но не сумевшей полностью слиться с ним. Это сказалось и на учении Плеханова о культуре и на решении им ряда литературоведческих проблем. Борясь с субъективизмом народников, наивно веривших в то, что историю делают «критически мыслящие люди», т. е. интеллигенция, Плеханов с необыкновенным рвением доказывал, что изучение культурных явлений, в частности литературы, должно быть чисто генетическим и беспримесно объективным. По его мнению марксист-литературовед ни в каком случае не должен был ставить перед собой вопроса о положительном или отрицательном характере того или другого культурного явления, осуждать его или аплодировать ему. Марксистское литературоведение должно было, по Плеханову, ограничиться выяснением неизбежной закономерности данного явления и всех его причин. По-иному ставил эти проблемы Л. Конечно он прекрасно понимал громадное значение изучения отдельных культурных явлений с точки зрения их классового эквивалента. Но для него это было только подготовкой к изучению явления в целом, ибо самое изучение в полном соответствии с боевым и творческим характером пролетариата являлось у Ленина лишь предпосылкой для критического использования прошлой культуры и для построения новых форм ее, соответствующих интересам пролетариата. Плеханову несомненно свойственен был известный разрыв между бесстрастной теорией и строительством, к-рое рисовалось ему в туманной дали. Л. был вождем в деле разрушения капитализма и практического строительства социализма. Познавательная работа ставилась им непосредственно на службу революционной практике. Отсюда совершенно новый ее тонус, конечно глубоко марксистский, так как он полностью соответствует духу революционного учения Маркса, и в то же самое время ленинский, потому что эпоха первой великой пролетарской революции с особой силой прежде всего гениальной рукой Ленина подчеркнула именно этот характер теоретического усвоения культуры.

К прошлому культуре и ближайшей к нам ее стадии—культуре буржуазной, особенно культуре загнивающего капитализма—Л. разумеется относился с беспощадной критикой: многое и существеннейшее в этих исторических формациях возбуждает его гнев,

ненависть и презрение. Мы уже читали выше его отзыв о профессорах философии; этот отряд буржуазной интеллигенции не составляет исключения. В конце этой статьи читатель найдет замечательные строки, в к-рых кипит возмущение Л. старой культурой и которые написаны им в связи с важным вопросом о «партийности лит-ры». Таких осуждений культуры прошлого у него можно встретить огромное количество, но из этого вовсе не следует, что Л. осуждал эту прошлую культуру целиком, т. е. предполагал, что в ней нет никаких элементов, которые подлежали бы критическому усвоению пролетариата для построения новой культуры. Конечно это относится не только к области точных наук и техники, но и к другим областям культуры. Различными классами, господствовавшими в старину в различных обществах, создавались культурные ценности, к-рые не только любопытно изучить для правильного понимания путей истории человечества, но которые могут оказаться непосредственно полезными для нас. На митинге в 1919 Л. провозглашал между прочим: «От раздавленного капитализма сыт не будет. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах». С особенной силой и полнотой выражены были эти мысли Владимиром Ильичем в его знаменитой речи на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920: «Все то, что было создано человеческим обществом, он (Маркс—А. Л.) переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческого мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предубеждениями люди сделать не могли. Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскокнвшей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, к-рые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции» (т. XXV, стр. 387).

Из этих положений Л. с полной ясностью вытекает, в какой огромной мере изучение культуры прошлого как поэкласовой сущности (генетически), так и в смысле ее ценности (функционально) являлось для Ленина подготовительным этапом к построению культуры.

Вопрос создания социалистической культуры стоял перед Л. не столько в общей форме, как проблема создания мировым пролетариатом новой мировой культуры, сколько в более частной форме, как совершенно практическая задача построения этой новой культуры в нашей стране тотчас же после перехода политической власти в руки пролетариата. Говоря на XI Съезде партии о необходимости теперь же обеспечить постепенный переход к коммунизму, Л. заявил, что для такого перехода у пролетариата в нашей стране совершенно достаточно как политической, так и экономической силы. «Чего же не хватает?» — спрашивал Л. и отвечал: «Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (т. XXVII, стр. 244). Но разумеется Л. не суживал задачу до повышения культурности самих коммунистов; указывая на необходимость кооперировать население нашей страны как на одну из главных задач, Ленин конечно считался с необходимостью огромной работы для поднятия культурности самих масс. Бюрократизм, уродливость старого быта, плохая дисциплина труда, недостатки воспитания новых поколений и многое другое представляли собою те препятствия, за преодоление к-рых путем классовой борьбы за культуру Л. всемерно боролся.

Л. отнюдь не суживал размаха целей социалистической культуры. Развернув блестящую картину законченного социалистического строя с высоким плановым производством, высоким уровнем быта, строя, в к-ром каждый получает согласно своему труду, труду, в то же время в общем высококвалифицированному и продуктивному, Л. выдвигает как дальнейшую задачу переход к строю собственно коммунистическому, принципом к-рого будет — «от каждого согласно его способностям и каждому по его потребностям». Этот высочайший принцип Л. неразрывно связывает с огромной работой по пересозданию самого человека, с глубокой работой пролетариата над самим собой для поднятия всей массы трудящихся на моральную высоту, к-рая разным мешанам кажется недостижимой и фантастической.

Я позволю себе привести здесь личное воспоминание, к-рое особенно ярко запало в мое сознание и к-рое прекрасно характеризует широту и торжественность той борьбы за социалистич. культуру, к-рую вел Л. Пинущий эти строки был испуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками Временного правительства, и подвергся по этому поводу весьма серьезной «обработке» со стороны великого вождя. Между прочим ему были сказаны тогда такие слова: «Как вы можете

придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?»

Л. прямо говорил о том, что коммунист, не способный к полетам реальной мечты, т. е. к широким перспективам, к широким картинам будущего, — плохой коммунист. Но революционный романтизм органически сочетался в Л. с крепчайшей практической хваткой. Вот почему в деле построения новой культуры его в особенности интересовали те задачи, к-рые являлись насущными задачами дня. Именно с этой стороны чрезвычайно важно усвоить внутреннее содержание критики Л. учения о культуре так наз. Пролеткульты (см.).

В «Правде» 27 сентября 1922 напечатана была статья одного из теоретиков Пролеткульты — В. Ф. Плетнева — «На идеологическом фронте». Самый экземпляр «Правды» с этой статьей был испещрен многочисленными карандашными заметками Владимира Ильича. Вскоре после появления этого номера «Правды» в той же газете появилась статья Я. Яковлева под заглавием «О пролетарской культуре и Пролеткульте». Основные положения этой статьи точно совпадают с заметками Владимира Ильича, и сама статья является систематизацией этих заметок. Статья эта несомненно была прочитана и одобрена Л.; поэтому мы, как уже делали многие другие, ссылаемся на эту содержательную статью в полной уверенности, что она высказывает именно идеи Л.

Ленин с раздражением отнесся к той искусственности понятия о культуре, которую положил в основу своей статьи, равно как и всей своей практической деятельности, т. Плетнев, верный выразитель тех несколько смутных идей, которые составляли теоретическую основу практики Пролеткульты. «Если мы будем, — справедливо писал т. Яковлев, — судить о „культуре“ по указываемым Плетневым конкретным проявлениям „пролетарской культуры“, то придется культуру свести к науке, театру и искусству минус их материальные элементы. И далее: «У т. Плетнева пролетарская культура нечто вроде химического реактива, который можно получить в реторте Пролеткульты при помощи групп особо подобранных людей. Элементы новой пролетарской культуры у него выходят из пролеткультовских студий примерно так, как некогда античная богиня вышла готовой из пены морской». В полном согласии с Л. Яковлев находит, что основной задачей культуры является прежде всего общий подъем элементарнейшей культурности в нашей стране: «Бюрократия, проедающая насквозь тело нашего государственного механизма, делает нашей задачей на много лет добиваться хотя бы лучших сторон буржуазной культуры... Совершенно несомненно, что стремление нашей революционной молодежи иметь возможно более обтрепанный, обшарпанный „комсомо-

революционной бодрости и подъема, элементы, объединяющие трудящихся в их решимость и готовности к борьбе, создающие чувство связи у зрителя-рабочего с членами его класса, наконец, действительно введение живой массы на сцену. Мы не стоим на точке зрения „искусства для искусства“. Поэтому мы в праве наш критерий „пролетарского искусства“ применить к пролеткультовскому театру».

Нетрудно подытожить разницу между пролеткультовщиной и учением Л. о культуре. Торопясь как можно скорее к так наз. чистым формам пролетарской культуры, пролеткультовцы пытались создать ее лабораторным путем. При этом задача чрезвычайно суживалась: во-первых, она смогла обнять лишь некоторые группы пролетариата, а не весь класс с многомиллионной крестьянской беднотой в придачу. Во-вторых, Пролеткульт подозрительным образом сбивался на исключительно художественную работу плюс некоторые сомнительные изыскания в области науки. Для Л. культурная революция, наоборот, была колоссальным процессом, в котором десятки миллионов людей, а также весь общественный и государственный организм огромной страны должны были упорядочиваться, онаучиваться, просвещаться. При этом попутно должно было усвоить огромное количество знаний и приемов, уже обыкновенных в Америке и передовых странах Европы. Учоба отнюдь не понималась Л. как простое подражание Западу. На первом плане стоит самый факт классовой борьбы; новый класс усваивает полезное из наследия буржуазного мира, чтобы сейчас же направить его в качестве оружия против самого капитализма. Гигиена быта, отдельные данные и отдельные методы наук и искусств могут быть усваиваемы, и тем не менее сам быт должен приобретать характер, далекий от западного мешанства. Наука должна перестраиваться на новом базисе, быть устремленной к новым целям, искусство должно служить пониманию врагов и друзей, воспитывающим стимулом для социалистической воли и т. д.

Задачи, к-рые поставила перед собой коммунистическая партия, являются интернациональными, и разрешение этих задач в многонациональном, многоязыком Советском Союзе показывает все значение национальной политики ленинизма, является доказательством того, что это — единственно верная политика» (С т а л и н, О политических задачах Университета народов Востока). Ленин отнюдь не отрицал существования национальных культур. В своей статье о Радичеве Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет. Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». Но вместе с тем он указывал на существование двух национальных культур в каждой культуре: «Есть две

нации в каждой современной нации...», писал Ленин в 1913 («Критические заметки по национальному вопросу», т. XIX, изд. 1-е, стр. 47). «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть т а к и е же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» Диалектика этого ленинского разрешения национального вопроса получила исчерпывающее освещение в соответствующих выступлениях т. Сталина («О политических задачах Университета народов Востока», «Отчет и заключительное слово на XVI Партсъезде»).

Конечно вся великая ленинская национальная политика налицо, чтобы свидетельствовать, что, говоря о наших внутренних культурных задачах, мы отнюдь не имеем в виду только русский народ, но все многочисленные народы, составляющие великое братство СССР; и точно так же, говоря о литературе, мы имеем в виду литературу всех народов СССР, достигшие высочайшего расцвета в результате ленинской национальной политики.

4. ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА.—По отношению к историческому процессу в его последней стадии основоположное значение сохраняет ленинская теория империализма, наиболее полно изложенная им в очерке «Империализм как высшая стадия капитализма» [1916]. Сочинение это характеризует империализм как хозяйственную систему; но те выводы, к-рые можно сделать из этой работы, самым непосредственным образом касаются и истории современного Запада, и политики, и литературы. Л. дает в этом исследовании последовательную характеристику отличительных особенностей империализма: предельной концентрации производства, огромного влияния банков и образования финансового капитала, вывозящего капитал во все страны земного шара, образования государств-рантье, ссужающих деньги маломощным государствам и нещадно их эксплуатирующих, раздела мира между главнейшими империалистическими государствами, паразитизма и загнивания империализма, происходящего из отсутствия перспектив роста, из монополистического положения. Несколько позже, в «Материалах по пересмотру партийной программы», изданных в 1917, содержится краткая, как бы итоговая характеристика этого строя. «Всемирный капитализм,—пишет Л.,—дошел в настоящее время—приблизительно с начала XX в.—до ступени империализма. Империализм или эпоха финансового капитала есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов—синдикаты, картели, тресты—получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже террито-

риально между богатейшими странами, и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами. Империалистические войны, т. е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей,—неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистическая война 1914—1917 гг. И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порожденные империалистической войной,—все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской социалистической революции. Эта эра началась» (т. XX, стр. 301—302).

Ленинская теория империализма рушит все хитросплетения теоретиков II Интернационала, рассчитывающих на спокойный и безболезненный переход от капитализма к социализму, на переход без революционных потрясений. Ленинский анализ не оставляет камня на камне от этих построений соц.-дем. филистеров. Автор «Империализма как высшей стадии капитализма» блестяще доказал факт загнивания капитализма в этой своей стадии, и этот пункт в учении Л. является важнейшим. Экономический паразитизм рождается из монополии, «выросшей из капитализма и находящейся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безсходном противоречии с этой общей обстановкой. Но, тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» (т. XIX, стр. 151). На основе монопольного положения империализма вырастает его политический паразитизм, равно как и паразитизм его культуры, отныне уже не заинтересованной ни в каком дальнейшем прогрессе: буржуазия достигла высшей ступени могущества и не заинтересована больше в повышении производства, в технических изобретениях и пр.

Ленинская теория империализма позволяет безошибочно ориентироваться во всех наиболее важных явлениях политической жизни капиталистического Запада. 15 лет, истекшие со времени написания Л. работы «Империализм как высшая стадия капитализма», со всей силой подтвердили верность

его прогноза и широко развернули картину загнивания империалистического хозяйства. Но выводы из этой теории должны делать не только экономисты, не только историк, а и любой исследователь зап.-европейской культуры, в том числе и литературовед. Целый ряд интересных курсов истории зап.-европейских лит-р, написанных в последние годы марксистами, страдает именно отсутствием применения ленинского учения об империализме к этой области. В некоторых из этих работ исторический процесс Запада рассмотрен объективистски. В них подчас недостаточно разоблачен оппортунизм II Интернационала, явственно дающей себя знать в современной литературе (одним из таких писателей является например П. Амь). Излишний техницизм, доверие к организаторским способностям капитализма, увлечение теориями внутреннего равновесия капитализма также льют воду на мельницу антимарксистских, антиреволюционных концепций и в этом смысле нуждаются в решительном преодолении.

5. ТЕОРИЯ ДВУХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА.—Если для познания капитализма эпохи его загнивания основополагающую роль играет ленинская теория империализма, то для русской истории XIX в. аналогичную роль играет ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. Концепцию «двух путей» нельзя применять к лит-ре без учета теории отражения, столь важной в подходе Ленина к явлениям исторического процесса. Она учитывает не столько генетическую принадлежность писателя, сколько отражение этим последним социальных сдвигов, не столько субъективную прикреплённость писателя и связанность его с определенной социальной средой, сколько объективную характерность его для тех или иных исторических ситуаций. Так, белогардецкий юморист Аверченко, озлобленный «почти до умопомрачения», дает тем не менее «высокоталантливую», по определению Ленина, книжку «Дюжина ножей в спину революции», талантливую в силу ее пронизанности пафосом представителя «старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, обывательской и обывательской России». «Некоторые рассказы, по моему, заслуживают перепечатки,—иронически замечает Л.—Талант надо поощрять» («Талантливая книжка», т. XXVII, стр. 92—93). Аверченко отражает реакцию буржуазии на Октябрьскую революцию, выкинувшую этот класс за борт истории. Несравненно глубже и социально значительнее отражается действительность в творчестве таких идеологов крестьянской революции, как Белинский, Герцен, Чернышевский, народники. Наконец особенно замечательным примером отражения является творчество Толстого, одна из статей о к-ром озаглавлена «Лев Толстой как зеркало русской революции». «Составление имени великого художника с революцией, к-рой он явно не понял, от к-рой он явно отстранялся, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевид-

но не отражает явления правильно? Но наша революция—явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» (т. XII, стр. 331). И в результате блестящего анализа русской политической действительности конца XIX и начала XX вв. Л. приходит к выводу, что «Толстой отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого,—и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» (т. XII, стр. 334). Конечно Белинский, Герцен, народники, Толстой отражали разные этапы борьбы, и Ленин никогда не игнорировал ни внутренних противоречий каждого из них ни специфики этих этапов.

Теория отражения никогда не означала у Л. разрыва с историей, она никогда не была абстрактной схемой, открывавшей любую историческую ситуацию одним и тем же ключиком. Наоборот, она всегда служила раскрытию конкретных форм классовых борьбы во всей сложности ее внутренних диалектических противоречий. «Мы,— писал он,—вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприсоединенное; мы убеждены, напротив, что она положила краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общее руководящее положение, которое применяется, в частности, к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».

Вернемся к теории «двух путей». Л. не только установил картину исторической борьбы этих двух тенденций, но и наметил зависимость русской литературы от этой борьбы. Ниже мы приведем суждения Л. о зависимости таких огромных литературных явлений, как Герцен, народничество, Лев Толстой, именно от этих существенных сил, двигавших историю нашей страны. Хотя эта теория непосредственно освещает период от 50-х гг. прошлого столетия до революции 1917, но в то же самое время она гигантски приближает нас к пониманию более ранних явлений, приблизительно начиная с XVIII в., и позволяет проанализировать некоторые тенденции, наблюдающиеся среди враждебных нам классов еще недобитой старой России.

Наконец массу света бросает ленинская концепция и на все другие страны (в том числе на их лит-ое развитие).

Теория «двух путей» красной нитью проходит через всю публицистическую деятельность Л., намечаясь уже в раннем его полемическом произведении «Что такое „друзья народа“...» С наибольшей полнотой она выражена в статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», написанной Л. в конце 1907. «... Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь буржуазного развития. Но формы этого развития могут быть двойки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств, и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными,— оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „варост“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбуауэров“ („крупных крестьян“). Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов—помещиков—юнкеров. Во втором случае основной фон—перерастание патриархального крестьянства в буржуазного фермера. В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые—такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые—интересы такого развития, которое обе-

спечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы. Только карикатурные марксисты, как их старались размазывать борющиеся с марксизмом народники, могли бы считать обезземеление крестьян в 1861 залогом капиталистического развития. Напротив, оно было бы залогом — и оно оказалось на деле залогом — кабальной, т. е. полукрепостнической аренды и отработочного, т. е. барщинного хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии. Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой „народного производства“ и „трудового начала“ против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития» (том XI, стр. 348—350).

В этих строках содержатся указания исключительной методологической ценности, освещающие исторический процесс всей пореформенной поры. «Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции» (там же, стр. 350). Вопрос о том, по какому пути двигаться русскому историческому процессу — по пути «революции» или по пути «реформы», — оставался глубоко актуальным на протяжении всей эпохи развития русского промышленного капитализма и был снят с порядка дня лишь в октябре 1917. Буржуазная историография предельно идеализировала «эпоху великих реформ», уничтожение крепостной зависимости трактуя в самых либеральных и прекрасноречивых тонах победы демократических прав над сторонниками насилия. Меньшевики представляли крестьянскую реформу как победу радикальной буржуазии над помещиками. Те и другие извращали реальную конфигурацию сил, и с теми и другими Л. ведет самую решительную борьбу. Два лагеря он устанавливает в русской действительности: лагерь обуржуазившегося дворянства, к которому присоединилась и буржуазия — блок двух классов, заинтересованных в продолжении эксплуатации крестьянства и в результате полукрепостнической реформы продолжавших эту эксплуатацию; ему противостоит другой лагерь — крепостного крестьянства, формально освобожденного реформой от юридической зависимости от помещика, но фактически находящегося в ней, лишенного земли, опутанного полукрепостнической арендой и разнообразнейшими отработками и борющегося за полную

и окончательную ликвидацию крепостничества. Борьба этих двух лагерей — эксплуататоров и эксплуатируемых — представляет собой, по Л., стержень всей пореформенной истории России.

Концепция Л. придает строгое единство всему историческому процессу, имевшему место в нашей стране, и крепко связывает наше настоящее и будущее с нашим прошлым. Наша демократическая тенденция, главной опорой которой, главным фактическим носителем которой являлось разрозненное, невежественное крестьянство, была слаба, хотя она и смогла выдвинуть гигантов в области мысли и лит-ры. В общем развитие России пошло по прусскому пути, и это определило собою так сказать официальное убожество всей нашей культуры, исключением из чего являются только постоянно находящиеся в меньшинстве герои первого пути. По примеру самой Германии и наша страна создала буржуазный либерализм, отличавшийся подлой трусостью и изменами. Вместо России крестьянско-буржуазной создалась Россия юнкерско-буржуазная.

Но именно вследствие этого (в этом пункте яснее, чем где-либо, раскрывается диалектический гений Ленина) «перезитки крепостничества обусловили широкое крестьянское движение и превратили это движение в „оселок“ революции». Встал вопрос: «Если ломка не может не быть крутой, не может не быть буржуазной (поскольку капитализм неумолимо наступал на Россию — А. Л.), то остается еще нерешенным, какой класс из двух непосредственно заинтересованных классов, помещичьего и крестьянского, проведет это преобразование, направит его, определит его форму?» И помещичье-буржуазная революция возможна, но она есть, по Ленину, «выкидыш, недоносок, ублюдох». Если же победит крестьянство, — то «мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски». Крестьянская революция, несмотря на то, что она нашла великих вождей и руководителей из интеллигенции, была бита. «В современной России, — писал Ленин («Социализм и крестьянство»), — не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя (та, к-рая описана в теории двух путей — А. Л.), другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» (т. VIII, стр. 255). Свообразие последних десятилетий революционного развития нашей страны заключается в том, что первая из этих «войн» не достигла своего результата, она была бы окончательно разбита, если бы на выручку не пришло начало второй «войны». Пролетариат фактически выступил одновременно и как гегемон крестьянства за полное освобождение от само-

державия и остатков феодализма и как борец за осуществление социализма, руководящий и в этом отношении крестьянством, тягивающий его в коллективные формы сельского хозяйства. Ленин писал об этом (т. VIII, стр. 84): «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно „единство воли“ пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов. Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму».

Выводы из теории двух путей, к-рые должен сделать для себя литературовед, оказываются чрезвычайно значительными. Вслед за Л., подчеркивающим значительность влияния крепостнической части дворянства, сумевшей обкарнать и изуродовать и без того умеренные реформы, литературовед должен будет, во-первых, установить факт наличия в русской литературе околореформенной поры значительной группы писателей-идеологов крепостничества. Этот лагерь не очень многочисленен, но в него войдут такие писатели, как Сергей Аксаков, этот прекраснородный идеолог феодальных отношений между помещиками и крестьянством («Семейная хроника»), такой зубр феодальной аристократии, как Маркевич, такой реакционный поэт-усадбник, как Фет, и некоторые другие. Это — лагерь людей, отрицавших какой бы то ни было путь капиталистического развития, мечтавших о возвращении к дореформенным социальным отношениям, лагерь защитников реакционной крепостнической утопии. Более широк и влиятелен второй лагерь — либералов, куда войдут и писатели обуржуазившегося дворянства и представители буржуазии, вроде Лескова или Гончарова. Л. беспощадно боролся с легендой о демократизме либералов, всеми средствами обнажая умеренность всяческих Кавелиных, лицемерно предостерегавших от излишеств революционного движения, а на самом деле по мере своих сил ливших воду на мельницу правительственной реакции. Лагерь сторонников «прусского пути» возглавлялся в русской лит-ре 60-х гг. такими писателями, как Тургенев, как Гончаров. Но разумеется идеологи либеральной реформы не переводились в буржуазно-дворянской лит-ре до самых последних лет существования самого строя. И наконец в противовес либеральным сторонникам реформы — лагерь, требовавший полной ликвидации крепостничества, литература «американского пути», объективно отражавшая собой интересы закрепощенного крестьянства. Так намечается дифференциация внутри русской лит-ры 60-х гг., так вскрываются в ней внутривидовые противоречия, позволяющие установить пути социальной борьбы. Между Фетом и Тургеневым бес-

спорно существуют разногласия, но и тот и другой оказываются союзниками в борьбе против Чернышевского и народников. В новых формах на новом этапе развития эта борьба двух лагерей остается действенной на протяжении всей последующей поры вплоть до Октябрьской революции.

Реабилитация лит-ры, ратовавшей за «американский путь» развития, Л. уделил особенно много внимания. Его оценки Белинского, Герцена, Чернышевского, народников кратки и отрывочны, но в сочетании со всей исторической концепцией Ленина они бесспорно намечают основные этапы борьбы за крестьянство, которые должны стать путеводными вехами истории русской литературы.

6. ВОЗЗРЕНИЯ ЛЕНИНА НА ОТДЕЛЬНЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.—Последовательными сторонниками «американского пути» развития страны Ленин считал Белинского и Герцена. Доказывая, что только «социал-демократия» — разумеется конечно большевизм — может быть идеологическим гегемоном всего революционного в стране, он писал: «... Мы хотим лишь указать, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!» («Что делать?», том IV, страница 381).

Белинский интересует Л. прежде всего как один из провозвестников демократической мысли. «Его (Белинского — А. Л.) знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений беспцензурной демократической печати, сохранивших громадное живое значение и по сию пору» («Из прошлого рабочей печати в России», т. XVII, стр. 341). И для Л. Белинский совершенно так же, как позднейшие революционные народники, есть выразитель начавшегося протеста и борьбы крестьянства. Критикуя сб. «Вехи», он говорит: «Письмо Белинского к Гоголю, вешают „Вехи“, есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения“ „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар“ Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. История протеста и борьба самых широких масс населения с 1861 по 1905 г. против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публи-

истики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостного гнета?» («О „Вехах“, т. XIV, стр. 219).

Из великих предшественников той величайшей мировой революции, в которой первую роль сыграл сам Л., больше всех уделено внимания А. И. Герцену. У нем он писал чаще всего и ярче всего. При этом повезло и нам, ибо в отзывах Л. о Герцене дается непревзойденно блестящий образец анализа революционера-писателя, в котором не забыты существенные недостатки его деятельности, но отнюдь не раздуты до таких размеров, чтобы отречься от оставленного предшественником наследия. Мы часто видим теперь, как молодые литературоведы, анализируя того или другого великого переходного художника прошлого или настоящего, к-рый не сумел подняться над всеми предрасудками своего класса, не сумел добиться полной чистоты идеологических воззрений, с какой-то особенной страстью стараются подчеркнуть и преувеличить эти недостатки, словно меньше радуясь помощи, к-рую нам приносит такой человек, чем опасаясь

Герцен, как и всякий иной писатель, являлся для Л. продуктом своего времени. «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» («Памяти Герцена», т. XV, стр. 465). Статья о великом революционере прошлого, написанная к столетию со дня его рождения, открывается установленным классовой принадлежности Герцена во всей ее огромной сложности. Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Бюронов и Аракчеевых, бесчисленное количество „пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев армарок, псарей, драчунов, секунов, серальников“ да прекраснородных Маниловых. „И между ними,—писал Герцен,—развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить и новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии“. К числу таких детей и принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и „очистило“ его. В крепостной России 40-х гг. XIX в. он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из „Писем об изучении природы“—„Эмпирия и идеализм“, написанное в 1844 г., показывает нам мыслителя, который уже теперь головой выше бедны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историч. материализмом» (т. XV, стр. 464).

В социальной личности Герцена положительные черты неразрывно сплетаются с отрицательными. Он почти дошел до диалектического материализма, но остановился, не сумев овладеть его методом. «Эта „остановка“ и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 г. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его „социализм“ принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснородная фраза, доброе мечтание, в которую облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно невывословившийся из-под ее влияния пролетариат. Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был кра-

СОЦИАЛДЕМОКРАТЪ

СРЕДНЯЯ ЦЕНА ЗА ПОДПИСКУ НА ПЕРВЫЙ ГОД

Сред. в год (27 номеров) 1912 года.

Памяти Герцена.

Много стоить для нас рождения Герцена. Читается его нелиберальная Россия, забывая обилие серьезных морских ошибок, тщательных ошибок, чья отличалась революционность Герцена от либеральной. Помыслив Герцена и вранья писать, обильно убрал, что Герцен оторвал полноту мысли от революции. А вь заграничьи, либерализма и народничества, рывки о Герцен шари враня и враня.

Рабочая партия должна помнить Герцена не ради обязательного спасения, а для расширения своих сил, для упрочения настоящего исторического врата мыслителя, сыгравшего великую роль в отголосках русской революции. Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Бюронов и Аракчеевых, бесчисленное количество „пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев армарок, псарей, драчунов, секунов, серальников“, да прекраснородных Маниловых. „И между ними,—писал Герцен,—развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя. Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины—подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить и новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии“.

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и „очистило“ его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из „Писем об изучении природы“, — „Эмпирия и идеализм“, — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, уже теперь, головой выше бедны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историч. материализмом.

Первопечатный текст статьи Ленина «Памяти Герцена» [(1912), монтаж]

видеть в его лице какого-то конкурента. Такое «левацкое» отношение к наследству столь же вредно, сколь и правооппортунистическое замалчивание недостатков и недомыслий подобных «союзников».

хом буржуазных иллюзий в социализме». Герцен взят Л. во всей сложности своих внутренних противоречий. С одной стороны, «Герцен создал вольную русскую прессу за границей—в этом его великая заслуга. „Полярная звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“ [1857—1867] встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» (т. XV, стр. 466). С другой—в нем сильны реакции старого, оставившие отпечаток на всем его мировоззрении. «Но Герцен принадлежал к помещицкой, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к „верхам“. Отсюда его бесчисленные слащавые письма „Колоколе“ к Александру II Вешетелю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму». Однако Л. тотчас же оговаривается, что в этих противоречиях ведущим началом была все же его революционность. «Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом демократ все же брал в нем верх» (т. XV, стр. 467). И Л. подтверждает это свое суждение рядом сверкающих цитат из сочинений Герцена, в которых сказывается его ненависть к господствующему режиму, его презрение к либералам кавелинского и тургеневского типа. Он гневно протестует против желаний либералов примазаться к Герцену, расхвалить в нем слабое, замолчать сильное, и в конце своего вдохновенного слова о Герцене он рисует с титаническим мастерством и захватывающей силой картину всего движения от начала дворянской революции до начала пролетарской. «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закаляли революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий начинал расти на наших глазах» («Памяти Герцена», т. XV, стр. 468).

Большим сочувствием Л. пользовались также Некрасов и Салтыков-Щедрин, два писателя прошлого, как и Герцен, вышедшие из дворянства, но гораздо теснее сомкнувшиеся с рядами борцов за «американский путь». Биографически Не-

красов—очень нестрая личность: по происхождению—дворянин, по значительному периоду своей молодости—интеллигент-пролетарий, по своей журнально-издательской практике—во многом представитель крупнобуржуазных приемов. Тут можно нагородить очень много всякой психологии, и мы вовсе не говорим, что такой подробный разбор формирования личности Некрасова и противоречий уже сформировавшейся личности, к-рых Л. отнюдь не отрицает и к-рые даже подчеркивает, не имеет никакого значения. Но все это в глазах Л. второстепенно. На первом плане для него стоит то, что Некрасов, как и Салтыков,—выразители интересов крестьянства, что свой великий талант они развернули, отточили, использовали для защиты «американского пути» развития русской революции.

И Некрасова и Салтыкова-Щедрина Л. высоко ценил как срывателей масок с крепостнической России. «Еще Некрасов и Салтыков,—писал он в статье „Памяти графа Гейдена“,—учили русское общество различать под приглаженной и напояженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современного российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследия, принадлежавшего к кадетской партии или к кадетским подполоскам, учил народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыгина...» (т. XII, стр. 9). На творчество Некрасова Л. опирался и в борьбе против современных либералов. «Дело идет о далеком прошлом. И в то же время тогдашнее и теперешнее отношение либералов („с виду и чиновников душой“) к классовой борьбе—явления одного порядка» («Либеральное подкрашивание народничества», т. XVI, стр. 339). Или еще более сильная по своей саркастичности цитата из статьи «Еще один поход на демократию»: «Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты вроде Шепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерально-угодничества, но сам же горько оплакивал свои „грехи“ и публично калялся в них. „Не торговал я лирой, но бывало, / Когда грозил неуловимый рок, / У лиры звук неверный исторгала / Моя рука...“. „Неверный звук“—вот так называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой: „применительно к подлости“» («Еще один поход на демократию», т. XVI, стр. 132—133). Эта цитата чрезвычайно ярко характеризует и Некрасова и Щедрина как союзников революционной крестьянской демократии, возглавляемой Чернышевским, как

злейших врагов буржуазно-дворянских либералов, т. е., пользуясь ленинской формулой, как сторонников «американского пути».

Салтыков-Щедрин происходил из крупного дворянского рода, был крупным царским чиновником, но все это стерто тем великодушным фактом, что Салтыков проникся жгучей ненавистью и острым презрением к крепостному праву, царизму, бюрократии, что он перенес эти чувства также на всех либеральных болтунов, что он чувствовал глубочайшее уважение к революционерам и что в своих гениальных картинах русской действительности он беспощадно и с непревзойденной меткостью изображал эту действительность, клеймил ее пороки и звал к борьбе с нею.

Салтыков-Щедрин был одним из самых любимых писателей Ленина. Об этом говорят единогласные свидетельства мемуаристов. Никем не пользовался Ленин так часто в качестве источника блестящих беллетристических иллюстраций к своим страстным статьям, как именно Салтыковым. Последний цитируется даже в таких, казалось бы, сугубо исследовательских работах, как «Развитие капитализма в России» или «Аграрный вопрос и критика Маркса». «Без того, чтобы такую задачу (материалистического истолкования гегелевской диалектики—А. Л.) себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым» («О значении воинствующего материализма», т. XXVII, стр. 188). «Как это не тошнит людей от этого — употребило щедринское выражение — языкоблудия?» (т. XV, стр. 336). На страницах сочинений Ленина фигурируют почти все щедринские герои в новых своих политических обличьях. Здесь мы встретим и помпадуров, разглагольствующих на либеральный манер, и Угрюм-Бурчеевых, ставших видными сановниками с черносотенными убеждениями, и Караса-идеалиста, оказавшегося мелким обывателем, и Премудрого пискаря, и забитого и задавленного Княгу-крестьянина. Галерея этих образов заключается красноречивой фигурой Порфирия Головлева. Щедринского Иудушку Л. вспоминает особенно охотно. «Это—иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом „охраны экономически слабого“ и „опеки“ над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые нивелируют трудящихся в положение „подлой черны“, отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии» («Что такое „друзья народа“...», т. I, стр. 186). Этот зловещий образ помещика-крепостника у Л. особенно част. В эпоху подавления революции 1905 и торжества дворянской реакции Л. восклицает: «Жаль, что не дождал Щедрин до „великой“ российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к „Господам Головлевым“, он изобразил бы Иудушку, кото-

рый успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемен в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на „отсутствие фактов“? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвалы попрежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о „поззии борьбы“» («Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры», т. XI, стр. 158). Приводимые нами цитаты—замечательный пример того, как умел Л. использовать в своей публицистике образы художественной литературы. В его сочинениях мы найдем массу лит-ых цитат из Тургенева, Гоголя, Грибоедова, Крылова, народников, Чехова и др. Салтыкову принадлежит среди них первое место, и это разумеется всецело должно быть объяснено сатирической остротой творчества этого виднейшего борца за «американский путь».

Особенно значительны были симпатии Л. к Чернышевскому, публицисту, которого он также неоднократно цитировал в своих сочинениях на текущие политич. темы. «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу—все рабы“. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине...» («О национальной гордости великороссов», т. XVIII, стр. 81). «Современным „социал-демократам“, оттого Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» («Очередные задачи Советской власти», том XXII, стр. 467). «„Историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта“, говорил великий русский революционер Чернышевский. Кто „допускает“ революцию пролетариата лишь „под условием“, чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, „отсиживаться в осажденной крепости“ или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам,—тот не революционер, тот не освободил себя от педантизма буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры» («Письмо к:

3 Про крестьянское "освобождение" и
 "воле" помещика помещика 1861-го года вели-
 ким русским царем, одним из первых софе- (61)
 импер в России, самодержавный монарх и прав-
 итель, Николай Александрович Романовский, на-
 сать: лучше всего со. добровольная сделка с
 зем с помещиками, чем какое "освобождение"
~~в будущем~~ ^{в будущем} через кооперативы и другие способы.
 1) Про добровольные сделки о покупке земли
 с крестьян на словах от содержат своих, если
содать с них напередовать правильно француз
"кулибинский" крестьян с помещиками.

В великий русский император Николай
 цар. Мелер, 46 лет спустя после успешного
 "освобождения с браунин" из франции пром. в
художественной оценке. Продавая свои работы, до-
 стигаясь крестьян, было 648 миллионов
рублей, а заплатить крестьян революции 86 к

Королю во время царства Николая:
 "кажется, из России в адрес" и еще 200.

Из рукописи проекта речи во 2-й Гос. думе (строки о Чернышевском) (Институт Маркса—Энгельса—Ленина)

американским рабочим», том XXIII, стр. 183). К этим цитатам—их легко было бы умножить—необходимо присовокупить свидетельство Н. К. Крупской о чрезвычайно положительном отношении Л. к беллетристике Чернышевского. «Он любил роман Чернышевского „Что делать?“, несмотря на малохудожественную, наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот ро-

ман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил» (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, 1931, стр. 187). Нет никакого сомнения в том, что в симпатиях Л. к Чернышевскому была своего рода преемственность двух гениальных революционеров, что Л. высоко ценил Чернышевского как одного из самых замечательных предшественников марксизма. «Чернышев-

ский заразил его своей непримиримостью в отношении либерализма. Недоверие к либеральным фразам, ко всей позиции либерализма проходит красной нитью через всю деятельность Л. Если возьмем сибирскую ссылку, протест против „Кредо“, возьмем разрыв со Струве, затем, непримиримую позицию, к-рую Л. занял по отношению к кадетам, по отношению к ликвидаторам-меньшевикам, которые были готовы пойти на сделку с кадетами, мы увидим, что Владимир Ильич держался той же непримиримой линии, которой держался Чернышевский по отношению к либералам, предавшим крестьянство во время реформы 1861 года... Давая оценку буржуазно-либеральному демократизму и демократизму обуржуазившегося народничества 80-х годов, примирившегося с царизмом, Л. противопоставил ему демократизм революционного марксизма. Чернышевский дал образец непримиримой борьбы с существовавшим строем, борьбы, где демократизм был неразрывно связан с борьбой за социализм» (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 182). В лице Чернышевского Ленин чтит одного из упорнейших и славнейших борцов за интересы обманутого крестьянства, и не случайно в своей ранней публицистической работе он раскрывает смысл крестьянской реформы устами Волгина, героя романа Чернышевского «Пролог к прологу», в уста к-рого Чернышевский вложил свои мысли (см. напр. «Что такое „друзья народа“...», т. I, стр. 178—180).

Чрезвычайно высокой была и ленинская оценка русских народных в 60—70-х гг. Оценка эта была более положительной, чем оценка Л. Толстого, ибо народники, выражая собою те же крестьянские чаяния, стояли на левом фланге тогдашней общественности. Это однако не мешало Л. отмечать ту степень двойственности произведений этих великих революционных демократов, которая не могла не быть импрессуа, ибо лишенная исторической двойственности может явиться только точка зрения пролетариата, а в области художественной литературы—только пролетарская литература.

Отличительной и оригинальной особенностью суждений Л. о народниках-беллетристах было то, что он поставил характеристику крупнейших писателей-народников, этого чрезвычайно значительного революционно-демократического отряда, в непосредственную зависимость от того глубокого анализа путей русской революции, который мы уже приводили выше. Народники для Ленина прежде всего—последовательные представители сил, заинтересованных в торжестве «американского» революционного пути развития. Как известно, основной силой, заинтересованной в этом, было в то время крестьянство. Из ленинской характеристики своеобразного великого писателя крестьянства Л. Толстого мы увидим ниже, что крестьянство в сознании своем отнюдь не было целиком революционным, что в нем живучи были утопические реакционные тенденции.

Народники были вождями крестьянства в том смысле, что они умели в лучшую свою

эпоху, до своей легализации и опошления, к-рое началось уже с Михайловским, представлять интересы крестьянства в несправедливо более чистом виде, чем Л. Толстой. Народники были революционно-демократическими представителями крестьянства. В своей статье о Михайловском Л. дает общую характеристику народников. Из характеристики, которую мы приводим ниже, явствует, что Михайловский был уже упадочным типом народника, несравненно уступающим великим представителям народничества. Но характеристика эта говорит только об этих отрогах горного хребта революционного народничества, обладавшего такими импонирующими вершинами, как Чернышевский. Л. много и ожесточенно боролся с эпитафиями народничества, всеми средствами охаивавшими марксизм (см. статьи его «Что такое „друзья народа“...», «Экономическое содержание народничества», «От какого наследства мы отказываемся» и др.). Но, разоблачая реакционность этого течения в эпоху возникновения марксизма, он ни в какой мере не склонен был умалять силу той социалистической пропаганды, к-рую вели в 60—70-е гг. эти идеологи крестьянского социализма. Социалистический утопизм мелкобуржуазных революционеров показывает напряженность их оппозиционной мысли и приближает их к нам. Это отразилось на всех высказываниях Ленина о народниках: «Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. Крестьянская масса, которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди, полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы—главным образом учащая молодежь, учителя и другие представители интеллигенции,—старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы. Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати—хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью» («Народники о Н. К. Михайловском», т. XVII, стр. 223).

Лучшие народники, революционеры типа Чернышевского и Добролюбова, писатели типа Успенского и Салтыкова были непреклонными и непримиримыми сторонниками демократической революции. Это не значило однако, что, будучи наиболее последовательными выразителями истинных интересов массового крестьянства, какие только могли в то время существовать, они не впадали в серьезнейшие заблуждения. Прежде всего они идеализировали крестьянство, ча-

сто не понимал тающихся в нем внутренних противоречий. Они не понимали также того, что на чисто крестьянской почве возможна лишь буржуазная революция, хотя и весьма репрессивная, весьма «плебейская». Они старались навязать крестьянству общинный социализм. Само собой разумеется, как неоднократно отмечал Ленин, этот социализм не мог не быть совершенно утопическим с точки зрения своей осуществимости и не мог не быть в то же время половинчатым, мутным по самому своему характеру. Л. сочувственно цитирует в этом отношении одного из первых русских марксистов, И. А. Гурвича. «Народник 70-х гг.,—очень метко говорит Гурвич,—не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между „эксплуататором“—кулаком или мироедом—и его жертвой—крестьянином, пропитанным коммунистическим духом. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще» («Что такое „друзья народа“...», т. I, стр. 157—158).

К Успенскому Ленин относился с особенной любовью. В «Развитии капитализма в России» дается характеристика Кавказа со ссылкой на очерки этого народника: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно перерывал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея» (Сочинения, том III, страница 464). Ряд образов, взятых из произведений Успенского, бытует в ленинской публицистике: «герои Купона» (т. IX, стр. 31), будочник Мырзепов с его девизом «тащить и не пущать» (т. XVIII, стр. 448), «Иваны Непомнящие» (т. XXVII, стр. 171) и др. Л. неоднократно отмечал, что Успенский не только вместе с другими наиболее радикальными народниками был последовательным демократическим революционером, но что он в отличие от народников типа Златовратского, старавшихся в угоду своим чаяниям «препарировать» крестьянство под особым народническим соусом, прекрасно различал расслоение деревни и не только понимал все свойства деревенского кулака, но с величайшей тоской, доведшей его позднее до личной катастрофы, констатировал мелкобуржуазные тенденции всей толщи крестьянства и в этом отношении становился выше народничества, разлагал его иллюзии, к несчастью не видя тех новых путей, того «спасения», к-рое мог принести середняцкому и бедняцкому крестьянству пролетариат. В основе характеристики Успен-

ского лежит та же теория отражения, которая, как мы увидим ниже, применена во всех статьях о Льве Толстом.

Характеризуя Успенского, Л. повторяет тот же прием, к-рый, как мы увидим сейчас, применен к Толстому. Для Плеханова, также писавшего о Гл. Успенском, последний—прежде всего мелкобуржуазный интеллигент. Это личное происхождение—сам по себе, может быть, интересный путь интеллигента Успенского к крестьянству—Ленин в своих общих статьях (специального труда Гл. Успенскому он не посвящал), можно сказать, игнорирует. Для него важно не это; для него доминирующим является тот факт, что Успенский всем существом стоит за «американский путь» развития, что он субъективно совершенно честно сдвигает его социалистическим утопизмом и что кроме того—это уже черта Успенского, выделяющая его среди его соратников,—он заражен тем скептицизмом к народничеству, к-рый послужил бы великолепным переходом к марксизму, доживи Успенский до соответственной эпохи. Конечно и здесь нельзя не отметить огромного таланта Успенского, который тоже в конце-концов сводился к честности, беспощадности, страсти, свежести, наблюдательности и т. п.

Мы вовсе не хотим сказать, что проблема Успенского в целом исчерпана Л. Он первый зло посмеялся бы над подобным «ленинским» утверждением. Здесь, как и всюду в области литературоведения, предстоит проделать огромную работу; но эта работа может вестись только на базе ленинских указаний.

Но больше всего Л. отдал внимания творчеству Л. Толстого. Что поражает в самом подходе Л. к «великому писателю земли русской»? Мы имеем немало исследований о Толстом, принадлежащих перу марксистов и написанных до и после статей Ленина. Среди них имеются такие ценные произведения, как статьи Плеханова. Все эти исследователи подходили конечно к Толстому с классовой точки зрения. Но как понимали они эту классовую точку зрения? Они видели в Толстом прежде всего представителя аристократического дворянства и пытались вывести толстовство исключительно из условий дворянского разорения и дворянской реакции на наступление капитала. «Мужиковство» Толстого являлось для них родом чудачества, своего рода утопической, заранее подготовленной позицией защитника барства, вынужденного отказаться от защиты первой оборонительной линии, т. е. усадебной культуры и социального руководства класса помещиков. Конечно во всем этом есть небольшая доля истины. Такая точка зрения гораздо выше, чем попытка объяснить Толстого и толстовство «движением человеческой совести» или объявить их результатом исключительной личной гениальности или, как пытались в последние годы сделать формалисты, вывести творчество Толстого из формальных и бытовых условий современной ему литературной жизни. Но и эта относительно правильная точка зрения представляется бледной и тусклой, когда срав-

ниваешь ее с гениальным анализом Л. Благодаря Л. Толстой не то, чтобы перестал быть для нас отпрыском дворянства, но, оставляя это свое качество как мало серьезный исходный момент за собою, в исполинском росте своего творчества он оказался в глубоком соответствии с великим социальным моментом, к-рым это творчество определилось, и исполинскими размерами того, правда, противоречивого в своем сознании и неорганизованного класса, выразителем которого на самом деле явился этот «граф». «Острая ломка всех „старых устоев“ деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,—он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и в своих последних произведениях обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на пиште их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь» («Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», том XIV, страница 405). Социальный факт, лежавший в основе творчества Толстого, это, по Ленину, вся смена старой феодальной крепостнической России Российской капиталистической, а класс, который всей своей социальной психологией определил монументальную и в то же время глубоко противоречивую, одновременно революционную и реакционную идеологию Л. Толстого, это—крестьянство.

Л. посвятил Толстому немало работ. Тут мы найдем статью «Лев Толстой как зеркало русской революции», напечатанную первоначально в органе Петербургского и Московского комитетов РСДРП «Пролетарий» в Женеве в 1908, затем замечательный некролог Толстого, появившийся непосредственно после смерти великого писателя в центральном органе РСДРП «Социал-демократ» (обе статьи помещены без подписи), статью «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», напечатанную в газете «Наш путь» в 1910, «Герои „оговорочки“», опубликованную в том же году в журн. «Мысль», клеймившую заигрывания с Толстым меньшевиком-ликвидатором, к-рые оставили «поразительные образчики беспринципности», статью «Л. Н. Толстой и его эпоха», в некоторой степени резюмирующую идеи Л. о Толстом и появившуюся в 1911 в журн. «Звезда».

Из соображения большей стройности изложения взглядов Л. на Толстого, имеющих огромное значение для дальнейших путей всего литературоведения, мы остановимся вначале на этой последней статье. Здесь мы читаем: «Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861-го и до 1905-го года. Правда, литературная деятельность Толсто-

го началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился как художник и как мыслитель именно в этот период, переходный характер которого породил в себе отличительные черты и произведения Толстого и „толстовщины“. Устами К. Левина в „Анне Карениной“ Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека ... „Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким... теперь для Левина казались одни важными“. „Это, может быть, не важно было при крепостном праве, или не важно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как сложатся эти условия, есть единственно важный вопрос в России“, думал Левин ... „У нас теперь все это перевернулось и только укладывается“,—трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов (так комментирует Ленин в своей статье мысли толстовского героя—А. Л.). То, что „перевернулось“, хорошо известно или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это—крепостное право и весь „старый порядок“, ему соответствующий. То, что „только укладывается“, совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот „только укладывающийся“ буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала—Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой „Англии“, связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что „укладывается“ в России никакое иное, как буржуазный строй. Справедливо, что если не „единственно важным“, то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос „как уложится“ этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в „Англии“, Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения „вечных“ начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого („перевернувшегося“) строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов (т. XV, стр. 100).

Совершенно определенно подчеркивая, что учение Толстого надо считать социалистическим, Л. в то же время однако считает его утопическим и реакционным. Он говорит об этом: «Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непро-

тивление злу насильем, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что „все—ничто, все—материальное ничто“ («О смысле жизни», стр. 52), и вера в „Дух“, „начало всего“, по отношению к каковому началу человек есть лишь „работник“, „приставленный к делу спасения своей души“, и т. д...» «Пессимизм, непротивленство, апелляция к „Духу“ есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй „переворотился“, и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, к а к о в „укладывающийся“ новый строй, к а к и е общественные силы и как именно его „укладывают“, какие общественные силы с п о с о б н ы принести избавление от нечестливых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам „ломки“... Учение Толстого безусловно утолично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов» (т. XV, стр. 102).

В этой же статье, написанной уже после того, как всевозможные либералы, народники и мистики пытались использовать большое движение, вызванное смертью Льва Толстого, в своих целях, Ленин особенно резко подчеркивает, что значение социального содержания толстовства относится к прошлому и что для настоящего в с я сущность этого уч е н и я является отрицательной, а всякое кокетничанье с толстовством является для сторонника пролетарского мировоззрения настоящим преступлением. «Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения в о п р е к и реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло немало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, п о с л е того как ряд указанных выше событий положил конец „восточной“ неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно - реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи „веховцев“ среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав „ликвидаторское“ течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его „непротивленства“, его апелляции к „Духу“, его призывов к „нравственному самоусовершенствованию“, его доктрины „совести“ и всеобщей „любви“, его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» (т. XV, стр. 103).

Статья «Толстой и его эпоха» дает твердое и ясное резюме, общую оценку Толстого как со стороны генетической, т. е. с точки зрения сил, породивших творчество Толстого,

так и с точки зрения функциональной, т. е. в смысле того действия, которое сочинения Толстого могли иметь в разные эпохи своего существования. Это однако не значит, чтобы другие статьи Ленина были, так сказать, покрыты и сняты вышеуказанной статьей. Содержание их богато и нуждается в особом изучении. Первая по времени напечатанная статья «Лев Толстой как зеркало русской революции» идет несколько иным путем, чем только что цитированная. В последней резюмирующей статье Ленин исходит из определения и характеристики эпохи. Методологически он учит здесь при подходе к действительно крупному и социально значительному литературному явлению — установить точно его живую, общественную хронологию, т. е. ту связь социальных явлений, которая является исторической почвой исследуемого объекта. Далее, надо ухватить основное звено в этом переплете событий и найти, как именно оно, это доминирующее звено, отразилось в доминирующих же чертах идеологии, а тем самым конечно и форме исследуемых произведений. Но как-раз практика первой статьи Л. о Толстом учит о возможности иного подхода. Здесь Ленин начинает с гениального анализа структуры самого творчества Толстого, вскрытия его основного характера и его основных противоречий, и, уже отсюда исходя, делается экскурсия в область тех социальных условий, в-рне породили и не могли не породить такой результат.

Он начинает с изложения противоречий, заложенных в учении Толстого: нельзя, не угадав «з а г л у ш и т ь» потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываюся кричащие противоречия „толстовщины“, какие недостатки и слабости нашей революции они выражают? Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны — замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши. — с другой стороны, „толстовец“, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: „я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками“. С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь „непротивления злу“ насильем. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок, — с другой стороны, проповедь одной из самых гнус-

ных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой уточенной и потому особенно омерзительной поповщины. Повстание:

..Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!>

(т. XII, стр. 332).

Отметив далее, что в этой странной мешанине никоим образом нельзя видеть зеркала русской рабочей революции, Ленин ищет, какая же именно революция отразилась в этом мутном и неровном зеркале, и говорит: «...Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освобождавшаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой». Основным двигателем толстовского творчества является, по Л., протест «против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Этим определяется и значение писателя. «Толстой смел, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские „толстовцы“, пожелавшие превратить в догму как-раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как-раз особенности нашей революции, как крестьянская и буржуазная революции». Протест этот породил его с крестьянством, и могучая стихия крестьянских настроений овладела Толстым.

Но являются ли эти позиции подлинно революционными? Нет, они двойственны, и раскрытие последнего производится Л. при помощи того же диалектического анализа. «С одной стороны, — говорит Л., — века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости». — «С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юрюдивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненави-

деть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы». Лишь небольшая часть крестьянства разрешала эти противоречия в революционную сторону. «Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала „ходателей“, — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!» И резюмирует: «Толстой отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости» («Лев Толстой как зеркало русской революции», т. XII, стр. 332—335).

Наиболее тепло, наиболее положительно для Толстого написан Лениным его некролог. Было бы однако огромной ошибкой представлять себе, будто растроганный, так сказать, фактом смерти великого старца Владимир Ильич немножко перегнул палку в сторону положительной оценки. Эта оценка, как и все другие у Л., многосторонняя и диалектичная. Если в цитированной нами выше последней статье Л. о Толстом особенно подчеркнута предостережение от увлечений толстовством в какой бы то ни было дозе, то из этого всего не следует, что этим самым подчеркиваются те высокие похвалы, та высокая оценка художественных произведений Толстого, которая дана в некрологе. Автор «Ании Карениной» и народных рассказов рисует «Россию, оставшуюся после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина». «Рисую эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленной крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» («Л. Н. Толстой», т. XIV, стр. 400).

Эта оценка содержит утверждение огромной методологической ценности. «Шаг вперед в художественном развитии всего человечества» признается здесь результатом двух факторов. Основным является гигантский материал, так сказать напрашивающийся на то, чтобы быть художественно выраженным. Такого порядка великий общественный материал, имеющий общечеловеческую ценность, как видно из слов Ленина, оказывается налицо там, где в широкой мере подготавливается глубокая революция. Вторым фактором является «гениальное освещение» этого материала. Отсюда можно сделать такой вывод: если налицо дан биологически гений, т. е. вся та сумма природных дарований, которой, скажем, обладал Л. Толстой, но не дан великий социальный материал, — то человеческое искусство не сделает шага вперед: в лучшем случае мы будем иметь искусного мастера формы, который повто-

рит какие-нибудь зады или, за отсутствием содержания, пустится в формальные изощрения. Ну, а если великое содержание дано, а нет подходящего гения? Такая постановка вопроса неправильна. Во-первых, как видно уже из высказываний самого Л., не один Толстой воспользовался вышеуказанным великим материалом: если называть только писателей первоклассных, то, не отходя от характеристик самого Л., можно указать на Салтыкова-Щедрина и на Глеба Успенского. Вообще же вопрос о наличии гениального рушора для уже складывающегося в недрах общества нового образа мыслей и чувств разрешается тем обстоятельством, что биологически количество талантливости, количество дарований с точки зрения натуральной должно быть во всякую данную эпоху приблизительно равным, но только эпохи глухие, серые приводят большинство своих дарований к увяданию, эпохи же яркие, революционные (в особенности в период подготовки революции), когда художественно-идеологические формулировки оказываются единственно возможными, т. к. для активного политического творчества в широких формах время еще не пришло, выделяют особо большое количество талантов, богато оплодотворенных самой эпохой.

Дальше следует у Л. многозначительные строки во славу Толстого: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достойным в с е х, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот. И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» («Л. Н. Толстой», том XIV, страница 400). В то же самое время Л. ни на мгновение не закрывает глаз на ограниченность Толстого. Он говорит: «Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил, вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, навдгавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю» (там же, стр. 401).

В некрологе мы еще имеем одно чрезвычайно важное для всего нашего литературоведения положение. «...Правильная оценка Толстого, — пишет Л., — возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, —

доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата» (там же, стр. 402).

Нельзя не привести здесь довольно большую цитату из ст. «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», в которой в несколько крытых форме заложено учение Ленина о взаимоотношении общественного содержания и художественной формы в лит-ом творчестве. Ленин говорит: «Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразию критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, к-рая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина. Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении „дойти до корня“, найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских „хитровцев“ и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, „непротивлене злу“, бессильные проклятия по адресу капитализма и „власти денег“. Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого» (т. XIV, стр. 405).

В этой замечательной цитате надо различать две мысли: Толстой отражает настроение тех, выразителем кого он является, «так верно», что даже портит с идеологической точки зрения свое учение, ибо протест оказывается у него слепленным с отчаянием в отличие от рабочего движения, полного протеста, но чуждого отчаяния. Конечно с точки зрения общественного содержания, с точки зрения революционности эффекта, чистоты воздействия такая «верность» печальна. Но эта же «верность» дает Толстому «силу чувства, страстность, убедительность, свежесть, искренность, беспощадность», а все это, по мнению Л., и является главной заслугой Толстого, ибо «критика Толстого не нова», т. е., изложил Толстой свою критику без этой силы страсти — он ничего не прибавил бы к культуре. При наличии же

силы страсти «не новая», но чрезвычайно значительная «критика» его оказалась «шагом вперед в искусстве всего человечества». От читателя не ускользнет вся огромная важность этого суждения Ленина.

Статьи Л. о Толстом нуждаются в особенно пристальном рассмотрении: они дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского лит-ого и обще-

к «впередовцам» и все с ним связанное). Но никогда Л. не отрекался от Горького, всегда он проявлял к нему товарищескую предупредительность, и если боролся иногда с ним, то борьба эта была в сущности борьбой «за Горького». В своем письме к Алексею Максимовичу в 1909 Л. писал: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России—да и не одной России—такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае невозможно для вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы. Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо эту заграничную борьбу и расколы, и свару, и драку кружков—это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо и социал-демократия внутренне ошибочна, а потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковырять себе свою партию. Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам...» («Два письма А. М. Горькому», т. XIV, стр. 189). Когда буржуазная печать начала «смаковать» как самую «сенсационную» новость» слухи об исключении Горького из партии, Л. гневно отвечал: «Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением» (т. XIV, стр. 211). Во времена наиболее острых идеологических расхождений с Горьким Ленин, не колеблясь, писал: «...Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» («Заметки публициста», т. XIV, стр. 298).

Из этого не следует, что Л. замалчивал политические ошибки Горького в пору его «впередовского» отхода. Говоря об одном из его открытых писем того времени, Л. заявляет: «На мой взгляд письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих. Все силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую всестороннюю борьбу с этими предрассудками». Очень интересно и с необычайной для Ленина лиричностью, показывающей, как дорог был для него Горький, он пишет, узнав о факте приветствия Горького Временному правительству: «Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, насквозь пропитанное холодными обывательскими предрассудками. Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемой улыбкой и прямодушным заявлением:

Ленин к Горькому
Насколько важно
Мне, Вас, и
исключая из-за
спра, и т. д. и т. д.
Ленин

Это же вы, Вас,
спрашивает! Отмен
ить? Зачем, зачем вы,
конечно, выслушать
собираетесь нас, мы
в Крестовых Крестовых
Это сейчас вы спрашивает
за газету и Молодой
или, нет? Вероятно, не
сатрап-ли

А вы не можете не
сказать, вы спрашивает
работы вы, вы спрашивает
спрашивает, вы спрашивает

Автограф письма Ленина к М. Горькому (апрель 1908). (Институт Маркса—Энгельса—Ленина)

ственного явления, как творчество и учение Толстого, представляя собою блистательный образец применения ленинского метода к литературоведению.

Сравнительно мало Ленин писал о современных. Здесь внимание его привлекала в особенности огромная фигура М. Горького. Ленин видел в нем великого писателя, по направлению своего творчества в основном—пролетарского писателя. Он радовался тому, что Горький и организационно пришел к большевикам. Он глубоко огорчился тем, что, будучи в партии, Горький впадал в некоторые заблуждения (уход его

„Я знаю, что я плохой марксист. И потому, все мы, художники, немного невменяемые люди“. Нелегко спорить против этого. Нет сомнения, что Горький—громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению. Но зачем же Горькому братья за политику? («Письма из далека», т. XX, стр. 41).

Конечно из этого замечания Л. глупо делать вывод, будто бы действительно «некоторая невменяемость» является не из безжизной чертой художника или что художник по какому-то своему внутреннему существу непременно плохой политик. На такую неверную точку зрения стали по отношению к Горькому Г. В. Плеханов и в значительной степени также В. В. Воровский. Наоборот, Ленин ценил в художнике крепкую, ясную мысль; он недаром так высоко ставил «Что делать?» Чернышевского. Из отношения Л. к Горькому, как из отношения к художникам Маркса и Энгельса, можно вывести однако заключение о необходимости известной снисходительности, известного умения прощать отдельные неточности, неясности, идеологические срывы художника, если все это восполняется талантом и главное—пламенным желанием художника служить делу революции.

7. **ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЛЕНИНА НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ.**—Каковы были лит-ые вкусы Владимира Ильича? В ряде мемуаров о Ленине по этому поводу сохранились интересные свидетельства, относящиеся к бытности Ленина в ссылке. «По вечерам,—пишет например Н. К. Крупская,—Владимир Ильич обычно читал или книжки по философии—Гегеля, Канта, французских материалистов, или—когда очень устает—Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере, и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко, что Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизни не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу не заходил у нас об этом разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, „Что делать?“ Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу—переиздание в дешевых выпусках классиков.

В альбоме Владимира Ильича, кроме карточек родственников и старых каторжан, были карточки Золя, Герцена и несколько карточек Чернышевского» («Воспоминания о Ленине», Гиз, Москва—Ленинград, 1931, стр. 32—33).

В другом месте своих воспоминаний она говорит: «...в Сибири узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например он любил роман Чернышевского „Что делать?“, несмотря на малохудожественную, наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна написанная рукой Ильича,—год рождения и смерти. В альбоме Ильича были еще карточки Эмиля Золя, а из русских—Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил. Помнится, в Сибири был также „Фауст“ Гёте на немецком языке и томик стихов Гейне» (там же, стр. 187—188).

Ленин особенно ценил крепкий, социальный реализм, дающий художественно густое изображение общественных явлений через их типично выразительные примеры. Так, т. Крупская пишет: «Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходил раз в театр, смотрел „Извозчик Геншель“, потом говорил, что ему очень понравилось. В Мюнхене из книг, нравившихся Владимиру Ильичу, помню роман Фергарта „Bei mama“ (У мамы), „Büttnerbauer“ (Крестьянин Поленца)» (там же, стр. 188). Но и монументальный символизм, к-рый возвышает ту же социальную действительность через художественное гущение до обобщающих кристаллов, почти, можно сказать, до художественной абстракции, не был чужд Л. Так, т. Крупская свидетельствует, что Л. в бессонные ночи зачитывался Верхарном. Сюда же относится, по моему мнению, тот факт, что, погнав на немецкое и довольно слабое представление «Живого трупа» Толстого, Ильич, по свидетельству т. Крупской, «напряженно и взволнованно следил за игрой». Уже большим Л. с особым удовольствием слушал рассказы Джека Лондона, когда они были полны истинного пафоса, и смеялся над ними, когда в них проявлялся ложный, мешанский сентиментализм.

Л. очень часто и чрезвычайно удачно иллюстрировал свои статьи и речи цитатами и образцами из различных писателей. Особенно охотно цитирует он Шедрина, но также Гоголя, Гончарова, Толстого, Тургенева, Помяловского, Короленко, Чехова, даже Андреева, и наконец Маяковского.

Манеру Маяковского Л. не любил. Ему вообще претила чрезмерная напряженность, неестественность всяких ультрасовременных изысков. Но стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», в котором с большим юмором высмеивалась страсть даже хороших большевиков к заседаниям, вызвало веселое настроение Ленина и использование этих острых строк для своих публицистических целей (том XXVII, стр. 177). Несомненно, если бы у Л. было время ближе познакомиться с творчеством Маяковского, в осознанности с творчеством последних лет, свидетелем которого он уже не был, он бы в

общем положительно оценил этого крупнейшего союзника коммунизма в поэзии.

Скажем здесь несколько слов о глубочайшей простоте ленинской манеры изложения и я, простоте, неразрывно соединяющейся с убедительностью. Ленин с негодованием относился ко всякому спуску к рабочим, к замене серьезного обсуждения вопроса «прибаутками и фразами» (Сочинения, том IV, стр. 461—462). В речах и статьях Ильича рабочие всегда видели, что Ильич, как выразился один рабочий, говорит с ними «серьез». «Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до рабочей массы, как хотят экономисты, непременно до „рабочих-средняков“, как хочет „Свобода“ (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической „педагогии“). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только конечно не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припугивание педагогии к вопросам организации. Ведь вы, господа-радетели о „рабочем-средняке“, в сущности скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно нагнуться, прежде чем заговорить о рабочей политике или рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись и предоставьте педагогии педагогам, а не политикам и не организаторам!» (там же).

Через три года (в июне 1905) Владимир Ильич вновь возвратился к затронутому им в «Что делать?» вопросу и писал: «В политической деятельности соц.-дем. партии всегда есть и будет известный элемент педагогии: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая нашего учения в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогии. Социал-демократ, к-рый забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом. Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы социал-демократом. Кто вздумал бы из этой „педагогии“ сделать особый лозунг, противопоставлять ее „политике“, строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга, против „политиков“ социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустил-

ся бы до демагогии» (т. VII, стр. 308—309). Это лишь пояснение того, что сказано было раньше и что определяет требования Ильича к популярной литературе.

Необыкновенно яркую характеристику соединения глубины и убедительности мысли с популярностью в практике Л. дает т. Сталин в заметке «Сила логики» в его брошюре «О Ленине». Вот что говорит там т. Сталин: «Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они к сожалению не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументаций, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бывших на впечатление, — все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных парламентских ораторов. Но меня пленяла тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленяла та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: „Логика в речах Ленина — это как-то всеильные шпательцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо режайся на полный провал“».

Исключительную ценность для характеристики ленинских воззрений на литературу и на лит-ую политику партии имеют его разговоры с Кларой Цеткин. Не говоря уже о том, что т. Клара Цеткин является свидетелем, заслуживающим всяческого доверия, пишущий эти строки позволяет себе сделать еще следующее замечание. Работая несколько лет в области культуры под непосредственным руководством Л., он разумеется имел несколько широких и глубоких бесед с великим вождем по вопросам культуры в целом, по вопросам народного образования в частности, а также искусства и художественной литературы. Он не может разрешить себе излагать эти беседы. Авторитет Ленина неизмерим; было бы преступлением осветить этим авторитетом какой-нибудь субъективный взгляд, который прокрался бы в такое изложение, сделанное на основании воспоминаний без точных записей на расстоянии многих лет. Но автор этой статьи может с уверенностью сказать, что мысли Ленина по этому предмету, излагаемые в нижеследующих цитатах из воспоминаний о нем Клары Цеткин, находятся в полном соответствии с тем, что сохранилось в его воспоминаниях, как подлинные руководящие директивы Ленина. Вот что передает нам Клара Цеткин: «Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столе-

тий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня „осанну“ по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие „расни его“,—все это неизбежно. Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры люди и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего.

«Но, понятно,—добавил сейчас же Ленин,—мы—коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты» (разрядка здесь и далее наша—А. Л.).

Затем следует интересное изложение мысли Л. об устойчивых достижениях человеческого искусства, о лучших результатах наиболее зрелых эстетических эпох в истории человечества и о современных исканиях упадочной буржуазии. По этому поводу у нас еще до сих пор имеются разногласия. Важно констатировать, что думал по этому поводу и как чувствовал в этом отношении наш вождь. Я должен тотчас же огорчиться: в конкретных вопросах искусства, в вопросах вкуса Л. был до чрезвычайности скромнен. Всякое свое суждение он обыкновенно сопровождал словами: «Я тут совсем не специалист», или «это мое личное мнение: легко может быть, что я ошибаюсь». Вместе с тем я должен подчеркнуть, что лично я питаю огромное доверие к вкусу Владимира Ильича и считаю, что и в этих областях, где он высказывался с такой чрезвычайной осторожностью и скромностью, он, как и его лучший ученик, в этом отношении занимающий обыкновенно такую же позицию, неизменно был прав в своих суждениях.

Л. говорил т. Цеткин: «Мы чересчур большие „ниспровергатели в живописи“. Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно „старое“. Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно „старо“? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что „это ново“? ... Бессмыслица, сплошная бессмыслица. Здесь—много художественного лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к ху-

дожественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры,—по мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим „на высоте современной культуры“. Я же имею смелость заявить себя „варваром“. Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих „измов“ высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

Но быть может всего важнее то, что высказал Ленин т. Цеткин об общей социальной роли искусства: «...Важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широчайших народных масс. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собою разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально, мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры».

Приведем еще одно замечательное место из воспоминаний т. Цеткин, из которого ясно видно, что Л. вовсе не думал, будто бы социалистическое искусство ограничится какими-то примитивными формами, якобы соответствующими слабой культурной подготовке масс. «Кто-то из нас, я не помню кто именно, заговорил по поводу некоторых особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение „условиями момента“. Л. на это возразил: „Знаю хорошо. Многие искренно убеждены в том, что *panem et circenses* („хлебом и зрелищем“) можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом—конечно! Что касается зрелищ,—пусть их! Не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища—это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского lumpen-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат трудом своим государству. Они „делали“ революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает по-

чу для культуры, конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим „интеллигентам“ предстоит разрешить огромной важности и благородные задачи. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их из низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в „Коммунистическом манифесте“, — на простор» (там же, стр. 51).

Вот гордый и блистательный завет Л. искусствоведам и художникам, литературоведам и писателям.

8. ЛЕНИН И СОВРЕМЕННОЕ МАРКСИСТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. — Все ленинское наследие должно быть самым внимательным образом исследовано литературоведами, начиная от философских построений Владимира Ильича, его исторической концепции, его политических воззрений и кончая непосредственно лит-ыми высказываниями. Часто бывает, что брошенные казалось бы вскользь замечания Владимира Ильича содержат на самом деле целую программу действий для литературоведа, намечают веки его методологического пути, приобретают директивное значение.

«... Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и строятся эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с „живых личностей“, на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие „помыслы и чувства“, которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих „личностей“ от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства), т. е. „начинает с утопии“...» («Экономическое содержание народничества», т. I, стр. 280). Это чрезвычайно существенное положение Л., будучи примененным в лит-ре, указывает на то, что литературовед, имеющий перед собой «реальную личность», ни в каком случае не должен начинать свое исследование от этой личности как якобы первопричины. Он должен отталкиваться от общественных отношений, ибо только это исследование дает ключ к реальному пониманию личности.

Требую от всякого исследования конкретности, т. е. подлинного изучения действительно объективного материала, который и должен быть потом освещен и объяснен при помощи применения диалектико-материалистического метода. Л. всякое исследование, стало быть и литературоведческое, считал необходимым поставить на широкую научную базу. Среди наших литературоведов, в особенности в пору начального примата переверзевских взглядов, можно было встретить людей, к-рые считали, что литературовед-

ние марксистско-ленинского характера должно опираться исключительно на социальные науки как таковые. Они чрезвычайно скептически относились к привлечению сюда наук биологических, психологических, лингвистических и т. д. Между тем мы имеем прямое указание Л. на необходимость привлечения всех этих разделов знания как вспомогательных. Правда, Л. перечисляет эти отрасли знания как источники «истории познания вообще». Но всякому ясно, что история и теория лит-ры относятся к такой общей истории познания целиком. Вот эти замечательные указания Ленина:

История философии
следовательно:

Кратко, история познания вообще

Вся область знания

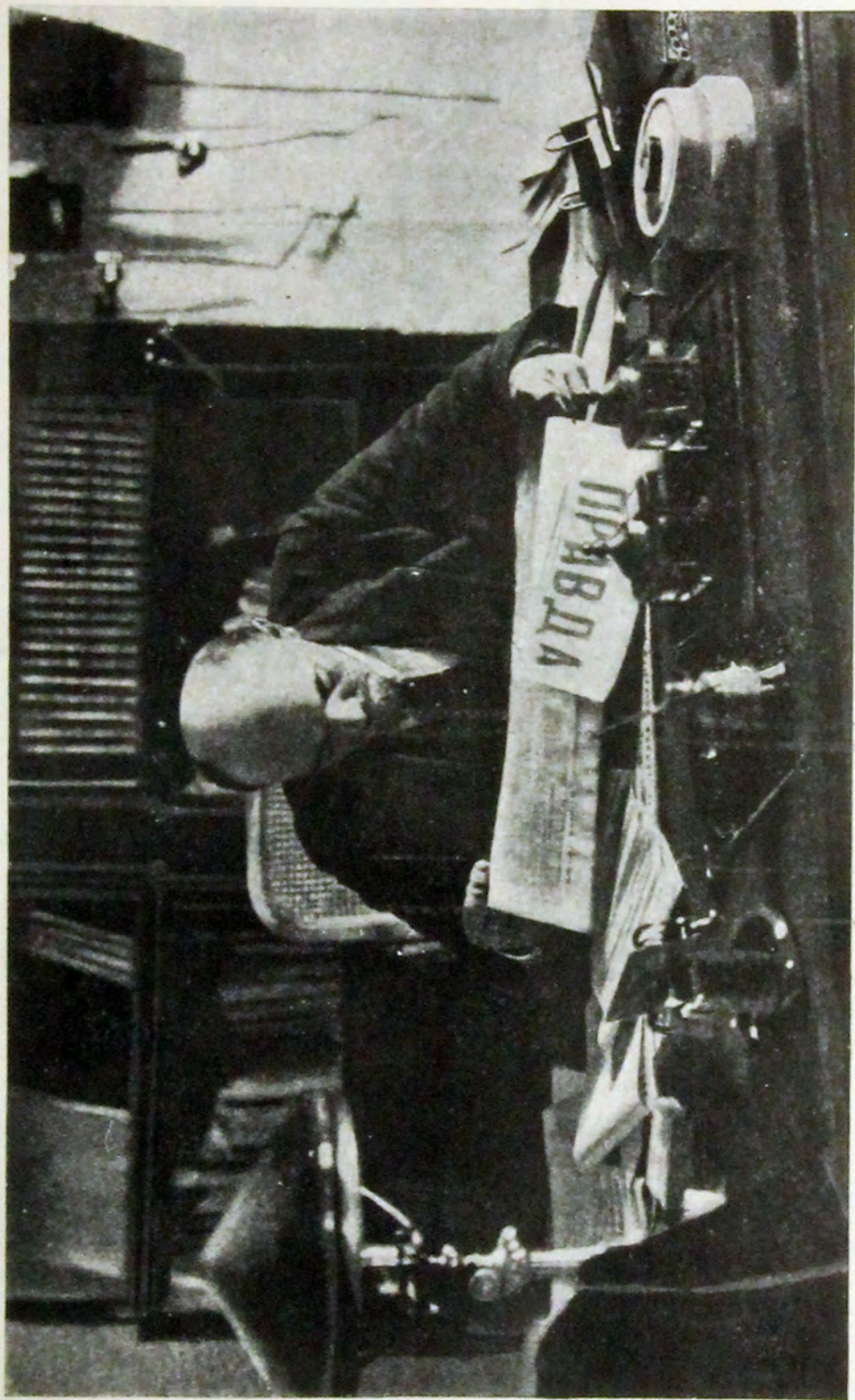
История отдельных наук.
* умственного развития ребенка . . .
* умственного развития животных . . .
* языка м
+ психология
+ физиология органов чувств

Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика.

(XII Ленинский сборник, стр. 314).

Довольно резкие отзывы Л. (вслед за Энгельсом и Марксом) о попытках прямого перенесения биологических законов в область исследования социальных отношений несколько не противоречат этому знаменательному перечню приводящихся знаний. Марксистская социология «снимает» биологию, но горе тому, кто не поймет этого гегелевского выражения, которое сам Ленин тщательно истолковал: «СНЯТЬ—это значит кончить, но так, что конченное сохраняется в высшем синтезе». Это значит, что биологические факторы больше не являются доминирующими в общественной жизни человека, но это не значит, что можно вовсе игнорировать строение и функции его организма, в том числе мозга, болезни и т. п. Все это приобретает новый характер, все это глубоко видоизменяется новыми социальными силами, но не исчезает. Литературовед, который считал бы возможным совершенно игнорировать зачатки эстетического чувства у животных или развитие впечатлительности и творчества у ребенка или богатейшие сокровища, которые еще лежат неисследованными в области коллективного творчества языков, был бы узким исследователем, к к-рому конечно можно отнестись снисходительно, поскольку мы находимся в начале нашей работы, но со стороны которого было бы смешно ставить себя в пример мнимой чистоты марксистского исследования.

Заветы Л. современному литературоведению ни в коей мере не академичны. Искусство для него никогда не было самоцелью; как мы видели выше, он ставил перед ним задачу «объединить чувство, мысль и волю масс, подымать их» (из воспоминаний Кл. Цеткин). За такое воинствующее, боевое, партийное искусство Владимир Ильич боролся с величайшей энергией. Прекрасным свидетельством этой борьбы является его статья «Партийная организация и пар-

М. С. Горький

тийная лит-ра», относящаяся к эпохе первой революции [1905]. Поводом для написания этой статьи было желание упорядочить политическую литературу партии, ее публицистику, ее научные издания и пр. Но разумеется объективное значение статьи выходит за эти рамки, и суждения Л. прекрасно применяются ко всей художественной лит-ре той поры. «Литература, — писал Л., — может теперь даже „дегально“ быть на $\frac{1}{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным правам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, „барскому анархизму“ и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

«В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы».

«„Всякое сравнение хромает“, говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, приносящего, омертвляющего, „бюрократизирующего“ свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Споры нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, низвержению, господству большинства над меньшинством. Споры нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблононо отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чудного и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партий-

ных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая таким образом всякую почву у старинного, полу-обломовского, полу-торгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает» (т. VIII, стр. 387—388).

Отмежевываясь от «полу-азиатского» прошлого русской литературы, Л. сейчас же проводит режущую грань, к-рая не позволила бы нам пойти по не менее грязным путям западной буржуазной лит-ры. Он посвящает этой проблеме блестящие строки: «Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим итти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».

«Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!»

«— Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов» (т. VIII, стр. 388).

По этому поводу Л. дает гневную, яркую, по совершенству своей формы, можно сказать, классическую характеристику буржуазной «свободной» лит-ры: «...господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе — одно лицемерие. В обществе, основан-

ном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богатых, не может быть „свободы“ реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? От вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде „дополнения“ к „святому“ сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая назнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания. И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазной литературе противопоставить действительно свободную, о т к р ы т о связанную с пролетариатом литературу. Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скушающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)» (т. VIII, стр. 389—390).

Несмотря на то, что со времени написания этой статьи прошло больше четверти века, она до сего времени ни на йоту не потеряла своего глубочайшего значения. Более того, основной принцип партийности литературы, служащей делу социалистическое переустройства мира, в настоящее время так же актуален, как и развернутая в статье жесточайшая критика буржуазной литературы, как и пламенная характеристика будущей социалистической литературы, служащей миллионам и десяткам миллионов трудящихся. Статья «Партийная организация и партийная литература», содержащая руководящие указания по вопросам литературной политики партии, лишний раз свидетельствует о том, как огромно было бы участие Л. в тех жгучих лт-ых спорах, которые особенно широко развернулись после его кончины.

Партия следует по стопам Л. и с непрерываемой верностью развивает его положения и применяет их к жизни. В ряде решений

Центрального комитета и авторитетных высказываний Центрального органа партии мы имеем богатейший дополнительный материал для построения литературоведения, материал глубоко ленинского характера, хотя формально и выпадающий из задач нынешней статьи. Руководство Центрального комитета партии и вождя партии т. Сталина, проявляющего в вопросах литературы глубокую ленинскую чуткость, гарантирует нам максимально-безболезненное развитие нашего литературоведения и самой литературы. Работа тут предстоит чрезвычайно большая и сложная, ибо если надо строго осудить всякого, кто полагает, что в нашем арсенале мы не имеем основных и важнейших определителей для нашей литературоведческой работы, то надо также считать величайшим заблуждением, даже позором, стремление замкнуться в повторение задов, отсутствие смелости в творческой работе, такую чрезвычайную боязнь невольной ошибки, к-рая парализует самую возможность идти вперед.

Марксистско-ленинское литературоведение переживает в настоящее время этап бурного роста. В его борьбе против различных идеалистических и механистических систем, равно как и в его позитивной исследовательской работе, ленинское наследство является надежнейшим компасом. Иалишне говорить, что мы имеем здесь в виду в с е ленинское наследство во всем его объеме, начиная от философских тетрадей и исторических исследований и кончая высказываниями на темы пролетарской культуры или литературы, часто тающими в себе замечательные оценки явлений, к-рые должны лечь в основу специальных исследований. Характерный для всего наследства Л. дух боевой партийности, присущая этому наследству политическая заостренность в соединении с философской глубиной и исторической конкретностью должны оплодотворить, уже оплодотворяют и будут оплодотворять марксистское литературоведение. Именно в атмосфере развернутого социалистического строительства, к-рое и после преждевременной и трагической смерти великого вождя партия продолжала развертывать в его духе и во все более захватывающих темпах, теоретическое наследство Л. является водителем современной литературной практики и пролетарской литературной теории.

Библиография: I. Сочинения Ленина, 2-е и 3-е издания, М.—Л., 1925—1932, 31 т. [27 т. основных, тт. XXVIII и XXIX—письма Ленина, т. XXX—статья, не вошедшая в основной корпус издания, т. XXXI—указатель (печатается)]. В этом собр. сочин. для литературоведа ближайший интерес представляют следующие статьи: т. I—«Что такое „дружный народ“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»; т. II—«От какого наследства мы отказываемся»; т. III—«Развитие капитализма в России»; т. IV—«Что делать?»; т. VIII—«Партийная организация и партийная литература»; т. XI—«Аграрная программа русской социал-демократии»; т. XII—«Памяти графа Рейдена» и «Л. Н. Толстой как зеркало русской революции»; т. XIII—«Материализм и эмпириокритицизм»; т. XIV—«Письма в Горькому»; «Басня буржуазной печати об исключении Горького», «Л. Н. Толстой», «Толстой и современное рабочее движение» и «Толстой и пролетарская борьба»; т. XV—«Герои „огоньчичи“»; «Л. Н. Толстой в его эпоху»; т. XVI—«Памяти Герцена»; т. XVII—

«Народники о Н. К. Михайловском», «Критические заметки по национальному вопросу»; т. XVIII—«О национальной гордости великороссов»; т. XIX—Империализм как высшая стадия капитализма»; т. XXI—«Государство и революция»; т. XXIII—«Письмо-предисловие конференции пролетарских культурно-просветительных организаций»; т. XXIV—«Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры», «Об очистке русского языка»; т. XXVII—«Галатейная книжка» (об А. Аверченко); «О международном и внутреннем положении Советской республики» (о Маяковском).

Подробнее—в библиографическом указателе: Ленин о литературе и искусстве, «Марксистско-ленинское искусствознание», 1932, № 2 (указания всюду даны там по первому изданию сочинений Ленина, в настоящее время уже устаревшему).

П. Сталин И., О Ленине, в сб. статей Сталина «О Ленине и ленинизме», Гиз, М., 1931 (несколько изд.); Гирини С., Ленин об искусстве, «Культурный фронт», 1924, № 1; Язык Ленина, «Лето», 1924, № 1 (ст. Б. Каванского, В. Шилова, Ю. Тышнова, Б. Эйхенбаума, Л. Якубинского и Б. Томашевского); Болдырев-Казаринов Д. А., Ленин и искусство, «Сибирские огни», 1924, № 3; Вейткн Е., Воспоминания о Ленине, «Коммунист», 1924, № 27; Шафир Я., Язык Ленина, «Коммунистическая революция», 1924, № 2; Полянский В. (Лебедев П. И.), Ленин и литература, «Под знаменем марксизма», 1924, № 2 (также и отдельное издание); Соколовский Л. О. Пушкине. За что любил Пушкина В. И. Ленин, «Правда», 1924, № 127; Финкель А., О языке и стиле В. И. Ленина, вып. 1, Харьков, 1925; Луначарский А. В., В. И. Ленин о науке и искусстве, «Народное просвещение», 1925, № 1; Полянский В. А., Ленин и литературная критика, «Восстающий материал», 1925, № 2; Левевич Г., Ленин о культуре и литературе, «Рабочий читатель», 1925, № 2; Лепешинский П., Великий журнал нашей эпохи, «Журналист», 1925, № 2, 18; Дрейден С., Ленин и искусство, Л., 1926 (сборник); Луначарский А. В., Ленин и его отношение к науке и искусству, «Научный работник», 1926, № 1; Давидов В., Художественный образ в языке В. И. Ленина, «Новый мир», 1926, № 1; Беркович С., Культура, искусство и литература в освещении В. И. Ленина, «Молодая гвардия», 1926, № 2; Авербах Л., О заметках Ленина на статье В. Цеттлева, «На литературном посту», 1926, № 5—6; Брик О., Брюсов против Ленина, там же, 1926, № 5—6 (по поводу статьи В. Я. Брюсова «Свобода слова», 1915, № 11); Якубинский Л., Ленин о «революционной фразе и смежных явлениях», «Печать и революция», 1926, № 6; Пельше Р., Ленин об искусстве, в его кн. «Проблемы современного искусства», М., 1927; Полонский Вяч., В. И. Ленин и пролетарская культура, «Печать и революция», 1927, № 7; Бонч-Бруевич В. Л., Ленин и мир литераторов и ученых, «На литературном посту», 1927, № 20; Полонский Вяч., В. И. Ленин об искусстве и литературе, «Новый мир», 1927, № 11; Бонч-Бруевич В. Л., Ленин и Толстой, «Огонек», 1927, № 46; Крученых А., Приемы ленинской речи. К изучению языка Ленина, М., 1928; Раскольников Ф., Ленин о Толстом, в сб. «Ленин о Толстом», Гиз, М.—Л., 1928; Фриче В., В. И. Ленин о классовом лице Л. Н. Толстого, «Пролетарская революция», 1928, № 4 (сер. Егорове, Л. Н. Толстой, изд. Комнадемии, М., 1928); Нусинов И. М., Л. Н. Толстой и В. И. Ленин, в сб. «Ленин и Толстой», изд. Комнадемии, М., 1928; Ломанин А. И., Ленин о Чернышевском, Гиз, 1928; Волин Б., Ленин и литература, «Октябрь», 1928, № 3; Ольминский М., Наше отношение к Л. Н. Толстому, «На литературном посту», 1928, № 3; Волин Б. О., Ленин о Толстом, «На литературном посту», 1928, № 5; Ганецкий Я., Ленин о Горьком, «Правда», 1928, № 75; Волин Б., Ленин о Горьком, «Октябрь», 1928, № 7; Раскольников Ф., Еще о Толстом (ответ т. Луначарскому), «Красная повесть», 1928, № 9; Бондарев Д. А., Толстой и современность, Гиз, М.—Л., 1929; Беляков Г., История русской литературы XIX в. свете ленинского учения о русском и американском пути развития, «На литературном посту», 1929, № 2; Михайлов А., Проблема пролетарской культуры в постановке Ленина и интерпретации тов. Лушова, «На литературном посту», 1930, № 8; Крученых Н. К., Воспоминания о Ленине, Гиз, М.—Л., 1931 (вып. I и II); Петкин К. Л., Ленин о культуре, «На литературном посту», 1931, № 2 (см. также выше в сб. С. Дрейдена); Бонч-Бруевич В. Л.,

Ленин о поэзии. Набросок из воспоминаний, «На литературном посту», 1931, № 4; Каване Ф., За ленинскую критику взглядов Плеханова. О творчестве Горького, «РАПП», 1931, № 3; Асеев Н., Об отношении Ленина к Маяковскому, «На литературном посту», 1931, № 10; Левевич Г., Ленин и Горький, «Молодой большевик», 1931, № 11; Введенский Д. Н., Опыт изучения стиля и композиции политических брошюр В. И. Ленина, «Русский язык в советской школе», 1931, № 5; Бельчиков Н., К вопросу о ленинском наследстве в литературоведении, «Русский язык в советской школе», 1931, № 8; Глаголев Н., Ленин и Плеханов о Л. Толстом, «На литературном посту», 1931, № 20—21, 23; Глаголев Н., Плеханов и Ленин о Толстом, «Молодая гвардия», 1931, № 13—14; Диванов С., Боевые задачи марксистской критики, «Марксистско-ленинское искусствознание», 1932, № 1; Кирпотин В., Письмо тов. Сталина к задаче борьбы за ленинизм в литературоведении и критике, «Пролетарская литература», 1932, № 1—2; Глаголев Н., За ленинскую критику взглядов Плеханова на Белинского, «Марксистско-ленинское искусствознание», 1932, № 2; Ломтев Т., К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина, «Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 1; Лейтес А., Ленин как литератор, «Литературная газета», 1932, № 4; Кирпотин В., Ленин и литературная критика, «На литературном посту», 1932, № 6; Горький М., В. И. Ленин, ГИХЛ, М.—Л., 1932 (изд. 1-е, Л., 1924; изд. 2-е, Л., 1931).

В данную библиографию не введен ряд работ о марксистско-ленинском творческом методе, о ленинизме в литературе политике и пр. См. их в библиографии к соответствующим статьям «Литературной энциклопедии».

Ш. Быстрицкий В., Систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина, изд. 2-е, доп., изд. «Пробой», Л., 1924; Гродевич М. и Штерман М., Ленин. Опыт аннотированного систематического указателя произведений, Гиз Украины, Харьков, б. г. (1924); Булгаков А. В., Материалы для библиографии Ленина. 1917—1923, изд. «Пробой», Л., 1925; Шнейерсон В. С., Библиографический указатель к собранию сочинений Н. Ленина (В. Ульянова) (1893—1923 гг.), Гиз, М.—Л., 1926 [Указатель—хронологический, алфавитный и содержания собр. сочинений Ленина]; Ленинина, под общей ред. Л. Б. Каменева: т. I—Библиографический обзор русской литературы за 1924 г., под ред. И. В. Владиславлева, Гиз, М.—Л., 1926; То же, т. II—за 1925, М.—Л., 1927; То же, т. III—за 1926, М.—Л., 1928; То же, т. IV (под общей редакцией Н. Бухарина и др.)—за 1927 г., сост. Биб-кой Института Ленина, М.—Л., 1929; То же, т. V (под общей ред. М. А. Савельева)—за 1928 г., М.—Л., 1930; Мержричер О. Н., Алфавитный указатель работ В. И. Ленина, вошедших в 1-е изд. обзор. сочин. (см. Ленин Н. (В. Ульянова), Собр. сочин., т. XX, дополнительн. вып. 2, 1917—1922 гг., Москва, 1926, стр. 567—596); Шнейерсон В. С., Библиографический указатель к XX дополнительному тому собр. сочин. Н. Ленина (В. Ульянова) (1895—1922 гг.). Со списками изд., в которых впервые появились произведения Ленина, и псевдонимами, которыми он пользовался, Гиз, М.—Л., 1927; Ташкаров П. М., Литературные работы В. И. Ленина в 1917 г., Библиографический указатель к работам В. И. Ленина в период февраль—октябрь 1917 г., Гиз, Москва, 1927; Указатель к Ленинским сборникам I—VIII, Гиз, М.—Л., 1928 (Институт Ленина); Ленин и ленинизм. Алфавитно-предметный указатель литературы в Биб-ке Коммунистической академии, изд-во Комнадемии, М., 1928 (Коммунистическая академия, Библиотека); Предметный указатель к первому изданию сочинений В. И. Ленина, Гиз, М.—Л., 1930 [Институт Ленина при ЦК ВКП(б)] (составлен П. М. Ташкаровым, под ред. К. А. Попова); Ежегодник ленинской и историко-партийной библиографии, т. I—Обзор литературы по Ленину и ленинизму, история ВКП(б) и ВЛКСМ, история Коминтерна и КИМ'а за 1929 г., составлен Библиотекой ИМЭЛ, Партийное издательство, Л., 1930 [Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)], является продолжением обзоров ленинской литературы. Издание «Ленинана» с выходом пятого тома прекращено; Ленин на иностранных языках, Библиографический указатель, под общей редакцией М. А. Савельева, составлен Библиотекой Института Ленина, Гиз, (Ленинград), 1931 [Институт Ленина при ЦК ВКП(б)]; Ленин о литературе и искусстве, Библиографический указатель, № 7, «Марксистско-ленинское искусствознание», 1932, № 2.

А. Луначарский